

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2022

28.03.22. Праздничные мероприятия, посвященные Дню возрождения балкарского народа, состоялись во всех районах и городских округах республики. В них приняли участие депутаты законодательного органа КБР.

На детский праздник в Республиканском дворце творчества детей и молодежи, приуроченный к этому дню, Председатель Парламента КБР Татьяна Егорова пришла вместе с внуками.

«В этот день ровно 65 лет назад восторжествовала историческая справедливость, и балкарский народ вновь обрел государственность в составе единой Кабардино-Балкарии, – обращаясь к участникам мероприятия, отметила спикер. – Сегодня этот праздник мы отмечаем как День возрождения балкарского народа. Мы искренне радуемся и гордимся успехами нашего братского, такого трудолюбивого, такого талантливого народа, который вносит весомый вклад в развитие Кабардино-Балкарии и всей нашей страны...»

*Пресс-служба Парламента КБР
Фото Артура Елканова*

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2022 МАРТ–АПРЕЛЬ

ЗЕМНОЙ АД

Повесть

Глава вторая¹

I

Дела в колхозе постепенно налаживались, люди вздохнули чуть свободнее. В то же время новое начальство, познавшее сладость бесконтрольной власти, вовсе не собиралось менять свои изуверские методы. Аресты продолжались, совершенно невиновных людей объявляли врагами, и те исчезали в просторах Сибири. Особенно страшно женщинам: стоит кому-нибудь из них приглянуться представителю новой власти, тот начнет домогаться ее. И защиты ждать совершенно не от кого. Поэтому неудивительно, что большинство сельчан старается лишний раз не показываться колхозному руководству на глаза.

Как ни странно, Атабий не стал жертвой репрессий. Но жизнь ему все-таки портят регулярно. Так, ему удалось даже поступить на учебу, но долго он там не продержался – вслед за ним полетели доносы, и пришлось вернуться в село. Главная причина – его происхождение. По мнению властей, учиться должны только выходцы из бедных семей, так как именно они должны занимать руководящие должности. А Атабий все еще числился «чуждым элементом», которому не стоило доверять. Хотя от тех, кого направляло на учебу начальство, толку было мало. Все, на что их хватало – вызубрить лозунги: «Да здравствует партия Ленина, открывшая нам дорогу в светлое будущее», «Наша сила – в единстве», «Враги Советской власти должны быть уничтожены».

Шансы Атабия на получение образования несколько увеличились после того, как пришло указание ликвидировать безграмотность. Каждый человек в возрасте от шестнадцати до сорока пяти лет обязан был уметь читать и писать. Но Батырбий и тут не упускает возможности ставить ему палки в колеса, нагружая его делами. Занятия в школе заканчивались в обед, а после этого надо было идти в лес за дровами или же таскать камни для строительства бани.

Учение Атабию давалось легко, возможно, сказывались уроки, взятые

¹Продолжение (начало – № 1, 2022).

им когда-то у сельского эфенди. Это вызывало у многих уважение, но высказывать его вслух никто не решался – никому не хотелось неприятностей на свою голову. Атабию вполне было по силам самому давать уроки в школе. Хватило бы у него образования и чтобы занимать какой-нибудь пост в руководстве села. Хотя даже мечтать о таком было бы глупо. Атабий это прекрасно понимает и живет, особо не высовываясь, держится в сторонке. Что ни говори, хорошо уже то, что его приняли наконец-то в колхоз. Одно из поручений, которое дали Атабию – ходить в соседнее село за почтой. Путь неблизкий, сумки обычно тяжелые, и после этого Атабий буквально валится с ног от усталости. Шерипа и Дюгерхан весь день горбчатся на колхозной работе, но каждый раз, когда Атабий уходит за почтой, они сидят на крыльце и с тревогой вглядываются вдаль, ожидая его прихода.

В селе есть несколько семей, которые люто ненавидят Атабия. Они уверены, что именно Абдулкерим, его отец, является виновником гибели их родных. Прямо они об этом не говорят, но нет сомнений, что при случае они не упустят возможность отомстить Атабию. Шерипа иной раз пытается затеять разговор на эту тему, но Атабий в таких случаях обычно отмалчивается. Видя это, не пытается продолжить разговор и Шерипа. Разве что скажет в сердцах: «Да накажет Аллах тех, кто довел нас до этого состояния!». «Правду все-таки говорят: «Отбери у холопа жизнь, только дай ему денег», – думает она, а порой даже произносит это вслух. И еще одна поговорка не выходит у нее из головы: «Если собака взбесится, она бросается на хозяина». Именно так, по ее мнению, и случилось: дорвавшись до власти, холопы взбесились и бросаются на людей. Взять хотя бы Жашауа, сына Кумука. Он не сомневается, что его брат Шакман погиб от рук Абдулкерима, и только выжидает момент, чтобы расправиться с Атабием. Причем бояться ему особо нечего: Батырбий, стоящий во главе села, женат на родной сестре Жашауа, и понятное дело, всегда придет ему на выручку. А возможно, даже выразит ему благодарность – за то, что избавил общество от «врага народа». Такая обстановка не может не удручать Атабия, так же, как и его сестру и мать.

Однажды в село приехал Каспот, и объявили общее собрание. Сельчане собрались на поляне перед сельсоветом. Все стояли, и только Каспот с Батырбием сидели за столом, устланным красным кумачом. Как оказалось, Каспот явился сюда только лишь с тем, чтобы сказать, что настала пора начинать сенокос.

После его выступления слово попросил Кумук. Он вышел из толпы, оглядел присутствующих и сказал:

– Хочется поблагодарить нашего гостя за то, что он указал нам, когда надо начинать косить. А то сами мы совсем перестали понимать, какое сейчас время года. И я также хотел попросить его, чтобы он напомнил нам, в какое время дня надо доить коров.

Все засмеялись. Каспот был вне себя от злости, но постарался остаться спокойным.

– Мы чуть ли не с момента рождения горбатились на самых тяжелых работах и прекрасно знаем, когда надо начинать косить или сеять. Однако тут я хотел бы сказать о другом. Почему и сейчас, когда наступила власть трудового народа, работать должны мы? Пусть теперь работают те, кто раньше припеваючи жил за наш счет, – закончил свою речь Кумук.

– Кумук, мне хорошо известны твои заслуги перед Советской властью. Но сейчас я, честно говоря, очень недоволен твоими словами, – ответил ему Каспот. – И ты, и я воевали не за то, чтобы потом проводить жизнь, лежа на спине. Нет, никто не должен так думать. Если мы не будем работать больше, чем раньше, мы ослабеем. И тогда власть опять перейдет в руки к нашим врагам, которые не замедлят нас поставить к стенке. Неужели ты этого не понимаешь, Кумук? Своими словами ты льешь воду на мельницу наших врагов, а Советская власть, как ты знаешь, очень этого не любит. Если следовать твоим словам, завтра на работу будет некому выйти. Кумук, ты человек, проливший кровь за Советскую власть, один из самых уважаемых людей в селе. И я не могу понять, почему ты сейчас так себя ведешь.

Батырбий наблюдал за происходящим сам не свой от страха: неосторожные слова тестя могли положить конец его карьере. Примерно так же чувствовал себя и Жашау. Желая выправить положение, он сдернул с головы поношенную, пожелтевшую от времени войлочную шляпу и выступил вперед.

– Не думайте, что я пытаюсь защитить своего отца, – начал он свою речь. – Но я хочу, чтобы все поняли: его слова, обращенные к Каспоту – всего лишь дружеская шутка. Возможно, здесь не все знают, что их двоих связывает многолетняя дружба. Они вместе воевали на гражданской войне, и даже в партию вступили в один и тот же день. Я свидетель того, как отец обрадовался, узнав, что к нам едет Каспот. Он прямо места не находил в ожидании дорогого гостя. Правильно поймите и его слова о том, кто должен работать. Ни для кого не секрет, что в нашем селе есть люди, любым путем пытающиеся увильнуть от колхозной работы. Но почему мы должны мириться с этим? Скажем, все вы знаете Атабия. Это сын известного бандита Абдулкерима. Так с какой стати он должен жить так же, как те, кто ничем не запятнал свое доброе имя? Вот эти вопросы гложут моего отца Кумука. И можете мне поверить, даже дома он не устает нам повторять: «Надо работать, не жалеть сил, чтобы сделать нашу страну еще более могущественной». Душе его не было покоя, пока все дети не вступили в комсомол. Вы также видите, сколько делает для правильного воспитания молодежи его дочь Иллеука, которая замужем за Батырбием – человеком, стоя-

щим во главе села. А теперь скажите, разве я в чем-то неправ?

Кумук был донельзя рад слышать такую вдохновенную речь сына. Он приободрился, распрямил плечи, горделиво оглядел собравшихся. Несколько оживился и Батырбий. Однако все молчали, и было еще неясно, что люди обо всем этом думают.

Снова заговорил Каспот:

– Мы сегодня собрались здесь не для того, чтобы затевать бесполезные споры. Ваш колхоз один из лучших в районе, и это не может не радовать. Но расслабляться ни в коем случае нельзя. Что касается слов моего друга Кумука. Я рад, что он все такой же жизнерадостный человек, любящий пошутить. И, конечно же, ни о какой обиде с моей стороны не может быть и речи. Но я хочу сказать, что мы сейчас не за пиришественным столом с чашей бузы в руках. Мы решаем вопрос, как нам лучше справиться с задачами, поставленными перед нами. А ты, Жашау, перестань придираться к Атабию. Он – наш человек, и в этом нет никаких сомнений. Я лично спас ему жизнь, вырвав из рук бандитов. Мало кто пострадал от этих собак так, как он. Абдулкерим был против нас и понес заслуженную наказание. Но Атабий не должен отвечать за преступления своего отца. Атабий умный человек и может принести много пользы селу, да и всей стране.

– Если вы считаете Атабия таким умным, то можете взять его к себе на работу, – огрызнулся Жашау. – Но я хочу сказать, что мы, сельчане, лучше приезжих знаем, кто есть кто в селе. И я, сын большевика Кумука, совру, если скажу, что буду водить дружбу с сыном бандита Абдулкерима.

Все зашумели, послышались выкрики.

– Невелика беда для него – не дружить с тобой.

– Атабий – парень что надо.

– Жашау, хватит уже ставить себя выше других...

Было ясно, что большинство людей было на стороне Атабия.

Кумук все еще стоял перед толпой, не зная, как себя вести. Неловко почувствовал себя и Жашау, стоящий рядом с отцом. Они поняли, что односельчанам пришлось не по душе их речи. Но хуже всех было Батырбию. Тесть и шурин нарушили все его планы. Он не раз ездил в райцентр, чтобы убедить начальство назначить Кумука председателем колхоза. Но теперь с этими мечтами придется расстаться. Но рисковать своим положением он вовсе не намерен. В случае чего он даже готов прогнать свою жену. Зачем ему нужен тесть, который не следит за своим языком, и шурин, не знающий, как себя следует вести с начальством?

Решив тоже сказать несколько слов, Батырбий вопросительно посмотрел на Каспота. Тот одобритительно кивнул, и Батырбий оглядел присутствующих, настраиваясь произнести речь. Люди собрались самые разные. Старики, по большому счету, отнеслись к разгоревшемуся сыр-

бору равнодушно. Они даже не стали вникать в суть спора, и поняли только одно – пора начинать сенокос. Часть присутствующих, как видели, была на стороне Атабия, другая не сомневалась в том, что Абдулкерим – бандит, а раз так – то гори он в аду.

– Подожди-ка минутку, – сказал Каспот еще не начавшему говорить Батырбию. – А что, Атабия нет сегодня здесь?

– Он не любит ходить на такие мероприятия, – ответил Батырбий. – Да и вообще он мало куда ходит.

Это была правда. Атабий избегал мест массового скопления людей. Даже когда Ахузат, дочь сестры его матери, собралась выйти замуж за Гогаю, он отказался поехать с ней.

Батырбию вопрос Каспота не понравился, несмотря на родство, с Атабием у него были не лучшие отношения. Как-то раз Атабий заявился к нему с просьбой повлиять на бригадира, который придирается к его сестре и матери: устанавливает им нормы больше, чем остальным, наказывает ни за что, оскорбляет. Но Батырбий даже не стал его слушать, сказав, что ему некогда заниматься делами таких мелких шавок, как он.

Атабий не стал с ним ругаться. «Ты сейчас чувствуешь себя волкодавом, но даст Аллах, я увижу еще, как ты будешь жалко скулить, подобно щенку», – подумал он, направляясь к двери. «Пока такие, как ты ходят по нашей земле, спокойствия не будет», – крикнул ему вслед Батырбий.

– Тебе еще придется держать ответ перед теми, кого ты стубил, – сказал Атабий, обернувшись, и вышел из комнаты.

Ответ Батырбия заставил Каспота задуматься.

– Может, дело не в нем, а в вас? – шепотом спросил он у Батырбия. – Может, вы не даете ему общаться с людьми?

– Вовсе нет. Просто ты плохо его знаешь. Он совсем не тот человек, за которого ты его принимаешь. Я совершенно уверен, что в душе Атабий против нашего дела. И никто не знает, какую подлость можно от него ожидать.

– Мне кажется, вам надо научиться работать с людьми. Нужно уметь найти поход к каждому, чтобы они к вам потянулись. И избавьте Атабия от таскания почтовых сумок. Дайте ему настоящую работу. Например, сделайте его учетчиком. Уверен, что никто с этим делом не справится лучше него.

– Правление собирается назначить Кумука старшим чабаном. Но он вряд ли сработается с Атабием.

– Сделайте так, чтобы они сработались. Иначе зачем вы занимаете свои места?

Батырбий был вне себя от злости, но не мог себе позволить нагрубить Каспота. Он в бессильной злобе сжимал и разжимал кулаки, не зная, как себя вести. «И чего этот красноперый привязался к нашему колхозу? Ездит сюда по поводу и без повода. Как будто без него мы не знаем, когда

нам следует начинать сенокос. Сидел бы у себя в кабинете и занимался своими делами. А то торчит здесь, шурит свои хитрые глазки. Обошлись бы как-нибудь без его советов».

«Будь ты мужчиной, ты сказал бы эти слова вслух», – прозвучал вдруг у него в ушах голос. Ему даже показалось, что это голос Шерипы, и он посмотрел по сторонам. Но, разумеется, Шерипы здесь не было и не могло быть.

– Слово предоставляется Батырбию, – сказал Каспот. – Вам, может, не очень нравится, что я здесь чувствую себя хозяином, но я сюда пришел не из-за того что мне делать нечего. Меня послала сюда партия. И я обязан выполнить ее поручение.

– Товарищи! – громко сказал Батырбий. – Только что здесь перед нами выступил товарищ Каспот, настоящий большевик, человек, при одном упоминании имени которого наши враги дрожат от страха. И мне по большому счету нечего добавить к сказанному им. Именно такие люди, как он, учат нас жить, работать, бороться с кулаками, с недобитой контрой. Так что нам единственно остается заверить товарища Каспота, что мы приложим все силы, чтобы выполнить поручения, которые он нам дал. Единственное, что хочу добавить: все, кто не желает быть исключенным из колхоза, должны в этот ответственный период работать, не жалея сил. От нашей сознательности зависит наше будущее, именно это определяет, насколько хорошо мы будем жить. Враг не дремлет, есть люди, которым наши успехи как гость в горле. Но пока впереди нас шагают такие люди, как товарищ Каспот, у ненавистников Советской власти нет никаких шансов, они в самом скором времени будут изведены под корень!

И еще одно. Тут некоторые товарищи позволили себе необдуманные высказывания. Но нам пора уже знать, кто есть кто, и как следует относиться к тем, кого к нам посылает партия. И я всем советую дважды подумать, прежде чем возражать уважаемым людям, представляющим Советскую власть. Такой человек рискует стать «врагом народа», а это ляжет пятном на все наше село.

Кумук отошел в сторону и сидел на гладком теплом валуне. Чем дальше он слушал выступление своего зятя, тем ниже опускалась его голова, и под конец он чуть не уперся ею в колени. Он поднял голову и посмотрел на Каспота и Батырбию. «Ну вот, так тебе и надо, Кумук, – сказал он сам про себя. – Ты не раз глядел в лицо смерти, воюя за Советскую власть, а теперь, похоже, оказался на обочине. На коне сейчас – Батырбий. А кто он такой по сравнению с тобой? Во время гражданской он только и способен был на то, чтобы выполнять наши мелкие поручения. Но теперь ты не волен шагу ступить без его разрешения. Ну уж нет, я с таким положением не смирюсь, пока во мне теплится душа, я не дам себя затоптать всяким проходимцам».

Кумук быстро встал с камня и зашагал прочь. Увидевший это Батырбий нахмурил брови. Поведение тестя не на шутку встревожило его – как бы он не натворил глупостей. Но тем хуже будет для самого Кумука. Батырбий из тех людей, для кого собственные интересы всегда стоят на первом месте. И пусть никто не смеет встать у него на пути, будь то тесть или даже родной брат.

Батырбий все же постарался ничем не выказать свое смятение. «Не пори горячку, – приказал он себе. – Ты не рядовой колхозник, ты глава села, и не должен поддаваться чувствам. А если Кумук и Жашау все-таки поведут себя не так, ты с ними сумеешь разобраться».

II

Батырбий из кожи вон лез, чтобы угодить Каспоту, но подозревал, что тот все еще не до конца доверяет ему. И это было действительно так. Каспоту совсем не нравилось усердие Батырбия, поступавшего подобно герою поговорки: когда его просили принести шапку, он приносил ее вместе с головой владельца. В свое время Батырбий вместе с Раевым, одним из руководителей Кабардино-Балкарского ОГПУ, проехался по всему ущелью, выявляя кулаков. Тогда врагами было объявлено множество людей, никакого отношения к кулакам не имевших. Батырбий, не особо заморачиваясь, вносил в «черные списки» людей, накопивших себе имущество исключительно за счет своего ежедневного изнурительного труда. А какой важной персоной он себя чувствовал, наблюдая за тем, как рыдали женщины, которых он обрекал на несчастья. Слезы их совершенно не трогали его, он был уверен, что чем больше людей он отправит в Сибирь, тем больше будет его уважать начальство. А значит, тем лучше он будет жить.

Каспот был знаком и с письмом Раева на имя заместителя начальника Северокавказского ОГПУ Петра Гавриловича Рудя, написанным 26 января 1930 года.

«Уважаемый Петр Гаврилович, хочу поделиться с вами своими соображениями о ходе борьбы с кулачеством и услышать вашу квалифицированную оценку своим действиям, – писал Раев. – Не буду касаться положения в других областях, речь пойдет о Кабардино-Балкарии. На мой взгляд, в этой республике есть некоторые специфические моменты. Исходя из них, нами было принято решение высылать кулаков вместе с их семьями.

В понятиях горцев, тюрьма предназначена исключительно для мужчин. Пребывание в тюрьме женщины они попросту не могут себе представить. Но Сибирь даже для мужчин-горцев кажется испытанием чрезмерным. Они настолько привязаны к своим очагам, к своему миру, из которого они практически никогда не вылезали, что даже простое переселение на небольшое расстояние они воспринимают как жестокое

наказание, грозящее гибелью. И горец с радостью согласится собственноручно соорудить тюрьму и отсидеть в ней десять лет, лишь бы его даже на год не отправили на чужбину, где он не сможет по утрам видеть свои горы. Как к этому относятся женщины, можно даже не говорить.

В прошлом году я с товарищем Калмыковым проехался по селам Балкарии, чтобы рассказать жителям о намечающейся борьбе с кулачеством. И в каждом из них дело заканчивалось слезами, женщины буквально рвали на себе волосы. «Если вы переселите нас хоть на пять километров, и даже если там будут прекрасные условия, мы все переедем в ближайший же год», – не сомневались они.

Конечно же, их доводы никак не могли повлиять на нас. Но все же такое упорство мужчин и женщин вызывает некоторую озабоченность. Нет сомнений, что этот гордый народ может взбунтоваться, если посчитает, что речь идет о разрушении его привычного уклада жизни, и о том, что его лишают веры, хотят заставить жить по непривычным им нормам. И единственным решением вопроса тогда может стать полное истребление народа. Но этого хотелось бы избежать. Не кажется выходом и переселение одних только мужчин. Женщины, оставшиеся без кормильцев, недолго протянут, помрут от голода.

Прошу понять меня правильно. Все, что я говорю, не является признаком моей нерешительности и плохого понимания сути вопроса. Нет, я довольно долго жил в этих краях и знаю, как надо разговаривать с местным населением. Обсуждал я этот вопрос и с товарищем Калмыковым. Этот человек беспощаден к врагам Советской власти, но даже он сейчас подвержен некоторым сомнениям. Единственное, в чем мы оба уверены – надо проводить агитационную работу, чтобы у нас появилось как можно больше сторонников среди местного населения, чтобы именно они стали исполнителями наших решений...»

Одним из таких рьяных «исполнителей» воли властей и стал Батырбий, чрезмерное усердие которого не нравилось Каспоту. Но он не мог к нему предъявить никаких претензий – Батырбий практически выполнял поручения вышестоящего начальства. И выдвижение обвинений против него с легкостью могло быть истолковано как недовольство решениями Советской власти. И Батырбий знал, что его действия не осуждаются, а приветствуются начальством. Хотя совершенно ясно, что односельчане его не любят. Некоторые люди почтенного возраста, которые решили, что они достаточно уже пожилы на белом свете и терять им нечего, порой даже выражали свое недовольство вслух: «Неужели эти враги Аллаха, готовые ради своих должностей отказаться даже от своих родителей, не понимают, что жестокая власть, которой они служат, в какой-то момент может обрушить свой гнев на них самих?». Причем среди недовольных были не только те, кто жил до революции зажиточно, порой открыто осуждали новые власти и те, кто провел свою жизнь в батрачестве.

Но Батырбий ни на секунду не сомневался в своей правоте. И даже находил оправдание своим действиям в народных песнях.

*Шакмановы проживали в Холаме,
Пожирали простой народ, как овец.
Никак не напьются они нашей крови,
Бесчестят людей.*

*Упитанный скот – только для них одних,
Двор их полон прислуги.
Не разрешают пасти скот на пастбищах,
Не дают пользоваться водопоями.*

*Хотят пользоваться правом «первой ночи»,
Ждут, когда кто-нибудь женится.
Князь Омар – главный среди Шакмановых,
На бедняков он смотрит, как волк...*

Батырбий не боится никого еще и потому, что твердо знает, как себя вести с начальством, и умеет говорить убедительно. Что он и продемонстрировал сегодня. Многие слушавшие его пришли к мнению, что говорил он даже лучше, чем Каспот. Об ораторских способностях Батырбия было известно и за пределами села, а его выступление на съезде колхозников было даже напечатано в газете. А когда он начинает говорить о непримиримой борьбе с «контрой», его широкая грудь вздымается, глаза горят огнем, и видно, что он упивается звуком своего голоса. Вот и воспринимаются речи его противников, как беспомощный лай маленьких щенят. И будет ли такой герой обращать на них внимание? Конечно же, нет, он даже не удостоит их вниманием. А если надумает, одним росчерком пера отправит их в безвестность. Причем сделает это так, что некоторые из его хулителей даже окажут ему помощь: Батырбий знает человеческие слабости и умеет пользоваться ими в своих интересах. Стоит ему намекнуть, что не исключена возможность попасть в «черный список», как человек, недавно еще чувствовавший себя врагом Батырбия, строчит донос на своего друга, или даже родственника – лишь бы выжить самому.

– Не знаю, как ты, товарищ Каспот, но я думаю, что мы еще не скоро сможем искоренить всю контру, – сказал Батырбий, когда собрание закончилось и они остались вдвоем. – Слишком многое и слишком многим мы прощаем. Вот и сегодня. Ты не мог не заметить, что в толпе были смутьяны. И если с ними не разобраться вовремя, они объединятся, и вот тебе очередная бандгруппа. Но мы не должны допускать такое, врагов надо выявлять и уничтожать ежедневно.

Засунув большие пальцы за широкий ремень, Батырбий несколько раз прошелся по комнате, ожидая ответа Каспота. Но тот никак не отреагировал на его слова.

– Много и таких, кто кусает исподтишка, – сказал Батырбий, но не стал развивать эту мысль. Ему совсем не нравилось молчание Каспота. «Думается мне, ты вовсе не такой убежденный большевик, как хочешь казаться, – подумал Батырбий, глядя на продолжающего хранить молчание Каспота. Человек, выступающий в защиту таких, как Атабий, ищущий дружбы с ними, не может быть идейным большевиком. Но если это так, то ты недолго протянешь – Советская власть умеет выявлять своих скрытых врагов. И умеет расправляться с ними. Нам по силам сделать так, что ты пожалеешь о том, что появился на свет. И будет лучше для тебя, если ты признаешь ошибкой свои сегодняшние слова об Атабие и поспособствуешь тому, чтобы отправить его куда следует. А если нет, то и его, и твою судьбу буду решать я. Уж поверь, я смогу накопать достаточно улики, чтобы обеспечить тебе поездку в Сибирь. И я уверен, что мои односельчане с одобрением воспримут это».

Очнувшись от своих мыслей, Батырбий увидел перед собой Каспота и вздрогнул – ему показалось, что все это он произнес вслух.

В это время заговорил Каспот.

– Ты прав, – сказал он, устраиваясь на стуле поудобней и закидывая ногу на ногу. – Мы совсем не скоро еще покончим с нашими врагами. Ты вряд ли будешь спорить, что сегодняшнее собрание сорвали твой тесть и твой шурин... Мне кажется, у многих возникла мысль: а достоин ли стоять во главе села человек, мнение которого ни во что не ставят даже его близкие родственники? И я думаю, что они правы. Сегодня твой тесть оскорбил меня, но ты ничего не сделал, чтобы поставить его на место. Ты решил отмолчаться! Да, я понимаю, что к тестю нужно относиться уважительно. Но подумай сам, к чему мы придем, если родственные отношения будем ставить выше интересов партии.

– У Кумука не меньше заслуг перед Советской властью, чем у меня или у тебя, – без боязни возразил ему Батырбий. – И я не думаю, что его надо записывать во враги лишь за то, что позволил себе пошутить.

– Даже так? Получается, что он и ты здесь умные, а я дурак?

– Нет-нет, что ты! И жить, и работать, и даже говорить мы учимся у таких, как ты. Извини, если я не то сказал. А Кумука, будь уверен, я заставлю пожалеть о своем сегодняшнем поведении. Играть с твоей честью я не позволю никому, даже родному брату!

Каспот не случайно завел речь о недостойном поведении Кумука. Он видел, что Батырбий в последнее время вел себя чрезвычайно самоуверенно, и, указывая на промахи его тестя, Каспот давал ему знать, что

в случае чего можно и на него найти компромат. Слепые исполнители воли начальства, особенно те, кто в усердии своем переходили всякие нормы морали, раздражали Каспота. Самого же его все чаще стали посещать крамольные мысли. «Не получилось ли так, что обещав людям свободу, на самом деле мы принесли им только лишения? Сколько стало в селах потухших очагов, сколько нами уничтожено людей... И куда ни посмотри, везде при должностях очевидные душегубы. Достаточно малейшего повода – не заплатил вовремя налог, высказал мнение, не совпадающее с мнением главы села – все, прямая тебе дорога в ГУЛАГ. А если даже вернешься оттуда живым, то все равно ты будешь на плохом счету, с большой вероятностью, что тебя посадят второй раз».

Каспот поднял голову и посмотрел на Батырбия. На этот раз весь вид сельского главы вызвал у него отвращение. «Да, сомневаться не приходится, в случае чего этот собачий сын без колебаний отправит на смерть не то что тестя, но даже родного отца».

Батырбий о чем-то рассказывал, расхаживая по комнате, но Атабий его не слышал. Мысли его были далеко. Он вспомнил события, происшедшие 17 февраля 1937 года в Чегемском ущелье. Народ, доведенный до отчаяния голодом, нищетой, изуверскими прядками, поднял восстание. Было ясно, что без крови не обойдется: к рассвету ущелье кишмя кишело «красноперыми». В телеграмме, посланной 18 февраля Калмыковым на имя Сталина, говорилось: «В селении Чегем, откуда родом глава Балкарского округа Ако Гемуев, бунтуют, убивают большевиков...». Для усмирения бунтующих на место прибыли командующий СКВО генерал Белов, руководитель ОГПУ Пиляр, три полковника, две роты красноармейцев. Также им было выделено два самолета. Калмыков ехать отказался. «Во всем виноват Ако, пусть он и едет», – заявил он. Бунтовщиков усмирили большой кровью. Одним из активных участников этих событий был Батырбий, который наверняка попал туда по своей инициативе. Стоило посмотреть, с каким важным видом он расхаживал. Видно было, что ему нравится быть там, где льется кровь.

Каспот еще раз взглянул на Батырбия, и не в силах преодолеть отвращение, вышел из комнаты. Пройдя за здание сельсовета, он напил из холодного ручейка, умылся и привел свои мысли в порядок. На душе у вышедшего вслед за ним Батырбия было тревожно, он заметил, что Каспот явно не в духе, но никак не мог понять причину этого. Каспоту же по большому счету было сейчас не до него, он не мог разобраться с тем, что творится у него самого в душе. «Что же это получается, – думал он. – Ради новой жизни я проливал кровь, отказался от друзей и родственников, не поддерживавших меня, выкладывался на работе. А вот теперь сомневаюсь, прав ли я был... Нехорошо это. В сердце истинного большевика не должно быть места сомнениям. Единственный правильный путь – наш путь, путь большевиков. Правота Советской власти – беспспорна!»

Что ни говори, Батырбий все-таки был человеком неробким. Стоя перед задумавшимся Каспотом, он опять начал говорить вещи, которые могли иметь для него весьма плохие последствия.

– И все-таки я продолжаю думать, что ты слишком снисходителен к врагам Советской власти, – начал он. – И хочу заявить, что, на мой взгляд, это недопустимо. Врагов надо уничтожать беспощадно, не беря в расчет ничто, ни родство, ни дружеские отношения. Можешь не сомневаться, что это относится и к моему тестю. И вы все должны об этом знать.

– Кто это «вы»?

– И ты, и все остальные.

– Я вижу, что ты нарываешься на неприятности, но никак не пойму, почему ты это делаешь, – сказал Каспот, еле сдерживая свой гнев. – Если тебе больше нечего сказать, тогда лучше помолчи. До сих пор я всегда хорошо отзывался о тебе в районе, но я могу изменить свое мнение. И можешь поверить, на пользу тебе это не пойдет. Я уже говорил, что и тебе, и мне надо действовать очень аккуратно, а не объявлять «врагами народа» первых попавшихся. Неоправданные аресты пойдут лишь во вред нашему делу. Твою позицию я знаю, но не считаю ее верной. И не надо больше придирается к Атабию. Ты не хуже меня знаешь, что сын за отца не отвечает. А Атабий может принести много пользы. Нужно перестать видеть в каждом врага. А мы, к сожалению, как раз к этому пришли. Ведь даже мы с тобой не доверяем друг другу – ведь так? Но так не должно быть, этим не преминут воспользоваться наши враги, и тогда пропадем мы оба.

Благожелательный тон Каспота не смог обмануть главу села. Батырбий ясно понял, что тот зол на него. Об этом же говорило и желание Каспота уехать сегодня, не ночуя в селе. Однако пусть этот «красноперый» не думает, что легко справится с ним. Как-никак Батырбий человек, который удостоился похвалы самого Калмыкова. Глава республики даже поздоровался с ним за руку, выражая ему благодарность. Но Батырбий также хорошо понимал, что с сотрудниками ОГПУ тягаться смертельно опасно.

– А с Кумуком ты поговори серьезно, – сказал Каспот, опять хлебнув воды из ручейка. – Пусть не смущает народ ненужными речами. Это в первую очередь может навредить тебе.

– Ты уже в который раз повторяешь это, но я не пойму: с какой стати я должен быть в ответе за глупость Кумука? И давай не будем забывать, что его дочь, а моя жена – известный на всю республику комсомольский деятель.

– Это другое. А вообще ты должен понимать, что если в селе есть хоть один человек, мутящий воду, то в этом виноват ты, глава села.

– Всех, кто станет у нас на пути, мы сметем с дороги. И разве мы

можем считать себя большевиками, если не в силах разобраться со всякой шушерой.

Слово «шушера», которое в данной ситуации относилось к тестю Батырбия, немного покорило Каспота. Да уж, воспитанием Батырбий не отличался. Он понял, что не может уже ни минуты оставаться здесь. Сухо напомнив Батырбию о том, что сенокос должен начаться незамедлительно, Каспот заявил, что уезжает. Батырбий собирался сказать ему, чтобы тот переночевал здесь, что отец уже зарезал в его честь барана и очень расстроится, но понял, что от уговоров не будет толку. Попрошались они вежливо, хотя в душе у обоих скребли кошки.

Глава третья

I

Шерипа, для которой хорошие времена остались лишь в воспоминаниях и сновидениях, все же старалась держаться, не опускала рук. Но голова ее всегда была полна тяжелых дум. Вот и сейчас она сидит на ступеньках дома и думает о новой напасти, обрушившейся на их головы. Платок ее сбился набок, из-под него выглядывает прядь волос, но она не замечает этого. Ей уже шел пятый десяток, много чего пришлось ей в жизни перенести, но как ни странно, седина еще не тронула ее черные, как смоль, волосы. Ворона, сидящая на ветке яблони, одиноко растущей в углу двора, каркнула, и Шерипа вздрогнула. «Чтоб ты пропала! – в сердцах подумала она. – Мало мне забот, так еще и ты шумишь тут. Какую еще неприятную новость ты хочешь мне накаркать? Но, прошу тебя, не надо. Несчастья и так преследуют меня, не оставляют в покое. Вот теперь, говорят, война началась. О Аллах, за что ты решил меня так наказать? Мало мне, что оставили без мужа, а теперь и сына хотят отправить на фронт. Родину, говорят, надо защищать. Но получается, мой Атабий должен спасать от Гитлера власть, которая расстреляла его отца. Нет уж, пусть ее другие защищают, например, Батырбий, который ради нее людей пачками в Сибирь отправлял. А моего сына пусть оставят в покое. И мне пусть дадут хоть немного свободно вздохнуть. Сколько бессонных ночей я провела, думая, что сердце мое уже не выдержит, и я не доживу до рассвета. А в последнее время в ушах у меня часто ни с того ни сего звучит голос моей бабушки, оплакивающей кого-то. Правда, иногда я слышу и голос отца Атабия, он старается утешить меня, говорит, что все наладится. Тогда я немного приободряюсь, мне кажется, что он где-то здесь, рядом. Но подняв глаза, я вижу только эти высокие горы. И мне кажется, что они тоже погружены в печаль».

В это время с верхней стороны села донеслись звуки гармошки. Шерипа посмотрела на дорогу. По ней группа людей шла по направле-

нию к сельсовету. Гармонистка, стройная круглолицая девушка с тугими косами, перекинутыми через плечо, наигрывала веселую мелодию, под которую выплясывали парни и девушки, которым не была помехой даже каменистая дорога. Лицо Шерипы, чуть посветлевшее при звуках музыки, опять омрачилось, когда она увидела возглавлявшего идущих Батырбия. «Да не пойдет тебе впрок хлеб, который ты ел из моих рук, – прошептала она. – Да, конечно, в жизни все совершают ошибки. Но самой большой нашей ошибкой было то, что мы относились к Батырбию как к родному. И что я получила в благодарность? Как-то раз я не выдержала и спросила его, чем объясняется его собачье отношение к нам. Он тогда только улыбнулся и ответил: «Эх, дорогая наша сноха, ты даже представить себе не можешь, какое это удовольствие – унижать врага». Но как бы он ни старался выглядеть беззаботно, видно, что живет он в постоянной тревоге. Даже когда улыбается, узкие глазки его бегают по сторонам. Но работу свою он старается выполнять так, чтобы у начальства к нему не было замечаний. Вот и сейчас он наверняка скажет много теплых напутственных слов уходящим на фронт парням. И провожать их на войну с музыкой наверняка он придумал. Парни вовсе не идут на смерть, они просто прогонят врага с родной земли и вернуться. Зачем же тогда плакать на проводах? Надо веселиться, все будет нормально».

Вспомнила Шерипа и как Батырбий поступил со своим шурином. Правда, были люди, которые утверждали, что Жашау сам нарывался на неприятности, но тем не менее...

Атабий и Жашау два года проучились в Пятигорске. По возвращении оттуда Атабия назначили учетчиком. Но у Жашау настрой был совершенно другим – он считал, что ему должны предоставить высокую должность с хорошим окладом. Как-никак он теперь образованный человек, к тому же – сын известного большевика. Знаний у Атабия гораздо больше, чем у Жашау. Благодаря Галине Харитоновне, учительнице, которая давно уже снимает квартиру у них, кроме русского, он выучил еще и немецкий язык. Она же научила писать и читать Дюгерхан. В отличие от некоторых женщин, которые осуждают «русскую» школу, Шерипа с самого начала была за то, чтобы ее дети получили образование. Надежды на то, что вернется старая жизнь, канули в небытие, и было бы глупо жить, тоскуя по прежним временам. Надо было находить свое место в новой жизни, а образование было в этом большим подспорьем.

Шерипа вдруг подумала о гармонистке. Наверняка и у нее кто-нибудь отправляется на фронт. Но вот она не плачет, не рыдает, а наигрывает веселые мелодии. Это сколько же душевных сил надо иметь, чтобы так держаться. Правда, по-другому вести себя не позволил бы и Батырбий. Шерипа помнила, что еще во времена Гражданской войны он любил повторять: «У большевиков не принято оплакивать погибших».

В это время группа танцующих проходила как раз мимо их дома, и

Шерипа с ненавистью посмотрела на Батырбия. «Да разве остановится этот пучеглазый мерзавец с толстым бабьим лицом перед чем-нибудь? Он ни минуты не колебался, решив отправить своего шурина в Сибирь. Ничуть не лучше и его жена Иллеука. Говорят, ей сильно не нравится, что мы более или менее спокойно живем в последнее время. Якобы где-то она сказала, явно намекая на меня, что некоторые жены врагов народа очень уж вольно себя чувствуют. Да ниспошлет ей Аллах такую жизнь, чтобы она позавидовала моей несчастной судьбе...»

Вернувшийся после обучения в Пятигорске Жашау одевался, во всем подражая партработникам. Прошло довольно много времени, но он так еще и не устроился на работу. Ничего из того, что предлагали, его не устраивало, а сам он открыто заявлял, что должен сесть на место Батырбия. Именно желанием стать во главе села объяснялись его частые поездки в райцентр.

Новый председатель райисполкома Каспот прекрасно знал, что за люди Жашау и его отец Кумук. Он не раз пытался уговорить парня, чтобы тот знал свое место и не лез куда не следует. Однако это ничуть не повлияло на Жашау, напротив, раз от разу он вел себя все более вызывающе.

– Что-то сегодня вид у тебя совсем неважный, – сказал Каспот, поправляя рукой растрепавшиеся волосы и подходя к развалившемуся на стуле Жашау. – Ну, кто тебя на этот раз обидел?

– Обидеть меня никто не может, – грубо ответил Жашау, – я сам могу кого хочешь обидеть. Все у меня нормально, а к тебе я пришел по поводу работы.

– Я тебе уже не раз говорил: ты пока еще очень молод, не надо пороть горячку и портить о себе впечатление. Не торопи события, поработай для начала хотя бы заведующим фермой.

– Странно слышать от тебя такое, Каспот. Как ты можешь мне такое предлагать? Ведь этим ты ставишь меня на одну доску с Атабием! Не забывай: я – комсомолец! Сын Кумука!

– Я тебя понял, – сказал Каспот, усаживаясь в свое кресло. Одной рукой он почесал себя за ухом, в другой вертел карандаш. – И еще раз хочу тебе сказать: приведи свои мысли в порядок. Не думай, что, став начальником, ты заживешь беззаботно. Время сейчас такое, что, пожалуй, даже лучше не мечтать о высоких постах, так будет безопаснее. А если уж ты понадобишься, можешь не сомневаться, тебя найдут.

– Каспот, я не просто так потратил два года, чтобы получить образование!

– Хватит, Жашау. В конце концов, это просто неприлично – подсиживать Батырбия. Как-никак это твой родной зять. Мне, например, Ба-

тырбий не друг и не родственник. Но я не могу отрицать, что он убежденный коммунист.

– Ты прекрасно знаешь, что он нехороший человек! И вовсе неслучайно про него сочинили песню:

*Повязав на руку красную повязку,
Стал ты врагом своего народа.
Сколько своих односельчан ты отправил в Сибирь
По ложным доносам!*

– Я это знаю. Но Батырбий не единственный, про кого сочиняют такие песни. Но сочиняют их враги, те, кто мечтает о возвращении старых порядков. Причем есть среди них даже представители низших сословий, которым тогда жилось совсем не легко.

– И все же я хочу услышать конкретный ответ на свой вопрос: дадите вы мне должность или нет?

– Мы можем предложить тебе должность в другом селе. Или иди учителем в школу.

– Почему я должен уезжать в другое село. Пусть туда едет этот проходимец Батырбий.

– Это уже начинает мне надоедать. Может, ты хотел бы на мое место сесть?

– Почему бы и нет. Я работал бы не хуже тебя.

Возмущенный Каспот вскочил с кресла и начал нервно ходить по комнате. Он молчал, но видно было, что все в нем кипит от негодования. «Чего ради я должен терпеть выходки этого недоноска, – думал он. – Сколько это может продолжаться? Нет уж, пора поставить его на место. А того лучше – засадить его в тюрьму, пусть гниет там. И пусть тогда его мать сочиняет про меня песни. Другого выхода нет. Этот проныра слишком далеко зашел, от него никому не будет спокойствия. Это не человек, это дикое животное. Надо, чтобы Батырбий узнал, что замышляет его родственничек...».

Каспот давно уже понял, какие времена настали: каждый роет яму своему ближнему. Поэтому он никуда не лезет и старается делать свое дело, по возможности избегая конфликтов. Да, во время гражданской от его рук пострадало немало людей, были среди них и его односельчане. Это временами мучает его, но он пытается себя оправдать: время было такое, революции без крови не бывает. Многим его соратникам такие мысли не приходят в голову, и трудно даже представить, что они подумали бы, знай о том, что творится в голове у Каспота. Вернее, они не стали бы особо и раздумывать, просто поставили бы его к стенке. Поэтому он притворялся одним из них, но не проявлял излишней активности. Вот и живет он в постоянном напряжении, не имея никакой гарантии, что в

какой-нибудь момент его не скинут с вершин власти, и голова его лопнет, как арбуз. Для этого не нужна даже реальная причина. Весьма вероятно, что виновником его падения может стать сидящий перед ним Жашау. Напиши он письмо в соответствующую организацию, мол, председатель райисполкома не раз позволял себе критиковать действия руководящих органов – и все, считай дело сделано.

Жашау в это время сидел, погрузившись в свои мысли, и даже почти не шевелился. Ответ Каспота ему не понравился, и он хотел продолжить разговор, но не знал, как это сделать. Каспот ясно дал понять, что не собирается больше рассуждать на эту тему. Жашау чувствовал себя оскорбленным. По его мнению, высокие посты должны занимать только достойные люди, к которым сам он, несомненно, принадлежал. «Каким же дураком я был, что вернулся сюда, – сокрушенно думал он, – надо было остаться в Пятигорске. Там было гораздо больше возможностей сделать карьеру. И тогда я не торчал бы в кабинете этого ничтожества, а сидел бы где-нибудь в президиуме, за столом, покрытым красным кумачом».

– Ты – председатель райисполкома, ты должен решить мой вопрос, – сказал Жашау.

Это окончательно вывело Каспота из себя.

– Что ты, в конце концов, себе позволяешь? – заорал он. – С чего ты решил, что можешь мне указывать, что я должен и что не должен делать? Кто ты такой вообще?!

– Отправляя нас на учебу, ты обещал нас пристроить на должность по возвращении. Нужно держать свое слово.

– Не надо врать! Я тогда сказал, что нашему народу нужны образованные люди. Не отказываюсь я от этих слов и сейчас. И чем плохо быть заведующим животноводческой фермой? Или учителем в школе? В общем – хватит! Не порть мне больше кровь. На мой взгляд, тебе нельзя даже поручить пасти ослов.

– Мы еще посмотрим, кто кого! – сорвался на крик и Жашау. – Обещаю, что настанет еще время, когда ты будешь ползать у моих ног, как муравей.

– Сейчас же выметайся из моего кабинета! Вон отсюда! – закричал Каспот. – И не смей больше сюда показываться.

Руки его дрожали, и, плохо соображая от злости, он даже потянулся к кобуре. Но Жашау ничуть не испугался. Он продолжал сидеть, глядя на председателя райисполкома с ироничной улыбкой. И тогда Каспот просто взял его за шкуру и выкинул за дверь. Опытный сотрудник органов, он владел боевыми искусствами, да и силой его бог не обидел.

II

Жашау особо ни от кого не скрывал, что хочет занять место Батырбия, и все в селе знали об этом. Не были подлые намерения

шурина секретом и для самого Батырбийя. Тот казался главе села голодным волком, рыскающим по лесу. Таких надо уничтожить. Батырбий твердо уверился в этом и только ждал подходящего момента. «Постой-постой, – думал Батырбий, – придет время, и я сделаю так, что твоя сестра выплечет глаза, оплакивая тебя. Этот безмозглый осел не понимает, в какие дела он вмешивается. Не понимает этого и его вечно недовольный отец. Но зря они принимают меня за простачка, которого можно обвести вокруг пальца, очень скоро они прикусят свои языки и поймут, кто есть кто».

Атабий вспомнил, сколько человек, стоявших по другую сторону, расстались с жизнью по его воле. Но совесть его не мучила, он был уверен, что эти люди стали жертвой своих заблуждений. «Ищущий зло и получит зло». Абдулкерим и ему подобные подписали себе приговор, когда встали на путь сопротивления Советской власти. Несомненно, плохо кончит и Жашау. Но одного осознания этого для Батырбийя было мало – он не будет удовлетворен, если не расправится с шурином самолично. «Нет, я вовсе не убийца, постоянно жаждущий крови, – думал он. – Но партия учит нас быть беспощадными к врагам, заставляя их стоять перед нами на коленях. Тут у нас выбора нет: или мы их – или они нас. Было время, когда я думал, что Жашау будет мне как брат. Что я во всем буду помогать ему, наставляя, чтобы он добился чего-нибудь в жизни. А теперь получается, что я должен родного дядю своего сына Даулета отправить в Сибирь. Впрочем, мой сын вряд ли когда-нибудь заподозрит меня, я все проверну по-тихому».

«Не надо думать, что сможешь скрыть все, – прозвучал в его голове голос. – Если ты погубишь Жашау и в селе прознают про это, уважения к тебе будет не больше, чем к облезлому ослу. Остуди свою кровь».

«Нет, я собираюсь остудить кровь Жашау, а не свою. О Аллах, помоги мне! Творец всего сущего, ведающий всеми делами, дай мне на этот раз сил осуществить задуманное. Да, я знаю, что многим рискую, решаясь на этот шаг, в том числе и семейным благополучием. Но по-иному сейчас поступить не могу. По вине этого негодяя я уже почти перестал общаться со своей женой-красавицей. Как она меня ни обихаживает, я не могу выкинуть из головы, что это сестра Жашау. И это положение изменится только тогда, когда с Жашау будет покончено...»

С тех пор как стал коммунистом, Батырбий сегодня впервые упомянул Аллаха. Услышь это его отец Мусса, он бы очень обрадовался. Но сам Батырбий испуганно огляделся по сторонам, нет ли кого поблизости, вдруг кто-то слышал его непозволительное восклицание. Хотя кто мог быть в это время в его кабинете. А при взгляде на портрет Ленина, висящий на стене, ему стало так стыдно, что он был готов провалиться сквозь землю. Но даже в этом он обвинил Жашау – из-за этого недоноска у него голова идет кругом, и он не ведает, что говорит.

Батырбий сел за стол, выдвинул ящик и провел рукой по гладкому булыжнику, лежащему там. Он вспомнил, что Жашау собирался сегодня зайти к нему. Вот, какие-то голоса во дворе звучат, может, это он явился. От волнения у Батырбия задрожали руки, он быстро задвинул ящик стола. Если кто-нибудь увидит этот булыжник, дело может закончиться плохо. «Ну, что ты там застрял, олух. Заходи уже в кабинет, хозяином которого ты так жаждешь стать».

Но никто в кабинет не зашел. Батырбий немного успокоился, и с удивлением вдруг вспомнил, что сегодня у него не было вообще ни одного посетителя.

III

В дверь громко постучались, и Батырбий от неожиданности вздрогнул. В кабинет вошел Жашау, но Батырбий даже не привстал, приветствуя его. Он остался сидеть, чтобы в нужный момент булыжник в ящике стола был у него под рукой.

– Боишься, что спина переломится, если встанешь? – Жашау со злостью посмотрел на своего зятя. – Мог бы быть повежливей, как-никак я брат твоей жены. Но что тебе говорить, невежей ты был, невежей и остался. Холопство у тебя в крови.

– Никогда я не был холопом, – ответил Батырбий, вставая. – Наша фамилия – узденская.

– Как же тебя тогда в партию приняли? Да еще и главой села назначили?

– Я за Советскую власть кровь проливал. И если надо будет, и сегодня не пожалею для нее своей жизни.

– Ладно, некогда мне с тобой пустые разговоры вести. Говори, зачем меня сюда вызвал.

– Я хочу тебе сказать, что мне прекрасно известно, какие разговоры ты ведешь за моей спиной и какими делишками занимаешься, – сказал, не повышая голоса Батырбий. – Так поступать может только кровный враг. Что, на свете не осталось должностей, кроме моей? Но ты должен был бы знать, чем заканчивали те, кто становился мне поперек дороги. К тем, кто хочет меня унижить, у меня не будет жалости, будь то ты, твои родители, или даже твоя сестра!

– Пойдя против меня, ты в первую очередь навредишь себе. За тобой числится столько грязных дел, что односельчане тебя ненавидят. Все будут только рады, если ты навсегда исчезнешь из села. И если я еще не принял решительных мер, чтобы ускорить это, то только потому, что не хочу, чтобы моя сестра стала вдовой, а племянник – сиротой. Моя сестра сделала большую ошибку, выйдя за тебя замуж. Я ее предупреждал, что ты не тот человек, с которым стоит заводить семью, но, к несчастью, она меня не послушалась. И будет лучше для всех, если ты добровольно

оставишь свой пост и уедешь отсюда куда-нибудь на время. Возможно, постепенно люди забудут о твоих злодеяниях, и тогда ты сможешь вернуться.

– Даже так? Стало быть, ты теперь решил проявить заботу обо мне? И ты думаешь, я поверю в твои насквозь лживые слова? Как ты ко мне относишься, я знаю не первый день. Думаешь, я забыл, как ты пытался переложить вину на меня, когда тебя уличили в воровстве скота, который ты перегнал в Сванетию? А разве мельницу князя Канамата ты поджег не потому, что надеялся, что люди подумают на меня? И после этого ты смеешь стоять передо мной и давать мне советы! Да я тебя пристрелю сейчас!

– Что ж, стреляй. Тебе не привыкать убивать людей.

Жашау направился к двери.

Батырбий быстро подошел к своему столу, выдвинул ящик, схватил булыжник и одним ударом разбил стекло, прикрывавшее портрет Ленина на стене. Жашау обернулся на шум, и кровь схлынула с его лица. Он понял, в какую западню его заманил Батырбий. Объятый ужасом, он ударом ноги распахнул дверь и выбежал из комнаты. Этого-то и надо было Батырбию – бегством Жашау только подтверждал свою вину.

– Стой, если ты мужчина! – закричал ему вслед Батырбий. – Тебе все равно никуда не скрыться, мы тебя из-под земли достанем!

Так Жашау стал очередной жертвой лживого доноса. За порчу портрета Ленина и приверженность к буржуазной идеологии его приговорили к десяти годам лагерей. Горе его родителей было безмерным, но Иллеука, кажется, была даже довольна. «Все мечтал погубить моего мужа, которому все село в рот смотрит. Вот и настигла его кара», – вот все, что она сказала. Не особо огорчила судьба Жашау и его односельчан.

Когда, избавившись от горьких воспоминаний, Шерипа поднялась со ступенек, провожающие парней на фронт уже довольно далеко ушли от их дома. Немного постояв в раздумье, она быстро вошла в дом, вытащила из золы свежее испеченный хлеб, протерла его и вернула в чистое полотенце. Затем достала из шкафчика серые шерстяные носки, которые связала для Атабия, сунула их подмышку и пошла догонять провожающих.

Батырбий увидел приближающуюся Шерипу и прошел вперед, чтобы не столкнуться с ней. Но и Шерипа не горела желанием его видеть. Она вошла в толпу, и по очереди обняла всех трех парней, отправляющихся на войну. «Вот, возьмите, в дороге покушаете», – сказала она, передавая одному из них хлеб. Носки она протянула самому младшему

из них, сказав, что свяжет обязательно носки и для других и вышлет их посылкой. Также она крепко обняла и расцеловала в румяные щечки девушку-гармонистку. «Да не испытаеть ты в своей жизни печали, веселое дитя», – с чувством сказал она. Ранее сестра Шерипы Жулдуз как-то расхваливала эту девушку, намекая на то, что было бы неплохо сосватать ее за Атабия. Тогда Шерипа даже слушать ее не стала, заявив, что простая девушка-гармонистка не пара ее Атабию. Но сейчас она просто влюбилась в эту девушку.

Глава четвертая

I

Батырбия, Атабия и Гогая проводили на фронт в один день. Батырбий, на всех проводах убеждавший родственников уходящих на фронт не плакать, сегодня вел себя по-другому. Он ни слова не сказал даже своей матери, которая в окружении родственниц исходила слезами. Вопреки обычаю, не скрывала своих слез и Иллеука. Но из ее родственников провожать Батырбия не пришел никто. Кумук и его жена даже на том свете будут помнить, как он поступил с их сыном. А мать Иллеуки с тех пор не произносила вслух имени Батырбия, называя его «убийцей». И не было дня, когда она не просила у Аллаха, чтобы Батырбий на своей шкуре испытал то, на что обрек ее сына. С момента ареста Жашау не разговаривают родители и с Иллеукой.

Провожает Атабия гораздо больше человек, чем Батырбия. При этом не видно, чтобы кто-то плакал. Даже Шерипа и Дюгерхан держат себя в руках. Когда парней посадили на телегу, Дюгерхан обняла брата и, показав глазами на Батырбия, шепнула ему на ухо: «Смотри, будь на фронте во всем лучше, чем этот сопливый герой». Стоявшая рядом Шерипа услышала ее слова и согласно кивнула, она была того же мнения.

II

Доведенная до отчаяния навалившимися на нее бедами, Шерипа дни и ночи проводит, размышляя о своей злосчастной судьбе. «Чем я провинилась перед Аллахом, что он насылает на меня беды одну за другой, – думает она. – И как мне теперь жить, и стоит ли вообще жить, если впереди не видно никакого просвета?»

Правда, такие мысли пугают ее, и она пытается повернуть свои мысли в другое русло. «Возьми себя в руки, не гневи Аллаха, не ты одна такая. Разве остальные жители Холама проводят дни, распевая песни? Большая война – общая беда, и нет ни одного человека, которого она не коснулась. Хотя, мне все-таки хуже, чем большинству. Будь рядом со мной отец Атабия, я бы все перетерпела. Бедный мой сынок, у меня все

стоит перед глазами его лицо в день проводов. Какой он был грустный! Да сгорит в пламени войны Гитлер, развязавший ее! Если бы не он, был бы сейчас мой ребенок рядом со мной. И как это все-таки несправедливо – сын должен защищать власть, которая расстреляла его отца».

Тут она вдруг вспомнила о слухах, ходящих по селу, якобы парней, чьи отцы были репрессированы, отзовут с фронта. Ах, если бы это было так! Она сделала бы хороший подарок тому, кто сказал бы, что Атабий вернулся и уже подходит к дому.

– Мама, с тебя суюiomчю², – заявила с порога Дюгерхан, вбегая в комнату. – Она подошла к матери, сидевшей сторбившись у очага, и обняла ее.

Шерипа чуть не вскочила с табуретки.

– Так, значит, это правда? Их отозвали?

– Кого отозвали? – испуганно спросила Дюгерхан. Ей показалось, что мать не в себе. – О чем ты говоришь?

Девушка была в недоумении, кто мог распусть такие нелепые слухи. В то же время она успела подумать, как отнеслись бы к возвращению Атабия односельчане, будь это правдой. Да родственники парней, оставшихся на фронте, их со свету сжили бы. Да что односельчане – ей и самой не нужен такой брат. «О Аллах Всемогущий, избавь нас от мужчин, которые не находят силы встать на борьбу с врагом!» – воскликнула она про себя.

– Я не понимаю, почему ты слушаешь всякие бредни? – сказала Дюгерхан, отходя в сторону. – Прошу тебя, больше ни с кем об этом не разговаривай. А того, кто тебе сказал эту чушь, да покарает Аллах. – Дюгерхан понимала, что чересчур невежливо говорит с матерью, но внутри у нее все кипело, она знала, чем может все закончиться, и потому не изменила свой тон.

– Человек, сказавший тебе эту «новость» – враг, желающий погубить нас. Еще раз прошу тебя: ни с кем никогда не обсуждай эту тему! Я знаю, ты думаешь, что в случае поражения мы вернемся к старой жизни, и с нетерпением ожидаешь этого. Но даже если ты так думаешь, ни с кем, ни при каких обстоятельствах не делись такими мыслями. Неужели ты думаешь, что органы бездельничают и не выявляют таких людей? Нет уж, будь уверена, у них везде есть свои люди, которые с радостью внесут тебя в черный список. Чем это заканчивается, ты знаешь не хуже меня.

– Хорошо-хорошо, никому не скажу ни слова. – Шерипа поднялась со стульчика и отряхнула подол платья. – Но знаешь, все-таки не бывает дыма без огня. Такие слухи не могли возникнуть на пустом месте.

– Мама! Сколько можно тебе повторять: забудь об этом, будто

²Суюiomчю – подарок за хорошую весть.

никогда и не слышала! Посмотри лучше, что у меня есть!

Дюгерхан вытащила из-за пазухи письмо, посадила мать на кушетку, села с ней рядом и начала читать.

«Да будет день твой добрым, мама! Я не знаю, в какое время это письмо дойдет до вас, может, это будет уже поздно ночью. Но я хочу, чтобы жизнь твоя была озарена солнечным светом, и потому говорю: “Добрый день”. Я давно уже привык быть вдали от дома, к военным будням. Но я не могу передать словами, как я по вам соскучился. Дюгерхан, на этом месте ты прерви чтение и крепко обними за меня маму. Я так и вижу, как наша красивая мама, добрейшая из людей, смущается и говорит: “Посмотрите на них, совсем с ума сошли оба”. Я часто вспоминаю ее слова: “Врагов не бывает только у слабых или у глупцов”. Так и есть. И Гитлер стал нашим врагом потому, что мы сильные. Хочу вам сказать, если услышите, что Германия победит, не верьте! Да, пока нам приходится тяжело. Но, будьте уверены, в самом скором времени мы заставим фашистов харкать кровью. Поймите, что отступление Красной армии – это не побег. Наш великий вождь товарищ Сталин не хочет напрасных жертв, поэтому мы отступаем, чтобы собрать свои силы в кулак, а затем всей мощью обрушиться на фашистов. И тогда им никто не позавидует! А я готов, не раздумывая, отдать свою жизнь за Родину.

Мама, дууа³, который по твоей просьбе написал Коджак-хаджи, всегда при мне. Аллах нам всем защитник, и я верю, что он мне поможет, и я снова обниму тебя и Дюгерхан. И у вас больше не будет никаких проблем, вы и так уже достаточно пострадали. Поверьте, я больше переживаю за вас, чем за себя. Сейчас мы стоим в Ростове. Нас обучают и днем и ночью. Поверите ли, мне досталась лошадь, выращенная в нашем колхозе! Разве это не чудо? Прекрасный жеребец с белой звездочкой на лбу. Держитесь. Пусть Всевышний убережет вас от всех бед. Дюгерхан, ответь на мое письмо сразу же, мне не терпится узнать, как вы живете, что нового в жизни села. До встречи!

Атабий

1942 год, 2-ое апреля».

– О Аллах, кажется я с ума уже сошла... В голове туман, в глазах рябит... И зачем только я на свет родилась? – Неверной походкой Шерипа подошла к дочери и оперлась на нее.

– Что случилось? О чем ты говоришь? Почему ты плачешь? – запаниковала Дюгерхан.

– Плачь и ты, плачь, доченька, – ответила Шерипа, утирая краем платка слезы. – Но что поделаешь, такова, видно, воля Аллаха.

– Да в чем дело? – закричала Дюгерхан. – Говори, пока я тут с ума не сошла!

³ Дууа – оберег.

– Обе мы, ты и я, погубили Атабия!

– Что ты такое говоришь?!

– Помнишь, провожая Атабия, ты сказала ему, чтобы он воевал лучше Батырбия? А я тебя поддержала. И вот теперь, желая выполнить наш наказ, он сунет голову в пекло и погубит себя! Не зря же он написал, что готов отдать свою жизнь за Родину.

– Уф-ф, – вздохнула с облегчением Дюгерхан. – А я-то думала, что серьезное случилось. Разве можно так? Ты чуть с ума меня не свела.

– Вот будут у тебя свои дети, тогда ты поймешь меня, – сказала Шерипа, немного придя в себя.

– Ты хочешь сказать, что и мне придется отправлять своих детей на войну? – спросила Дюгерхан.

– Тоба-тоба⁴, не говори так! – ответила Шерипа, прошла и села на топчан. Губы ее долго еще продолжали дрожать.

Война внесла коррективы в жизнь села – председателем колхоза стал Кумук. Конечно же, арест сына за антисоветскую деятельность запятнал его репутацию, но были учтены его собственные заслуги, а также то, что в селе практически не осталось людей, способных справиться с этой работой. По той же причине – отсутствие квалифицированных кадров – Дюгерхан взяли в школу учительницей. Будь все по-прежнему, дочка расстрелянного Абдулкерима об этом не могла бы и мечтать. Девушка прекрасно понимала, что работу ее будут тщательно проверять, и что ей надо быть на высоте – активно разъяснять политику партии и комсомола, наставлять молодежь. Поначалу ей приходилось трудно. Ей могли бы помочь учителя, квартировавшие у них, но сразу же после начала войны они разъехались. А значит, Дюгерхан надо было до всего доходить своим умом. Правда, в меру сил помогала ей Жулдузхан, которую назначили на место Батырбия.

Жулдузхан была одной из первых девушек, которая повязала красный платок. В то же время, в отличие от других комсомолок, она ни к кому не приставала, требуя, чтобы не делали намаз, не держали уразу. Более того, она даже осмеливалась выступать против тех, кто усердствовал в этом. «Своими действиями вы вредите Советской власти, – говорила она. – Такие речи приводят к тому, что от нас готовы отвернуться собственные родители. А надо работать так, чтобы люди потянулись к нам».

Такое поведение вполне могло обернуться для Жулдузхан большими неприятностями. Но добродушие, чистота помыслов девушки были настолько очевидны, что никто на нее не донес. А сейчас, когда она себя показала на новом посту, Жулдузхан стала всеобщей любимицей. «Да

⁴ Тоба-тоба – междометие, выражающее недоумение, испуг, удивление.

продлит Аллах ее дни, – говорили довольные сельчане. – Вот это настоящий руководитель. В пальцах на ногах у Жулдузхан больше ума, чем у Батырбия в голове. Ее портреты надо было бы развесить по всей стране: чтобы люди завидовали жителям Холама, которым она руководит, а также восхищались ее красотой».

Когда Жулдузхан вышла замуж за Бийберта, сельчане были просто ошарашены. Большеносый, пучеглазый, короткошей паренё в их глазах был женихом никудышным. К тому же не отличался он и аккуратностью, чабуры у него всегда были не в лучшем виде, да и остальная одежда оставляла желать лучшего. О чем же Жулдузхан – умница и красавица, думала, принимая решение связать свою жизнь с ним? Да, в первое время, когда она стала носить красный платок, многие в ней разочаровались. Но время шло, и все увидели, что платок ничего в ее характере не поменял, она была все той же доброй и славной девушкой. И нет сомнений, что жениться на ней были бы не прочь многие парни, которым Бийберт и в подметки не годился. Но Жулдузхан на корню пресекла всякие разговоры об этом, заявив, что сознательно сделала свой выбор, и уверена, что никогда об этом не пожалеет. И как оказалось, Жулдузхан увидела в своем избраннике то, что многие не замечали. Он был умен, рассудителен, немногословен. Зато если говорил о чем-то – всегда со знанием дела. За глупца его, правда, никогда не считали, просто он любил обычно держаться в сторонке, жил несуетно, поэтому и сложилось о нем превратное мнение. Но после женитьбы мнение о нем изменилось, на сегодняшний день он был одним из самых уважаемых людей, чье слово всегда выслушивалось с уважением. Добавим, Бийберт был необыкновенно силен. Не зря в прежние времена, отправляясь на торжества к своим кабардинским друзьям, где намечались соревнования, князья всегда брали его собой, они были уверены, что он их не посрамит.

Походив на занятия в ликбезе, Бийберт овладел грамотой, после чего его сделали бригадиром фермы, где содержались яловые коровы. Он показал себя хорошим работником, и сейчас заведовал самой крупной животноводческой фермой.

Будучи человеком прямым, он в момент назначения открыто заявил руководителям колхоза: «Если хотите, чтобы на ферме дела шли хорошо, не тревожьте меня по мелочам. Дайте мне делать то, что я посчитаю нужным. Если вас это не устраивает, можете отменить свое решение о моем назначении. Со своей стороны, хочу сказать, если я увижу, что не справляюсь с работой, я тут же добровольно сложу свои полномочия». Членам комиссии, в числе которых была и Жулдузхан, слова Бийберта сильно не понравились. Да иначе и быть не могло: большинство из них были люди, считавшие, что солнце по утрам восходит только ради них. А тут какой-то скотник решил говорить с ними на равных.

Недовольна была речью мужа и Жулдузхан.

– Я попрошу тебя более внимательно относиться к своим словам, – официальным тоном сказала она. – Ни днем ни ночью ты не должен забывать, что ты комсомолец, и вести себя должен соответственно.

– Мы обсудим с тобой этот вопрос дома, – с улыбкой ответил Бийберт. Эти слова вообще вывели из себя Жулдузхан.

– Я уже сказала, что никому не позволю порочить комсомол, – заявила она, вскочив с места. – Она повернулась лицом к членам комиссии. – Мне кажется, назначая его завфермой, мы совершаем ошибку.

Бийберт постарался ничем не выдать своего волнения, хотя внутри у него все кипело. Но Жулдузхан все же поняла, что творится у него на душе. Она даже подумала, что сейчас ее муж выкинет какую-нибудь штуку. Он вполне мог нагрубить комиссии, плюнуть на все и хлопнуть дверью. Действительно, Бийберт был близок к этому. Больше всего его разозлили слова Жулдузхан. «Оказывается, все начальники – одного поля ягоды», – думал он, глядя на свою жену. Насторожились и остальные. Все они понимали правоту слов Бийберта, но вовсе не собирались с ним соглашаться. Ни одному начальнику не нравится, когда ему перечат.

– Странные вы люди, начальники, – прервал тишину Бийберт. – Вы понимаете только то, что вам по душе... Спасибо вам за оказанное доверие, но хочу вам сказать: если на ваше решение повлияла Жулдузхан, я отказываюсь от него.

– Мы не принимаем такие решения, предварительно не обсудив его на комсомольском собрании, – сказал Батырбий. – Когда дело касается государственных интересов, ничьи личные мотивы не могут учитываться. Так учит нас партия, и мы живем, следуя ее указам. Этого же мы требуем от тебя – наше слово должно быть для тебя законом. И на этом закончим. Собирайся в дорогу, и приложи все усилия, чтобы с честью справиться со своими обязанностями. С тобой поедут еще двое. Нужно тщательно посчитать весь скот. Ошибка тут недопустима.

Бийберт ничего не ответил и покинул помещение. Ему не понравились слова Жулдузхан, но он понимал, что если он послушается ее сейчас, то обречет себя на одиночество – ни родителей, ни братьев, ни сестер у него не было. Но и позволить себя унижать, боясь развода, он не позволит. Он себе цену знает. И ни Батырбий, мнящий себя вершителем судеб, ни кто иной не заставят его поступать вопреки совести.

III

Бийберт и Жулдузхан с полным основанием могли себя считать счастливой семьей. У них было все, о чем можно мечтать: новый дом, широкий двор, детишки, озаряющие своим светом их существование – мальчик и девочка. И они даже представить себе не могли, что их впереди ожидает – что Жулдузхан придется оплакивать мужа и одной растить детишек, оставшихся без отца. Бийберта, прижать спину которого к зем-

ле не удавалось ни одному силачу, уложит в могилу маленький кусочек свинца. Никто не мог подумать, что в настоящее время, когда Советская власть набрала силу и все контролирует, из Загорья явятся люди, которые совершат набег на кош Бийберта. А тот, кто надоумил их на это, не наказал им строго-настрога: скот угоняйте, но людей не трогайте!

Бийберт только накануне вернулся из Нальчика, где присутствовал на праздничном мероприятии по поводу награждения Кабардино-Балкарской Республики орденом Ленина. Всадники, подъехавшие к кошу, выглядели вполне миролюбиво, поэтому ни Бийберт, ни его товарищи ничего не заподозрили. Они вышли к ним, предложили спешиться и быть их гостями. Однако «гости» быстро дали понять, что у них другие намерения: не ответив на приглашение, все они потянулись к своим ружьям. Один из них, коренастый мужчина, сразу же застрелил двух друзей Бийберта. С неожиданной для человека такого сложения быстротой Бийберт подскочил к стрелявшему, сорвал его с коня, бросил на землю и одним движением с хрустом свернул ему шею. Но ничего больше он сделать не смог: пуля, попавшая в голову, уложила его на труп врага. Могучий мужчина, имевший большие планы на жизнь, покинул этот мир.

Несчастливая Жулдузхан рыдала в голос: «Люди, ответьте мне, неужели мы пришли в этот мир лишь для того, чтобы испытывать несчастья? О Аллах, настанет ли такое время, когда слезы не будут обжигать наши лица? Люди, неужели вы так и закопаете Бийберта в сырую землю?! О, лучше бы я умерла!»

Слово «Аллах» впервые слетело с уст Жулдузхан с тех пор, как она стала комсомолкой. И на это сразу же обратили внимание девушки, которых та не раз учила, как следует себя вести комсомолкам. И наверняка некоторые из них подумали, что в случае чего припомнят ей это.

«Мы с вами – одна семья, – наставляла девушек Жулдузхан. – А в семье, где нет дисциплины, никогда не будет порядка. Поэтому всегда следуйте моим указаниям. Эфенди стараются разрушить нашу идеологию, и если мы будем закрывать на это глаза, ни партия, ни комсомол не одобряют наше поведение. Стариков трогать не надо. А вот молодежь надо отучать от намаза и уразы. Чаще проводите беседы на эти темы, находите убедительные доводы. Слово – великая сила».

– Люди добрые, ответьте мне, пожалуйста, чем я провинилась перед Аллахом!

– Не убивайся так, бедная, – сказал ей Шерипа, стоящая неподалеку. – Несчастья насылают на нас Аллах, и мы должны принимать их, не ропща на Всевышнего.

Девушки-комсомолки, слышавшие слова Шерипы, молча переглянулись. Им явно пришлось не по душе ее слова. Скажи она такое в другом месте, они поставили бы женщину на место, но сейчас это было бы очень уж неуместно.

– А поплакать – поплачь, – добавила Шерипа, – кто же еще оплачет несчастного Бийберта.

Поведение матери сильно удивило Дюгерхан. Обычно Шерипа всегда держалась в таких местах в стороне и никому нравочений не читала. Девушка даже хотела увести ее в сторону, но никак не могла этого сделать – Шерипа стояла в окружении женщин и пробраться к ней было невозможно.

– Люди, как мне дальше жить? – Жулдузхан опять начала рыдать. – Несчастный сирота, самый добрый человек в мире – сегодня тебя засыплют землей!

Один из стоящих во дворе, одетый во все новое мужчина с сучковатой палочкой в руке, направился к дому. Не решаясь сразу зайти, он немного постоял у дверей, затем решительно шагнул в комнату. При его появлении женщины все как одна встали с мест. По всей видимости, это был приезжий, так как никто из женщин его не знал.

– Я хотел бы сказать вам несколько слов, – начал мужчина свою речь. – Мир устроен так, что тот, кто видел его поверхность, увидит и его изнанку. Этой участи никто не избежит, даже цари и пророки покинули этот мир. Бийберт расстался с жизнью во цвете лет. Да будет он из тех, кого Аллах удостоит раем. Оплакивать умерших – в порядке вещей, но наша религия не одобряет чрезмерное выражение горя. Наше ущелье в последнее время видело много бед. Вспомните хотя бы тех, кто умер на строительстве дороги. Когда я слышу кюй⁵ про них, у меня каждый раз наворачиваются слезы на глаза. Горе их родных было велико, но и они смогли его пережить. Крепитесь и вы. Нельзя думать, что только вы испытали горе, которое прежде никому не доводилось испытать.

С этими словами мужчина вышел из комнаты.

Некоторое время стояла тишина, затем одна из девушек тихим голо-сом затянула:

*Вы послушайте, а я вам расскажу,
Про парней, строивших дорогу в Холаме.
Трупы их разбросаны
По крутым склонам ущелья.*

*Дорогу в Холам мы проложили,
Используя машины.
Но что нам пользы от нее,
Если погибли наши парни?*

Дорогу в Холам мы проложили,

⁵ Кюй – песня-плач.

*Думая, что это принесет нам радость.
Гитчемай у всех спрашивает:
«Где два моих сына»?*

*«Один из них смотрит за варящимся мясом», –
Отвечает ему кто-то.
«Обоих их завалило скалой», –
Говорит другой.*

*Так дурно пахнет Чабаклы,
Что невозможно подойти.
По большому валуну растеклись
Мозги несчастного Абдуллаха.*

*Не знали мы, что нас ожидает,
Собирались мяса поесть на обед.
Бедный Хаджи расстался с жизнью,
Погребенный под скалой.*

*Услышав про нашу беду,
Тут же примчались парни из Малкара.
Да продлятся их дни,
Они показали себя настоящими мужчинами.*

*Ребят из Малкара собрал и привел
Абдуллай Газаев.
Двоих сыновей Гитчемай
Так и не нашли под завалами.*

*Снова солнце восходит, освещая
Эту ставшую убийцей скалу.
Да прославятся имена парней
Из Большого Малкара.*

*Всем на диво уродилось зерно
В этом году в Верхнем Холаме.
Ничем не смогли помочь нам
Жители Каишхатау.*

*Ой, сверкают, ой, сияют
Золотые самородки в Холаме.
Рыдая, приехали к нам
Женщины из Бызынгы.*

Пока звучал кюй, Жулдузхан не проронила ни звука. Она только смотрела на причитающую девушку взглядом полным невыразимой скорби. Притихли и стоящие во дворе мужчины. А кое-кто из них даже утирал тайком слезу.

IV

Кумук буквально ворвался во двор Шерипы – лошадь под ним была вся в мыле. Одет он был, как всегда, щегольски, с неизменно надетой набекрень высокой папахой. Поработав на своей новой должности, он убедился в одном: на свете нет ничего лучше власти – ни деньги, ни почет не могут сравниться с ней. Какое же это ни с чем не сравнимое удовольствие – видеть, что никто не смеет тебе перечить!

– Что от меня понадобится этому кровососу, – с тревогой подумала Шерипа, заведя его в окно. Хотя, если подумать, у нее не было причин для беспокойства: сын на фронте, дочь – учительница, сама она – одна из лучших работниц в колхозе.

Перед тем как явиться сюда, Кумук имел разговор на высоких тонах с Жулдузхан.

– У нас не хватает доярок, – заявил Кумук, собрав членов правления колхоза в своем кабинете. – Положение катастрофическое, хоть самим брать ведра в руки и садиться под корову.

– Это не выход. Но у любой проблемы есть решение, и нам надо найти его, – сказал один из присутствующих.

– Я думаю, мы сможем найти в селе женщин, которых можно отправить на ферму. Это те, у кого нет маленьких детей, или кто в силу разных причин не может выполнять другую тяжелую работу, – выразил свое мнение другой.

– Да, ты прав, – сказал Кумук, снимая папаху и кладя ее на стол. – Я пришел к такому же мнению. Он некоторое время молчал, щуря свои совиные глазки и почесывая бритый затылок. Жулдузхан обратила внимание на его руки. Они совсем не были похожи на руки человека, всю жизнь занимавшегося тяжелым крестьянским трудом – длинные тонкие пальцы с ухоженными ногтями. Такие пальцы было бы в пору иметь какой-нибудь княжеской дочке.

– Я сейчас пойду к Шерипе, скажу ей, чтобы собиралась в дорогу, – сказал Кумук. – Каждый из вас тоже найдите по одному человеку.

– Нельзя Шерипу отправлять на ферму, – сказала Жулдузхан. – Она и так не может оправиться от своих бед.

– Можно подумать, все остальные в веселье проводят свои дни, – сказал один из мужчин, преданно смотря на Кумука. Вид у него был невзрачный, одет плохо, шапка-ушанка, которую он теребил в руках, казалось, сейчас разорвется на клочки.

– Может, стоит уже оставить в покое несчастную женщину, – ска-

зала Жулдузхан, нервно вертя в руках карандаш. – В конце концов, это даже неприлично, как-никак вы мужчины!

– Ты слишком много... – начал было владелец ушанки, но Жулдузхан не дала ему договорить.

– Сядь на место и дай мне сказать, что хочу. – Жулдузхан сложила свои пухлые ручки в кулак и поставила их на стол. – Сын Шерипы сейчас на фронте, дочь обучает наших детей в школе, сама она не отказывается ни от какой от работы, будь то уборка сена, прополка, сбор урожая. А если выдастся свободная минутка, ходит по селу, собирает теплые вещи и отправляет солдатам на фронт. И я еще раз спрашиваю вас: до каких пор вы будете над ней издеваться?

После смерти мужа Жулдузхан не снимала с головы черный платок. Но став председателем сельского совета, она коротко постриглась, и сейчас сидела с непокрытой головой. Она была примером и предметом зависти многих девушек и женщин, но сравняться с ней было делом невозможным, Жулдузхан была одна такая на весь Холам.

Тон Жулдузхан испугал владельца старой шапки, и он торопливо сел на свое место. Было видно, что никто больше пререкаться с Жулдузхан не будет.

Но Кумук не мог себе позволить так быстро сдаться.

– Жулдузхан, не знаю почему, но ты всегда выступаешь в защиту этой недостойной семьи, – сказал Кумук, доставая из кармана какой-то бумажный треугольник.

– Что они вам плохого сделали, что вы их так ненавидите?

– Абдулкерим нанес Советской власти вреда больше, чем кто-либо другой. И ты это знаешь не хуже меня.

– Советская власть не считает, что сын должен отвечать за отца, а отец за сына! Если бы это было не так, ты вряд ли стоял бы во главе села, твой сын тоже объявлен врагом народа.

– Вот тут-то и показала свое истинное лицо, – закричал Кумук, вскочив с места. – Но я заставлю тебя прикусить язычок! На, возьми и прочитай это. Читай вслух, чтобы все слышали!

Кумук протянул Жулдузхан бумажный треугольник, который вытаскивал из кармана, но, видя, что она не хочет брать, бросил его на стол перед ней. Жулдузхан брезгливо толкнула его обратно.

– Это – письмо от Жашау, – сказал Кумук. – Хотите знать, где он сейчас? Так я вам отвечу: мой сын сейчас на фронте! «Меня признали невиновным и отправили на фронт. Ни ты, ни мать не должны меня стыдиться. Пусть никто не смеет смотреть на вас свысока. Подробно обо всем расскажу в следующем письме». Вот что написал Жашау. Мой сын воюет против фашистов! Ты поняла, Жулдузхан?

Присутствующие в кабинете некоторое время сидели ошарашено, а затем вскочили и стали по очереди обнимать Кумука. «Да не лишит

Аллах тебя радости!», «Дай вам Аллах счастья увидеться живыми», «Я всегда знал, что он невиновен» – слышались возгласы.

«Так значит, этот мерзавец жив», – подумала Жулдузхан. Она взяла письмо и прочитала его вслух. Затем сказала: «Я рада, что с нашего односельчанина сняты обвинения», – и вышла из комнаты.

Шерипа умела как примирить, казалось бы, непримиримых врагов, так и поставить одним словом на место зарвавшегося нахала. И сейчас, глядя на гарцующего во дворе Кумука, она решила, что если тот поведет себя недостойно, то не будет молчать. Скажет все как есть: сын Кумука сидит в тюрьме, а ее сын – сражается с фашистами.

– Заходи, Кумук, будь гостем, – сказала Шерипа, выходя из дома и поправляя сбившийся набок платок. – Я только-только спустилась с Верхнего холма. Я закончила прополку выделенного мне участка. Правда, если бы Дюгерхан не помогла, мне бы пришлось очень тяжело. Землю так обильно унавозили, что поле все поросло сорняками.

Кумук ничего не ответил. Казалось, он даже не слышит, что она говорит, и занят только тем, что успокаивает своего грызущего удила скакуна. Шерипа смотрела на него, и в сердце ее закрадывалась тревога.

Лошадь под Кумуком наконец-то успокоилась, и он посмотрел по сторонам. И двор, и огородик рядом с домом были в идеальном порядке. Впрочем, это было неудивительно – Абдулкерим был человеком аккуратным, и, видимо, семью свою приучил к тому же. «Сколько бед на них обрушилось, но эти люди так и не сломились, – подумал Кумук. – Но ничего, все еще впереди, я еще устрою им сладкую жизнь. Самому Абдулкериму я уже ничего не смогу сделать, так хоть на семье его отыграюсь».

– Это, конечно хорошо, Шерипа, что ты раньше всех справились с заданием. И это даже достойно похвалы. Но ты не должна забывать, что члены семьи врага народа должны работать за троих, – сказал Кумук. – Он все еще не удосужился спешиться и разговаривал с женщиной, сидя в седле. – Раны, нанесенные вами, ноют до сих пор.

– Если уж на то пошло, то в этом селе не было большего врага, чем твой сын! – Шерипа шагнула со ступенек и подошла ближе к Кумуку. – Но никто не принес народу столько несчастья, как ты и тебе подобные. Скольких людей вы сделали несчастными, сколько дворов заросли крапивой, оставшись без хозяев по вашей вине! Пропадите вы пропадом! И хватит уже мне грозить. Времена, когда все трепетали перед вами, уже прошли. И еще раз повторяю: врагов народа ищи в своей семье. Твой сын – бандит!

– Хватит болтать, глупая женщина! Мой сын сейчас воюет на фронте! – Кумук вытащил из кармана бумажный треугольник. – Вот его письмо. Завтра я соберу все село, чтобы его зачитали перед народом. И знаешь, кто его будет читать? Твоя дочка-вертихвостка Дюгерхан. Уяснила: мой сын Жашау – на фронте! Он воюет с фашистами в Ленинградской области.

– Плевать я хотела и на тебя, и на твоего сына!
– Мы еще посмотрим, кто на кого будет плевать!
– Да уж, вот слова настоящего мужчины! Тебя только и хватает на то, чтобы угрожать женщине!

– Хватит! Мне надоело слушать твою болтовню. Я не для этого сюда пришел. Не позднее чем завтра ты отправишься на ферму, нам не хватает доярок. Жить будешь там, поэтому не забудь взять с собой постельные принадлежности. Ты все поняла?

– Посылай на ферму свою толстомордую жену. У нее сил побольше, чем у меня будет. Да и коров доить ей не привыкать, всю жизнь она этим занималась. Правда, доила не своих коров, а тех, у кого она ходила в прислугах.

– Я даже не стану тебе отвечать. Если споришь с глупцом, значит, и сам ты глупец.

– Аллах свидетель, кто из нас двоих глуп.

– Не будь ты полной дурой, ты не разговаривала бы так с председателем колхоза. Захоти я, и ты столкнешься с гораздо более неприятными вещами, чем работа на ферме. Сейчас военное положение, и всякого, кто отлынивает от работы, можно без проволочек расстрелять. Ты понимаешь это?

– Посылай на ферму свою жену.

Кумук хлестнул коня плеткой. Тот шарахнулся в сторону, и сбил Шерипу с ног. Она чудом не ударилась головой о ступеньки. Охая и проклиная Кумука, она с трудом поднялась на ноги.

– Поедете в горы на воловьей упряжке. Выедете рано утром, смотри не опоздай. – Кумук уже выезжал со двора и сказал это, даже не обернувшись.

Предвзятость Кумука, решившего отправить ее в горы, была очевидна, и это больше всего возмущало Шерипу. В то же время она не могла не понимать, чем все закончится, если она откажется выполнить приказ главы села. Не моргнув глазом, Кумук отправит ее туда, откуда мало кто возвращается.

На новом месте раздумий у Шерипы только прибавилось. Советская власть днем и ночью повторяет, что единственной ее целью является благо народа. И ее представители на местах – не просто чиновники, они – родители, пекущиеся о своих детях, которые не до конца понимают, что хорошо, а что плохо. А значит, все должны слушаться их беспрекословно. А тот, кто не слушается – враг. Предатель. А к таким людям и отношение соответственное.

Шерипа вспомнила о несчастной судьбе своей сестры Шахбийче. Когда мерзавец Жашау явился конфисковывать ее имущество, она в

сердцах высказала все, что думает о нем и о власти, которую он представляет. На следующий же день за ней явились. Обвинив в сопротивлении колхозному строительству, трое взрослых мужчин, ее соплеменников, посадили женщину на воловью повозку и увезли. С тех пор прошло одиннадцать лет, в течение которых Шерипа не имела о сестре никаких вестей. Вот и проводит она бессонные ночи, оплакивая попеременно то сестру, то мужа. При этом днем, на людях, она ни с кем о таких вещах не разговаривает. И даже не дает прямого ответа тем, кто интересуется судьбой Шахбийче. «Все мы ходим под Богом, надеюсь на лучшее» – вот и весь ее ответ.

Вспоминая свой последний разговор с Кумуком, Шерипа удивлялась, что он ограничился отправкой ее на ферму. Ведь все могло закончиться гораздо хуже. Кумуку ничего не стоило сделать так, что Шерипа разделила бы участь своей сестры. Неужели в нем еще остались остатки человечности?

Все остальные доярки, которых набрали в селе, были молоденькими девушками. Это тоже обижало Шерипу. Но это стало причиной того, что Шерипа работала больше, чем другие. Она старше, значит, должна быть примером для остальных. К тому же, она ни на минуту не сомневалась в том, что чем больше мяса, зерна, шерсти колхоз сдаст государству, тем сытнее будут питаться солдаты на фронте, тем лучше они будут одеты. Так почему же она должна жалеть себя? Ведь ее сын Атабий тоже сейчас, может быть, недоедает. Тревожилась она и о Дюгерхан – каково молоденькой девушке ночевать одной в пустом доме? Она, конечно же, не знала, что по большей части Дюгерхан ночует у Ахузат. Знай это Шерипа, одной заботой на душе у ней стало бы меньше.

В свое время к Дюгерхан сваталось немало парней. Но никого из них девушка не посчитала достойным себя. А после того как арестовали Абдулкерима, парни вообще стали избегать ее, никто не хотел связывать свою жизнь с дочкой «врага народа». А сейчас в селе парней практически не осталось, все, кто был в силах держать в руках оружие, ушли на фронт.

Сказать по правде, был в селе человек, занимавший особое место в сердце Дюгерхан. Избранник ее ничем среди своих сверстников не выделялся. Но в глазах влюбленной девушки он был особенным, и она провела немало бессонных ночей, думая о нем. Но тайну свою она свято берегла, и даже лучшая подруга Ахузат не знала, что творится у нее в душе. Не знал о чувствах Дюгерхан и сам ее возлюбленный.

Звали ее избранника – Жашау. Сын Кумука не был равнодушен к Дюгерхан, хотя тоже ничем не выдавал своих чувств. Но на то у него были другие причины: зная, скольким достойным парням она отказала, Жашау не решался даже намеком дать понять Дюгерхан о своей любви. Он был уверен, что девушка просто опозорит его, высмеяв при всех.

Знай он о ее чувствах, он, не кривя душой, поклялся бы в своей вечной любви. Но Дюгерхан держала себя строго, и Жашау мог только мечтать о том, как мог бы быть счастливым.

Сильно удивились бы и односельчане, связи эти двое свою судьбу. Наверняка большинство из них пожалело бы девушку, по их мнению, гордая дочь Абдулкерима была достойна лучшей участи, чем стать женой большеухого проныры Жашау. Но все это только предположения, ни парень, ни девушка не выказывали своих чувств, и это только шло на пользу их любви – она была ничем не омрачена.

V

Дюгерхан тревожилась о матери не меньше, чем та о ней, а может, и больше. Прошлой ночью мать даже снилась ей два раза. В первый раз она чуть не бегом зашла в комнату и закричала: «Доченька, а сейчас ты мне должна сиюиюмчу, у меня письмо от Атабия!» Дюгерхан подскочила на кровати, сердце ее билось учащенно. Она встала и несколько раз прошла по комнате. Но боясь разбудить Ахузат, снова легла и вскоре задремала. На этот раз сон ее не был таким коротким. В нем Шерипа организовала на ферме концертную группу и обучала девушек петь и танцевать. И сама она пела странную песню, полную любви и печали:

*Ой, несчастная я, несчастная,
Нежели навсегда забылся день моей свадьбы?
Надену я на ноги чувяки из сафьяна,
Повяжу на талию свой черный платок...*

*Возьму я в руки железный посох,
Плача-рыдая, обойду все четыре стороны света.
Буду скитаться везде,
По долинам, горам, ущельям.*

*Найду то место, где погиб мой Абдулкерим,
Несчастная, буду грызть от горя землю.
Слезы мои жгучие прожгут камни.
Я несчастная жена Абдулкерима, равного ханам...*

– Мама, перестань, что ты делаешь? – стала ее удерживать Дюгерхан. – Сейчас не такое время, чтобы хвалиться тем, что ты жена Абдулкерима. И зачем ты переделала песню, ведь это Гошаях-бийче сочинила про Каншаубия. – Но Шерипа не обратила внимания на слова дочери, она даже не обернулась в ее сторону. Это так обидело Дюгерхан, что она залилась слезами и – проснулась. И хотя все виденное ею было сном, слезы девушки были настоящими – вся подушка была мокрая.

Сон очень расстроил девушку – видеть во сне веселье было плохой приметой. В то же время она удивлялась, как красиво пела ее мать. В жизни Дюгерхан не видела Шерипу поющей, но, может, она просто скрывала свое умение? Плохие предчувствия одолели девушку, и она, уже не боясь разбудить Ахузат, стала, похныкивая, плакать. Больше всего она боялась, что сон ее – предвестник плохих новостей про Атабия. «О Аллах, защити моего брата, мою единственную опору», – вслух сказала она, глотая слезы. Затем вспомнила, что, по разговорам, надо было делать в таких случаях, и вышла во двор, где «сбросила сон в мусорную кучу». Вернувшись в комнату, она увидела, что Ахузат сидит на кровати и кормит грудью ребенка.

– Почему ты не спишь? Что случилось? – спросила Ахузат.

– Ой, даже не спрашивай... – Дюгерхан пересказала ей свои сны.

– Вот ты дурочка, – сказала Ахузат. – Ты разве не слышала, что на ферме и в самом деле поют и танцуют. И да, все поражаются, какой красивый голос у твоей матери.

– Врунья ты...

– Клянусь Гогаем, я говорю правду.

– Никогда в жизни я не слышала, чтобы мать пела.

– Честно говоря, и я раньше не подозревала, что Шерипа такая певунья.

– Ну ты скажешь, певунья... Бедная, она, наверно, хочет хоть так ненадолго забыть о своих несчастьях... – На глаза Дюгерхан навернулись слезы, но она сдержала себя, не заплакала.

«Ахузат! Ахузат!» – послышался чей-то крик с улицы. Ахузат оторвала ребенка от груди, положила его на кровать, застегнула ворот платья и торопливо вышла во двор. Второпях она забыла натянуть на голову платок, и обнаружила это только тогда, когда ее густых волос коснулся утренний ветерок. Застеснявшись, что стоит перед мужчиной без головного убора, она прижала свои волосы двумя руками. Но в это время ветерок приподнял ее платье, и она, оставив волосы, схватилась за подол.

– Что-то облаков много на небе, наверно, дождь собирается, – сказал почтальон Мурадин, видя смущение Ахузат и стараясь отвлечь ее. – Никогда не мог Дюгерхан найти. Только вчера ночью мне сказали, что она может быть у вас. Но было уже поздно, поэтому я и пришел сегодня ни свет ни заря. Письмо ей пришло от Атабия.

– О, это ее очень обрадует. А то она уже беспокоилась, что от брата давно нет новостей. Сейчас я позову ее.

– Позови, пожалуйста, – сказал Мурадин, снимая здоровой рукой сумку с плеча. Когда-то давно, объезжая жеребца, Мурадин упал и сильно покалечился. Думали даже, что он умрет. Он выжил, но правая рука его с тех пор не работала. Он очень переживает, что должен торчать среди женщин, вместо того, чтобы наравне с другими парнями воевать на

фронте, но тут уж ничего не поделаешь. Калекам на фронте не место.

– Мог бы, впрочем, и мне дать письмо, ты знаешь, я им человек не чужой.

– Знаю, Ахузат, но все же... Лучше я отдам письмо ей в руки.

– Все понятно. Хочешь на Дюгерхан полюбоваться. Небось, видел сегодня ее во сне, вот и появился на рассвете.

– Да ну тебя, Ахузат. Тебе бы все шутить. Не смущай меня. Да и Дюгерхан обидится, если услышит твои слова.

– Ладно-ладно, не переживай. И не смущайся, не один ты такой, все мы знаем, что такое любовь.

Мурадину, конечно же, нравилась Дюгерхан, но он никогда всерьез не думал о том, любит он ее или не любит. Признаться девушке и рассчитывать на ее положительный ответ? Откуда такое счастье несчастному калеке! Да Дюгерхан даже разговаривать с ним не станет. Отдав письмо девушке, Мурадин торопливо покинул двор. Ахузат показалось, что слова ее обидели парня, и она долго задумчиво смотрела ему вслед.

До этого раза Дюгерхан никогда не получала от Атабия такое увесистое письмо, и это ее сильно удивило. Быстро распечатав его, она начала читать про себя.

«Дюгерхан, сразу прошу тебя, чтобы ты не рассказывала матери полностью содержание моего письма. Почему я так говорю, поймешь, когда дочитаешь.

Ну а теперь хочу пожелать вам доброго дня. Я очень соскучился по тебе и по матери. Крепко обними ее за меня. Нет на свете ничего дороже матери, Дюгерхан, будь с ней заботлива, береги ее.

Спасибо тебе большое за твое последнее письмо. Ты так подробно написала, что я в курсе всех дел в селе. Поздравь от моего имени Ахузат, я очень рад, что у нее родился ребенок. Да вырастет он живым и здоровым. Если известно, где Гогай, вышлите, пожалуйста, мне его адрес.

Дюгерхан, я сейчас нахожусь в госпитале в Пятигорске. Я был тяжело ранен под Харьковом, и меня отправили сюда. Когда 115-ю кавалерийскую дивизию включили в состав 17-го кавалерийского корпуса, нас перебросили под Ростов. Кажется, я тебе об этом уже писал. В случае успешного завершения операции под Харьковом бойцы Южного фронта должны были начать наступление. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. гитлеровские командование бросило на этот участок фронта большие силы. И 17-ый кавалерийский корпус был вынужден вступить в бой с танковыми войсками противника. Но, поверь мне, это не сломило дух наших бойцов, они уничтожили много вражеских танков.

Причем мы смогли не только остановить наступление противника, но и освободили от фашистов несколько населенных пунктов в Мартыновском районе Ростовской области. Кроме того, в наши руки перешла высота Лысая. Настоящими героями проявили себя наши солдаты в боях за населенные пункты Большая и Малая Мартыновка, за станцию Несмедновка. Они на деле показали, что никто из них не ставит свою жизнь выше свободы Родины.

Я был тяжело ранен 10 мая 1942 года. Больше месяца врачи не были уверены, что я останусь жив. Теперь ты понимаешь, почему я просил тебя не рассказывать матери обо всем.

“Мы живем, еле согреваясь почти затухшим огоньком наших надежд”, – написала ты мне в последнем письме. Когда я прочитал эти слова, слезы навернулись на мои глаза. Дюгерхан, прошу тебя, не поддавайся отчаянию. Даст Аллах, настанет день, когда мы увидим свои самые прекрасные надежды сбывшимися.

Сегодня я проснулся рано, врачи еще не скоро начнут обход, и у меня много свободного времени. Поэтому и пишу тебе обо всем так подробно. Сейчас я решил на немного закрыть глаза, чтобы передохнуть, и, поверишь ли, мне не хотелось их открывать: передо мной возникли картинки из жизни нашего села. Я ходил по родным улицам, здоровался с односельчанами, беседовал с ними. Какое это счастье! Я чувствую, что на лицо мне падают солнечные лучи, проникающие сквозь листву растущей у окна березы, но не хочу открывать глаза.

Но не буду расслабляться, продолжу свой рассказ. Знаешь, я постоянно думаю о тех, кто погиб на полях сражений. И, как ни странно, мне иногда жаль даже тех, кого убили мы. Ведь, наверняка и их кто-то оплакивает... Но, знаешь, кого я убил бы без всякого раздумья? Тех, кто погубил нашего отца. ...В коридоре слышен шум, кажется, врачи начали обход. Нет слов, как я им благодарен. Они радовались моему выздоровлению, как будто я был их близким родственником.

Да, еще одно, чуть не забыл. Нам удалось захватить в плен немало фашистов, и меня при допросах использовали как переводчика! Представь, с каким уважением смотрели на меня мои сослуживцы. А совсем недавно мне присвоили звание лейтенанта. Я бы очень хотел пройтись в лейтенантской форме по селу. И тебе был бы повод гордиться своим братом.

Дюгерхан, в следующем письме напиши мне обязательно, как поживает бабушка. Ахузат передай мою благодарность за то, что назвала своего сына Атабием, с меня подарок. Пока все.

Атабий
1942 год, июнь.
Пятигорск».

Анатолий Лагулаа – член Союзов писателей СССР (1989 г.), России (1999 г.) и Абхазии. Лауреат Государственной премии Абхазии им. Д. И. Гулиа по литературе и Государственной премии им. Т. Ш. Аджба. Заслуженный деятель культуры Абхазии, награжден орденом «Честь и слава» III степени.

Окончил Абхазский государственный университет им. А. М. Горького.

Главный редактор журнала «Алашара».

Стихи и короткие статьи начал писать в школьные годы. Его произведения публиковались в журналах «Алашара», «Амцабз», газетах «Апсныкаши», «Апсны», «Ецваджаа», «Литературная Россия», «Общеписательская Литературная газета» и др.

Автор более 20 сборников стихов и прозы.

СОЛЬВЕЙГ

*Голос твой – он звонче песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!*

А. Блок

В тот год я учился в восьмом классе. По нашему селу ходил слух о том, что придет киевская киностудия и будет снимать у нас, здесь, художественный фильм по роману в стихах Баграта Шинкуба «Песня о скале». Все мы, дети, услышав такую новость, были безмерно рады. Никто из нас не видел воочию, как снимают кино, тем более из абхазской жизни. Поэтому, если даже позволяли себе побежать на речку искупаться, долго там не задерживались. И на всякий случай оставляли кого-нибудь из пацанов караулить машины, проезжавшие по дороге. В тот год даже ребята, на летних каникулах всегда уезжавшие к родственникам в другие места, остались дома.

Да что там говорить, даже со двора далеко не уходили, держали ухо востро, чтобы не пропустить машину с артистами. Правда, взрослым это было не очень по душе, поскольку в хозяйстве в ту пору была важна каждая лишняя пара рук. Стояла изнуряющая жара, трава душила кукурузные стебли и от нее надо было незамедлительно избавляться. Многие ложились спать как можно раньше, чтобы утром сразу после восхода

солнца успеть прополоть побольше кукурузы. Да и сил вечером после выматывающего трудового дня не оставалось.

В тот день я встал спозаранку, пока солнце еще не успело показаться из-за горных вершин. Несмотря на утренний холодок, умылся ключевой водой и, наспех позавтракав, выпустил из хлева коз. Те были рады свободе. А своенравный круторогий вожак то бежал впереди стада, то, становясь на дыбы, издавал громогласный звук на одному только ему ведомом языке и кидался на каждого, кто посмел близко к нему подойти. Всю дорогу на пастбище козы вели себя так, как будто впервые видели замашки своего вожака. То лавиной сбегали с дороги, то вовсе кидались в заросли папоротника. В эти моменты я издавал такой громкий «клич краснокожих», что они, от маленьких до больших, вмиг делали вид, что от испуга утихомирились. И снова приближались к грозному козлу-вожаку, будто хотели ему что-то прошептать на ухо. Я слышал тогда, как он что-то «ворчал». Он всегда был таким взбалмошным – ходил ли, гордо вскинув голову, лежал ли в тени, или игрался с козами из стада, вмиг обижался, если что-то приходилось ему не по нраву, даже мог мимоходом маленьких козлят на свои острые рога подцепить... Поэтому я ему кличку такую придумал – Быгцымкык¹.

...Помню, однажды в школе меня сильно обидела учительница, наша соседка. И я с последнего урока побежал домой. По правде, не я был виноват. Виновата была она сама, да попробуй скажи ей это – крик стоял бы на всю округу! А начался наш спор так – на уроке абхазской литературы кто-то из наших ребят задал ей вопрос: «Что раньше возникло – фольклор или литература?» Наша учительница моментально пришла в ярость и кинула книгу на стол. Вначале почему-то у нее покраснел нос, потом зарделись щеки. Все, что она собиралась сказать, будто написано было на ее лице. После паузы она с издевкой выплеснула на ученика весь свой гнев: «Ты, ты вот скажи, кто раньше родился – ты или твои родители?!». Задавший вопрос мальчик, покраснев, чуть не плача, встал: «Они-и-и родили-сь-сь-сь раньше, Нелли Александровна». – «Так и фольклор произошел от литературы. А то как в отсутствие письменности существовал бы фольклор?!» – учительница вплотную подошла к мальчику, буравя его взглядом. Я, не спросив разрешения, вставил: «Нелли Александровна, как это литература вначале появилась? Вначале появился фольклор. Вы не правы». И, хлопнув крышкой парты, встал, давая понять всем своим видом однокласснику: «Вот я, твой друг, рядом с тобой, теперь ты не один».

– Вон отсюда оба, бездари! – вскричала учительница и, распахнув настежь дверь, встала у нее. Одноклассники с жалостью поглядывали на нас, всем видом показывая, что мы напрасно затеяли эту дискуссию. Уже

¹ Можно перевести как «многоуважаемый».

в дверном проеме я не сдержался и ляпнул: «На такой простой вопрос даже мой козел Быгцымкык правильно ответил бы». – «Так пусть твой козел и преподает тебе литературу, невоспитанный! Чтoб духу твоего тут не было!» – вытолкав меня, учительница захлопнула за нами дверь.

После этого случая она целую неделю не допускала меня на свои уроки. Ни другие учителя, ни директор школы об этом не знали, хотя все ученики были наслышаны о происходящем. Спустя неделю наша учительница на каких-то сороковинах встретила мою бабушку и выложила ей всю историю со своей точки зрения и в самых ярких красках. Бабушке хотелось провалиться сквозь землю. Хотя она не была дружна ни с литературой, ни с фольклором, рассказ учительницы все же ее расстроил. Ко всему прочему она еще не успела зажечь поминальную свечу и торопилась. И она, недолго думая, выдала: «Да разве в чтении наш козел тебе чета? К тому же он еще и не холощенный». Услышав такое, учительница чуть не свихнулась. Бабушка, воспользовавшись моментом, улизнула от нее. После такого учительница вообще решила не пускать меня на порог класса.

Тем временем случилась еще одна история. Наши козы, наевшись свежей травкой и листвой, к обеду спустились с холма к дороге и улеглись под тенью растущего у ее обочины каштана. Наш Быгцымкык отбивался как мог от преследовавших его назойливых мух и был сильно не в духе. В это время из-за поворота дороги показалась та самая учительница литературы. От жгучего солнца она прикрывалась пурпурного цвета зонтом. Перекинутая через плечо сумка была полна тетрадями и книгами, не уместившуюся в ней их часть она несла в руке. Нежившееся в тени козлиное стадо она заметила. Заметила и большерогого козла. Ну и что? Не в первый раз она их видела и не посчитала нужным обходить стадо стороной.

Но когда она приблизилась, Быгцымкыку что-то не понравилось в ней. То ли красного цвета зонт, то ли тетради в руке, то ли она сама. Позже учительница рассказывала, что и ей самой очень не понравился ударивший в нос резкий запах козла-вожака. Впрочем, и некоторые ученики, по ее словам, бывали такими же «пахучими». Так или иначе, но, поравнявшись с Быгцымкыком, она не сдержалась и сплюнула в его сторону. Оскорбившись, Быгцымкык вскочил, бросился на нее и порвал платье своими острыми рогами. Нашей учительнице хватило расторопности, чтобы вовремя сбежать с поля боя. Но при бегстве она уронила те тетради, что держала в руках, в том числе и мою. Быгцымкык прожевал часть тетрадей, но когда дошел до моей, почему-то оставил ее нетронутой.

Бабушка моя вечером пошла за стадом, чтобы пригнать его домой, и нашла разбросанные тетради. Решив, что они пригодятся ей утром для розжига очага, принесла в дом. А моя маленькая сестренка, которая уже

сносно умела читать, начала рассматривать обложки тетрадей и наткнулась на мою. Собрав семью, она представила ее всем. Последние страницы злополучной тетради были заняты написанным недели две тому назад сочинением «Кем я хочу стать». Внизу стояла несуразно большая двойка. И далее «расшифровка» учительницы: «По моему мнению, ты не так плох в литературе, но выбор сделан тобой самим. Если ты считаешь, что твой козел даст тебе больше знаний, чем я, то и учись у него. Только не забывай, что в конце года, на экзаменах, тебя будет ждать такая же большая, как его рога, двойка. Н. А.»

Одним словом, после всех этих перипетий наша учительница на педсовете поставила ребром два вопроса.

Первое: Ваше мнение по поводу целесообразности нахождения в школе ученика, который сподобился сравнить меня с козлом? И какое место занимает на уроке литературы и фольклора деревенский козел?

Второе: Как отреагировать на то, что ученик, подговорив козла, выпускает его на тебя? Не подлежит ли исключению из школы такой ученик?

Эти вопросы задели чувства заведующего учебной частью. Сам он тоже долгое время преподавал в школе литературу и прекрасно понимал, что вонючему козлу там не место. Недолго думая, он позвонил председателю колхоза. Так как они были родичами, быстро нашли выход из ситуации. В ближайшую субботу в село должны были приехать очень уважаемые гости. Как известно, потчевать званных гостей козлятиной — это честь и для гостей, и для принимающей стороны, и для хозяина, вырастившего животину. Положив телефонную трубку, завуч поведал присутствующим о будущей участи Быгцымкыка. Но тут учитель истории выступил с возражениями. По его мнению, со времен Леона Первого до Чачбовцев, Ачбовцев и Маршанивцев и вплоть до наших дней не было случая, чтобы гостя потчевали мясом козла-самца, то есть не холощенного. Завуч, не поверив учителю истории, спросил об этом у мастера литературы и фольклора, то есть у нашей учительницы. Та сказала, что козел воняет только тогда, когда он живой. Если его мясо проварить как следует, то оно приобретает вкус лани. При этом учительница изъявила готовность первой попробовать мясо Быгцымкыка. Но когда расспросили бывалых мясоедов, те подтвердили — мясо нехолощенного козла может испортить весь стол. В итоге заведующий учебной частью решил, что надо на время подарить жизнь Быгцымкыку.

По сей день в школьном архиве сохранился шуточный протокол за подписью учителя географии с описанием этих дебатов.

...Киношники обычно не показывались до обеда. Своих лошадей они оставляли у соседа в «казарме». Кормил породистых лошадей, убирал за ними, водил на водопой, купал, одним словом смотрел за ними

специально приставленный к ним человек – конюх. Раньше мы, дети, любили через щелочки подсматривать за ними. Однако потом оставили это дело, потому что конюх стал нас прогонять. Вместо этого, когда артисты, приехав из города и оседлав лошадей, выезжали на съемки, мы гурьбой сопровождали их на всем протяжении пути.

В тот день я, зная, что меня не пустят домой, если хорошо не выпасу коз, решил срубить им на корм самые нежные молодые ветки раскидистого граба, стоявшего на пути следования артистов. Коз оставить без присмотра я не мог, потому что стоило отлучиться хоть на миг, они всем скопом бежали к соседскому кукурузному полю. Обглодать самые лучшие кукурузные стебли и початки они могли за считанные минуты... Следовавший за этим душераздирающий крик хозяина поля заставлял меня жмурить до боли глаза, а коз – кубарем скатываться с косогора и бежать куда глаза глядят.

Я видел, что козы не насытились. И животы у них не были так округлы, чтобы и их, и меня пустили домой. Понимал, что придется лезть на дерево. Только весь его ствол от основания был окутан колючкой. Много пота пролил я, но проложил себе путь. Однако оказалась, что колючка не только внизу впивалась в ствол, но и наверху змеей душила ветви. И те ветки, что я рубил, путались в ней и не падали наземь. Сколько бы ни пришлось мне помучиться и попотеть, козам нужен был корм. Еще я боялся, что они, не дождавшись его, разбегутся. Я надеялся только на коз, кормящих козлят. Они, как все мамы, были более ответственны. Топорик мой был не особо острым, но я всегда с собой носил точилку. Изредка потачивая его, я продолжал свою работу. Мне всегда было жаль те деревья, что приходилось так оголять. Да и ветки, думал я, плачут горькими слезами.

Долго мучился, много сил потратил – но, слава Богу, работа моя близилась к концу. Оставалась одна сторона. Три-четыре хороших взмаха сделали бы свое дело. Послунявив точилку, провел по топору.

«Топорик мой, трудоголик, немного еще осталось».

Подувший с запада ветерок прошелся по моей щеке как нежная, родная рука. Даже показалось, что он подул только для меня лично, прячась от дерева, как делала моя бабушка, которая изредка втайне от отца клала мне перед уходом в школу в карман денежки. Передохнув, я начал с новыми силами размахивать топориком и думал: сколько жизней дало это дерево разным птичкам. Вон там наверху виднеется полуразрушенное гнездо дрозда, из трав и мелких комочков земли. Наверняка в ней самочка снесла яйца и высиживала их. Наверняка она бывала голодной. Но чтобы яйца не охладели, сидела, даруя им свои тепло и любовь, и ждала, что вот-вот из них вылупятся маленькие живые комочки. И после их появления она, не зная устали, приносила им еду. Бывало, сама сильно проголодавшись, не выдерживала и проглатывала червячков, не

донеся до малюток. И тогда, возможно, она ругала себя. Злилась. И забыв про всякого рода опасности вроде охотников, летала в те места, где, по ее разумению, должно было быть побольше червячков. Давно она не лакомила мелкой лесной хурмой, не возилась в зарослях плюща. Она воспитывала маленьких дроздинок. Здесь, на этом дереве, появлялись они на свет и отсюда улетали в небо. Чем выше были свиты гнезда, тем было безопаснее. Дерево было их опорой...

Дерево скрипело, словно кости старого человека. Листики падали с веток, которые я рубил. Казалось, они хотели закончить жизнь самоубийством. Мне было их жаль. Мне было жаль дерева, который долгое время был домом множества птичьих семей. Если раньше оно давало тень земле, то теперь его ветки одна за другой падали вниз. Но эти листья и эти ветки также давали жизнь козам, которым необходимо было хорошее питание для того, чтобы у них появилось молоко для маленьких деток. Утешая себя такими мыслями, я обрубил последнюю ветку. Внизу мои козы ели живительную листву. Они кружились вокруг дерева, как мотыльки вокруг света лампы. Годовалые козлятки, опережая своих мам, лакомились от души. Но вдруг я понял, что нет Быгцымкыка. Как получилось, что раньше него здесь оказались козы? Где он спрятался? А вдруг, пока я обчекривал дерево, он ломанулся в соседский огород? А может, спрятался подальше от назойливых мух и не слышал стука моего топора? Но нет. Он всегда следил за стадом. Недаром ведь был вожаком... В это время как будто из-под земли я услышал чье-то стенание. Неужели Быгцымкыка придавило тяжелой веткой? Сбросив топорик с дерева, я подался вниз. Стон не прекращался. Пока спускался, колючки изранили мое тело, порвали одежду. От переживаний ослабли руки и ноги. Живот и руки от плеча до кистей от царапин стали красными, как пасхальное яйцо.

Но это все было неважно. Где же Быгцымкык? Опять я услышал слабый голос из-под зарослей... Эх, вы самцы и самки, да маленькие козлятки, вы не слышите этот голос? Слабый голос. Как же мне вызволить его оттуда? Видимо, сильно придавило, а то он уже был бы на свободе.

«Рогами своими помоги себе, рогами... Быгцымкык, соберись с силами, не то задохнешься... Не бойсь. Это дерево доброе. Знаешь, сколько птичек находили в нем приют! Знаешь, скольких оно здесь взрастил! Это снизу гнездышки казались грушами, а они были целым миром. Быгцымкык! Выползи, пожалуйста. Ты же не нарочно там спрятался?! Может, нарочно. Я прав?! Может, уже насытился листиками колючек? Меня они разодрали до крови, а тебе все нипочем. Удивляюсь...

Опять послышался голос Быгцымкыка. Может, он там задыхается. Может, заросли колючие его опутали, и он не может высвободиться. И все по моей вине. И чего же я жду? Нужно с другой стороны, где заросли пореже, раскорчевать их. Ему только чуть-чуть надо помочь. Немного –

и сам сможет выбраться. Размахивая топориком, сумел проложить себе путь до валявшейся на земле большой ветви. Она все еще держалась корой за дерево. Потянувшись, оказался наверху. Только топорик тут не годился. Во-первых, рукоятка была короткой, во-вторых, снизу было неудобно им махать. Тут бы цалду! ² Я все злился на коз. Они, как будто ничего не случилось, наполняли свои животы, думали только о себе. А тем временем их вожак задыхался под грузом веток и колючек. Нет, нет... Хорошо, что они ничего не знают и не понимают. Хорошо, что спокойно насыщаются. Они ни в чем не виноваты. Да и ничем не помогут. И я напрасно мучаюсь. Размахиваю, размахиваю топориком, но он уже ничего не берет. Лучше бежать домой за цалдой. Дома могу рассказать о случившемся. Но если я только потеряю время? Если к тому времени Быгцымкык задохнется? Однако, другого варианта не было. Спрыгнув с дерева я побежал по тропинке в сторону большой дороги.

Мало-помалу у меня терялись силы, как из дырявого кармана постепенно теряется мелочь.

Вдруг из-за поворота показалась легковушка киношников. А за ним – два автобуса. Когда они проезжали мимо, я успел заметить, что в автобусах сидело много известных мне артистов. Видать, сегодня съемки были очень значимые. Но я уже никак не успевал на них. Мне нужно было добежать до дома, рассказать там все, взять цалду и примчаться обратно к Быгцымкыку.

Мимо меня проезжали машины полные людей. Как много их сегодня! Лошадей я еще не видел. Видно, они едут в сторону скалы, где Акуарчия погиб. Там очень опасное место. Говорят, что один из артистов будет оттуда прыгать в воду. Вроде, он вначале отказался, но потом решил....

И вот слышу я цокот копыт. Мне нравилось, когда лошади встают на дыбы, любил, вцепившись в гриву, держаться на их спинах, когда слышал их запах. Лошади из съемочной группы были резвыми и горячими, даже тогда, когда уставали. Единственное, что мне не нравилось, так это седла. Они не были похожи на абхазские седла, украшенные серебром, усыпанные красивыми бляшками. Да и не совсем они, по-моему, были удобны. Нужно было быть отличным наездником, чтобы удержаться, особенно когда на скаку останавливаешь лошадь.

Я, весь в грязи и крови, оцарапанный и колючкой, решил переждать, когда лошади проедут, боялся, что наездники, увидев меня таким, начнут смеяться. Свернул с дороги и примостился под большой ольхой. Старался даже не дышать. Некоторое время так и просидел. Понемногу успокоился. Безумно хотелось пить. Но до нашего родника ой как было далеко.

Цокот копыт затерялся вдали. Я только хотел покинуть свое убежи-

² Род топора.

ше, как понял, что по дороге движется еще одна лошадь. Тихо раздвинул ветки и выглянул. Как бы быстро ни ехал всадник, я бы его разглядел. Но уже по стуку копыт стало понятно, что он никуда не спешил. Я увидел белую лошадь, а на ней – девочку в синих джинсах. Это была Сольвейг.

Сольвейг – дочь актера. Каждый день она приезжала из города и вместе с отцом отправлялась в горы, где шли съемки фильма. У нее была своя лошадь. Удивительно, что конюх ей не запрещал ездить одной. Надо сказать, что она умело управляла скакуном. Даже нас, сельских детей, пыталась учить, как ездить, как править лошадьми. Нас – тех, кто сызмальства умели это делать. Она-то когда научилась? Наверное, недавно, когда отец ее привез на съемки.

Отпустив ветку и выпрямившись, я вышел к дороге. Мне было все равно, в каком она виде меня увидит. Я не в драке или игре порвал одежду, а когда работал, рубил для коз ветки. Она-то сама наверняка белоручка. . . .

– Что ты там стыдливо прячешься, парень? Доброго тебе дня!

– Да нет, не прячусь. Змею видел, да не успел придавить, в заросли уползла.

Даже не знаю, как быстро успел сочинить я спасительное вранье. Меня поразило то, что она себя вела как взрослая. Хорошо, что про змею сказал. Может, забоится и отстанет. Может, удивится тому, что я без страха в заросли полез. По правде, хотел, чтобы отстала, уж слишком самонадеянная и самоуверенная девчонка.

– Змею говоришь, увидел, парень? Ты в курсе, что она может уку-
сить?

Вот, она уже меня уму-разуму учит, как будто я неуч какой-то. Заткнув за пояс плетку, она спрыгнула с лошади, показывая свою удаль.

– Змея давно уползла. Да и нет у меня времени ее искать. Быгцымкык, мой козел, в зарослях колючкой опутался. Задыхается. Помочь надо, – сказал я и двинулся в путь, делая вид, что не обращаю внимания на то, что она спешила.

– Быгцымкык – это тот, что с длинными рогами? Это с ним недавно мои отец и его друзья фотографировались?

– Да. С ним они фотографировались. Но у него рога не застольные, а свои, родные.

Со злостью я это говорил. Не хотел, чтобы взбалмошная девчонка каким-то образом унизила моего Быгцымкыка. Я тут ей рассказываю, что он в беде, что надо спасти. . . .

– Пошли тогда. Я могу тоже помочь. Вместе вызволим Быгцымкыка, – сказала она подав мне уздечку и плетку. Сама же, вскарабкавшись, уселась на лошадь. Мне не совсем это понравилось, но понял, она от своего не откажется. Отбросив с лица волосы, сверху оглядев меня, она улыбнулась и немного подалась назад.

– Залезай быстрее! Садись! И плеть, и уздечка в твоих руках. По-

кажи, что ты отважен, как Хаджарат! ³ – сказала она и рассыпала, как жемчуг, свой девичий смех. Оторопев, некоторое время я молчал, не зная, что делать и как себя вести. Она, как будто в издевку, разглядывала меня сверху. Показалось, будто я в классе у доски стою и вместо мела плетью пытаюсь писать, а класс хохочет надо мной. Но потом, взяв себя в руки, протянул ей поводья уздечки и сказал не глядя:

– Без цалды нельзя. Надо из дому взять. У этого топорика рукоятка коротка, да и не режет она колючки. Затупилось лезвие.

– Садись, парень, впереди меня. Да поторопись. И цалду возьмем, и Быгцымкыка спасем. А то можем не успеть.

Когда я от Сольвейг услышал про Быгцымкыка, да еще таким жалостливым голосом, будто оковы с меня упали. Вцепившись в седло, подтянулся, но лошадь была высокой, и нога не попала в стремя. Сполз, но миг вскочил. Не обращая на протянутую руку Сольвейг, вновь вскарабкался.

– Вдень ногу в стремя, парень, или подай мне руку, помогу.

– Нет, нет. Я сам!

– Эта не из тех лошадей, к которым ты привычен. Упадешь, нан ⁴, упадешь, как сказали бы женщины вашего села.

– Нечего смеяться над нашими женщинами. Они не глупее тебя, – сказал я, весь покраснев. Вдев ногу в стремя, подтянулся и уселся в седло. В ответ мне она нежно рассмеялась.

– Иа, нан, да убережет его всевышний и в пути, и на дереве, и в бурных водах, да и на спине лошади. Мал он еще, мал. Пошади его за неразумение!.. – расхохоталась она.

– Смеешься над нашими обычаями...

– Не смеюсь, а радуюсь, дурачок ты! Двигай! Как вижу, наездник ты лихой. Да и плетку левой держишь. Видать, твоим арашам ⁵ плетка и не нужна. А этого по крупу немного поддай. Полетит он потом стрелой.

Понимая, что пререкаться с ней себе дороже, промолчал. Натянув поводья, несильно взмахнул плеткой и вскрикнул «чоу!». Лошадь встрепенулась и понеслась, будто крыльями взмахнула. Я аж испугался ее прыти. Если она так скачет, то удержать-то ее как – подумал я. Но нынче не я был хозяин. Отдавшись ситуации, вцепился в гриву. Авось устанет.

Сольвейг долго не подавала голоса. Видно, решила не мешать мне.

– А теперь, может, познакомимся, парень? Как тебя зовут? – спросила она, приблизив вплотную губы к моему уху.

– Даур, – сказал я громко, да так, как будто хотел огреть ее и лошадь своим именем как плеткой.

³ Имя абхазского народного героя.

⁴ Ласковое обращение женщины к младшему.

⁵ Летающий конь из абхазской мифологии.

– Аа, Даурчик?!

– Не Даурчик, а Даур, – сказал я.

– Я буду тебя Даурчиком звать. Так больше нравится. А ты, оказывается, не слабак. Неплохо лошадью управляешь. Вот только я могу слететь. Если обниму за талию, не обидишься, Даурчик? – шепнула она мне в ухо. Медного цвета волосы как солнечные лучи щекотали шею. Только тогда до меня дошло, что я сижу на седле, а она на голом крупе лошади. Ну что мне оставалось в такой ситуации делать? Не мог я на скачущем коне пересесть назад. Тогда точно, как она сказала, слетел бы.

– Держись, Сольвейг, держись покрепче, а то и вправду упадешь – крикнул я ей, своим уверенным голосом стараясь доказать, что на меня можно понадеяться, что я тоже неплохой наездник. Только успел сказать это, как она обняла меня за талию и сцепила руки так, как я сам иногда сцеплял, когда взбирался на дерево и боялся свалиться. Вдруг откуда ни возьмись, силы удвоились. И сердце похрабрело. Захотелось огреть лошаадь, да так чтобы она неслась на крыльях. Но только поднял я плетку, как Сольвейг схватила меня за руку.

– Хорошего коня плетью два раза не ударяют. Не делай этого...

Мне стало неприятно, будто уличили в чем-то непотребном. На самом деле, лошадь и так развила немалую скорость.

– Натяни поводья, Даурчик, а то разнесем ваши ворота! – слова Сольвейг будто разбудили меня. Только тут я заметил, что почти к дому подъехали. Откинувшись назад, потянул поводья. Два крепких яблочка впечатались мне в спину. Боясь дышать, я крепче прижался к груди Сольвейг. Почки на ветках... Нет, нет... Это было нечто другое. Боясь проронить слово, как мог крепче сжал губы.

– Не раздави, Даурчик, не раздави! – теплые, как и ее дыхание, слова Сольвейг согревали душу. Может, я спал, и все, что происходило, было сном? У ворот лошадь потянула уздечку, и я словно очнулся. Выпрямил спину. Не думая ни о чем, спрыгнул с лошади. Но все вокруг казалось иным. Может, в этот момент спросили бы меня, куда я иду, – не смог бы ответить. Не вспомнил бы. Какая-то сила держала меня, как жернова, между двумя потоками воды. Но надо было одновременно и вперед идти, и назад... Надрываясь.

«Быгцымкык, вот для тебя цалду принесли. Сейчас доберусь до тебя. Разрублю все колючки. Ветки обрублю так, чтобы было удобно снизу обгладывать. Да и козы подождут тебя. А ну-ка, положи мне на колени свою голову, а то повыдергаю всю твою бородку клинышком. Видишь, как пух твой прилип к моей одежде. Сольвейг увидит – подкальывать будет. Если бы не она, я бы еще долго в дороге был. Когда я рассказал, что ты под зарослями застрял, она сразу вызвалась помочь. Даже отложила свои дела. Посадила на лошадь, и мы помчались, как ветер, за цалдой. Видел бы ты, Быгцымкык, как несла нас лошадь. Увидевшие нас изда-

ли думали небось, что на белоснежном облаке два ангела по небу летят. Знаешь, Быгцымкык, Сольвейг поверила в мои способности наездника. По дороге сказала, что твои рога тебя очень украшают. Фу, Багцымкык, какой же ты вонючий. Убью, если не отстанешь от той яловой козы. Кстати, вчера вечером дома о тебе говорили. Сказали, что ты не даешь козам спокойно пастись. Сказали, что утихомирить тебя пора. И запах твой выветрится. Но я с бабушкой против встали. Бабушка сказала, что у тебя еще есть время повыпендриваться. Сказала: «Не дам тронуть». Все в ответ промолчали. Даже отец. Слышишь, Быгцымкык, сказали, мол, пусть останется парень парнем. С твоим отвратительным запахом, бородкой клинышком и ветвистыми рогами.

С рогами. Да, с рогами. Просыпайся, Быгцымкык. Просыпайся. Открой глаза. Шутишь, что ли? Быгцымкык, ты ведь жив, ты же не умер? Захочешь – вскочишь же! Мой Быгцымкык, никому я тебя не отдам. Ни нашим соседским мальчикам, ни даже Сольвейг. Возьму за рога и уведу. Подальше от всех в лес, чтобы никто не нашел нас».

Долгое время пребывал я в сумбурном каком-то сне. Вначале бежал босым, спотыкаясь о камни, то падая, то вставая. Затем оказался на берегу озера с зелеными водами. Присмотревшись, заметил на дне озера уйму рыб. Начал просить их подняться наверх, выйти на берег. Убеждал, что никто не посмеет их тронуть. Долго уговаривал, убеждал, что все камни на берегу переверну и вытащу всех червей им на корм. Но они, не веря моим словам, спускались глубже и там резвились. Я злился, что они не верят моим словам и что им там кормом служит только песок. Вдруг появляются непрошенные слезы. Одна из рыбин, видать, пожалев меня, подплыла близко к берегу. Я думал, что вот-вот дотронусь до нее, но она неожиданно перевернулась, показав мне белоснежное брюхо, и уплыла к сородичам. Остальные рыбки, решив повторить ее кульбит, подплыли и, так же перевернувшись, уплыли. Этим они как бы говорили – мы сыты, нам хватает песка на дне озера. Я смотрел во все глаза, пока животы их вдруг не стали расти. И в какой-то миг вместо рыб, появились мои козы. Быгцымкык вышел вперед, поставил ноги на валун и начал разговаривать: мы тут под водой задыхаемся, корма нет, кроме рыб и всяких змей. Голодаем. Козлята, думая, что ты высыпал соль, с утра до вечера облизывают белые камни. Почему ты с нами так поступил? Почему перестал нас свежими листьями и сассапарелью потчевать? Неужели мы никому не нужны? – плакал он в три ручья. Остальные козы, как бы в подтверждение слов Быгцымкыка, начали подбирать камешки и есть. Вслед за ними сам Быгцымкык тоже начал есть камни. Нет, Быгцымкык, нет! – вскричал я и в одежде бросился в воду. Долго я старался его вытянуть из воды. Тянул за рога, но он не поддавался, с яростью облизывал камни. Когда я стал задыхаться, то вынырнул. И в тот же миг проснулся весь в слезах.

Открыв глаза, я заметил, что соседские мальчики и Сольвейг уже закинули Быгцымкыка на лошадь и, глядя на меня, покатываются со смеху.

– Ты из-за этого козла плачешь?

– Из-за вонючего козла?

– За скотину плакать негоже.

– Зачем тебе вонючий козел?

Сольвейг подала уздечку одному из парней и направилась в мою сторону. Рассыпавшие по плечам волосы пальчиками за уши старалась пристроить. Некоторое время она молчала. Я все не мог на нее поднять глаза. Но когда понял, что она не отойдет, поднял голову, глядя на нее жалостливо. Она с трудом выдавила из себя улыбку, но черные как ежевика глаза вдруг увлажнились и выкатившиеся слезы упали мне на руку. Стараясь от других спрятать мокрые глаза, вновь улыбнулась и, приблизив указательный палец к моему носу, сказала: « – Кому нужна соя?! – Мне! – ответил заяц».

Мальчишки расхохотались. Сольвейг повернулась на каблуках, схватила уздечку и пошла по дороге. Боясь задохнуться от смеха ребят, я закрыл глаза руками и опустил голову на колени. Мокрые от слез пальцы прилипали к щекам. Через некоторое время поднял голову и посмотрел вслед удаляющимся фигурам. Сольвейг вела лошадь под уздцы, Быгцымкык лежал поперек лошадиного крупа, как мешок. Мне вдруг показалось, что она, как в наших детских играх, бежит по огромному полю, держа бумажного змея за длинный шнур. Возможно, поэтому соседские мальчики за ней и бежали. Солнце опустилось и соприкоснулось с пригорком. Отсюда казалось, что это не солнце, а ритуальный костер – барбанджия⁶. Вот и Сольвейг добежала до него. Может она уже бросает в него мелкие хвостинки, повторяя слова бабушки «сжигая нечистую силу, поджигая, чтобы духа его не было». Точно, точно. Так она и делает сейчас.

Потом она вернется ко мне, держа воздушного змея за хвост. Мальчишки будут бежать во всю прыть, но за ней не угнаться. Я знаю, что должен с ней перепрыгнуть через костер... Пока не догорел барбанджия...

КРЫЛЬЯ СЧАСТЬЯ

Лежа в своей комнате, она знала, хоть и прошло больше часа, как не выходила во двор, что солнце уже клонится к закату, что облака белоснежной занавесью со свисающей бахромой закрыли собой небо, и что вскоре ветер, как девушка, объявляющая концерт, раздвинет занавес и пойдет, нашептывая о чем-то деревьям. А деревья, завидев его,

⁶ Костер, через который прыгали в ходе народного праздника.

заколеблются в смущении и начнут прихорашиваться, чтобы понравиться небесной девушке-гостье.

– Диана-аа, – из кухни донесся голос матери. – Днем она так никогда не залеживалась... Что сегодня случилось?

– Да пусть спит. Я что, мамалыгу не сварю? – откликнулась Тина, средняя из сестер.

– А если снова с комками получится? Нас же отец убьет потом, – мать отняла лопатку у дочери, подвинула поближе миску с мукой и уселась, поджидая кипения крупы в котле. – Когда отца в отъезде будет, доверим тебе варить, а сейчас – ой, не надо! Попадется ему комочек – сразу вспомнит прозвище, которым тебя наградили.

– «Комковатая»? – с вызовом спросила Тина. Ладно, сейчас смеетесь над моей мамалыгой, подумалось ей, но придет, придет времечко, когда заставлю вас сказать: «Лучше твоей мамалыги, Тина, мы никакой не ели».

– Он уже, кажется, забыл это прозвище, но если вспомнит, как ключка к тебе пристанет, – продолжала подначивать мать.

– Но если дальше пойдем, так не только мою комковатую мамалыгу, но и Дианину недосоленную фасоль припомнить придется...

Тина всегда припоминала минусы Дианы, когда ее начинали подкалывать. «Не то, что я, даже сестра моя, которая стоит на пороге замужества, не все как положено делает», – огрызалась она. Но семья, особенно мать, больше доверяла хозяйственным способностям Дианы. Даже для гостей доверялось ей мамалыгу варить.

– Фасоль всегда можно досолить, – продолжила мать. – Как-то попроще с ней. С мамалыгой сложнее. Она, как девушка на выданье, – сразу все просчеты видны. А если кто-нибудь особо привередливый попадет, то пиши пропало. Скажет: «О такие комки и лошадь споткнется»...

– Гостю с таким ядовитым языком надо вообще только холодную мамалыгу подавать, – сказала Тина, выходя. Она направилась в комнату Дианы. Остановилась у дверей на случай, если та спит. Но Диана через неприкрытую дверь заметила ее и позвала.

Тина молча присела на край кровати. Боялась, если скажет слово, то заревет. Долго обе сестры молчали. Но потом Тина подала голос:

– Мать может что-то почувствовать. Лучше спустись на кухню.

Диана, отбросив волосы с ее лица, поцеловала сестру в щеку. «Ты уже знаешь, как себя вести. Когда замуж будешь выходить, наверняка мать вокруг пальца обведешь», – подумала она.

– Судя по чудному запаху мамалыги, она пока ни о чем не догадывается. Вот только чемодан я в шифоньер поставила и боюсь, как бы дверца не скрипнула, когда буду его вытаскивать.

– Под кровать поставим. А покрывало на кровати пониже опустим.

– Ты права. Не забудь об этом – и тебе когда-нибудь пригодится!

Сестры обнялись и рассмеялись. Потом вместе вытащили чемодан из шифоньера и затолкали под кровать. Потянув вниз покрывало, вышли из комнаты.

Вернулся домой уставший Арсана, погоняя перед собой быков. Он всегда засеивал кукурузой и те земли где раньше жили его предки. Урожай там особенно удавался. Кукурузные початки были как на подбор, да и мука как пудра получалась. А здешняя земля, хоть и не была уставшей, и удобрениями он ее не обделял, урожаем давала более скудный.

– Тина, напои быков и спусти два снопа кукурузы с казармы ⁷, – сказал Арсана по дороге к кухне.

Диана быстро повесила над очагом полный котел воды и подкинула в огонь хворост. Вмиг вода вскипела. Она принесла мыло и полотенце.

– Смотри, если вода слишком горячая, то как ошипанной курице голову отцу ошпаришь. Только волосами и горжусь еще, молодым себе кажусь, – пошутил Арсана.

– Молодой – нет, вчера родился. Твоим волосам слабого ветерка хватит, подует – унесет, как пух, – подала голос со двора Шашкуа.

Арсана никогда не ругался, не скандалил. Правда, жена любила над ним незло подшучивать. Она была лет на десять моложе мужа. Родили и вырастили трех дочерей и сына. Редко кому доводилось увидеть их бранящимися. Но разница в возрасте все-таки бросалась в глаза.

– Постарел – нет, только сейчас жизнь начинается, – сказал он, вытирая полотенцем мокрые волосы.

– Молодой, как же, искры летят, – ответила Шашкуа.

Тина загнала быков в загон. Она думала о сестре. «Если б я задумала что-то подобное, и мать, и отец уже догадались бы. Если Диана скажет, что реки в горы текут, отец и этому поверит!..»

Огрев спины быков ореховым прутом, она вслух заговорила с ними: «Вот вы вспахали землю, люди посеяли кукурузу – и все. Пропалывать вам не надо, собирать тоже. Да и сено с чалой⁸ – не ваша забота. Особенно пропалывать... Диана в этом году сбежала от этой напасти...»

Тина поднялась наверх, на чердак казармы, и скинула оттуда два больших снопа кукурузы и «обертки» початков. «На десерт» сказала она. Быки, наслаждаясь едой, позабыли, что целый день трудились, не зная устали. Забыли даже то, как Арсана иногдаогревал их спины крепкой хворостиной.

«Видите, кто-то другой и не подумал бы вас так ублажать. Так что слушайте. Если вы мне понравитесь, то лучше Дианы буду с вами

⁷ Так абхазы называют длинную хозяйственную постройку во дворе дома.

⁸ Сухие листья и стебли кукурузы.

обращаться. Скажу по секрету, иногда и початками кукурузы вас потчевать буду. Вы же знаете, что девушка из хорошей семьи становится хороша, как вкус спелого винограда. Так что слушайте меня», – сказала Тина вслух. Но потом постыдилась, что так себя расхваливала. Даже посмотрела по сторонам – а вдруг кто услышал?

«Ублажив» так слух быков, Тина направилась в сторону дома. Она не показывала виду, но то, что сегодня вечером ее сестра втихомолку выходит из дома замуж и радовало ее, и печалило. Знала, что отец будет бушевать. Но самое главное то, что она не могла без Дианы долго. Скучала. Она всегда с нетерпением ждала университетские выходные, ждала приезда сестры. С самого утра высматривала ее, поглядывая на дорогу.

...В комнате, в которой спали сестры, стояла тишина. Младшенькая, Марина, и понятия не имела о том, что должно случиться нынче ночью. Старшие, конечно, ничего ей не говорили, чтоб не проболталась невзначай родителям. Тина, хоть и училась пока в десятом классе, но уже считала себя взрослой, разбиралась в сердечных делах не по возрасту. До ушей Дианы, кстати, доходили слухи, что про нее уже с интересом поговаривают ребята.

Марина как только легла в постель, так сразу провалилась в сладостный сон. Весь день она была с отцом в поле, помогала ему и была очень уставшей. Диана с Тиной разговаривали вполголоса.

– Думаю, завтра отец устроит вселенский скандал. Ты только постарайся не попасться ему под горячую руку.

– Да что он сделает? Пошумит – и успокоится, – сказала Тина, но на душе было тревожно. Знала, что отец будет долго ругаться, упрекать, что она утаила бегство сестры. Остается только ссылаться, что очень глубоко спала, ничего не слышала...

– Вообще-то можно было бы сказать, но ты же знаешь его, как может подкинуться. Решила, что втихомолку лучше, – Диана, откинув одеяло, села на кровать. – Я-то втихомолку решила замуж выходить, но ты, когда придет твое время, уважь их, расскажи им. Не огорчай родителей.

– Прекрасно знаю, что он скажет, когда все откроется, – улыбнулась Тина, усаживаясь рядом.

– Ну-ка, ну-ка, скажи. Может, это то, о чем я тоже думаю? «Куда поскакала, к кому привязалась козочка белая моя?» – скажет он.

Диана, упав лицом в подушку, засмеялась приглушенным смехом. Однажды, когда она еще училась в школе, любимая ее белая козочка не вернулась домой. Сколько она по этому поводу слез пролила! Отец наутро пошел в лес искать козу и нашел. Та висела, зацепившись рогами за ветку каштанового дерева. К счастью, была жива. После этого они с козой были не разлей вода, а отец обеих одним именем стал называть: как-то пришел за Дианой в школу и на вопрос «кого ищите» ответил: «Белую козочку». С тех пор подруги начали Диану так поддразнивать.

Однажды, когда довели до белого каления, пообещала отхлестать их крапивой. Они в ответ хохотали, одна пошутила: «Нас только мальчишечьи взгляды обжигают»...

– Прямо вижу, как отец злится. Точно скажет, что теперь никакие воды мира тебя не отмоют...

– Да ладно. Все-таки он отец. Не то, что ему, матери не сказала. Если ему рассказать, а от матери утаить – обиделась бы. И наоборот... Словом, чтоб голова не закружилась, я, не глядя на реку, перешла мост...

– С матерью-то я справлюсь. Только надо успеть пораньше ее «в угол загнать», чтобы отец не слышал.

– Ты себя-то не подставляй. Не рискуй. Сама знаешь, рука у матери бывает иногда тяжелее, чем у отца.

– Ничего страшного. Детство запомнит...

«Можно подумать – уже большая. Пока еще вкус слез тебе не должен быть чужд... Когда проскочишь это время, то и не приструнить тебя будет».

– Знаю, что и мать скажет, – начала Тина, как будто она слова и матери, и отца уже выучила, как заданное в школе стихотворение.

– Тсс, разбудишь Марину. То, что скажет мать, не то что ты, и я не знаю. Она переменчива, как март-месяц.

– Март тоже иногда бывает хорош, да так, что с апрелем спутаешь...

– Самонадеянная ты моя, – Диана встала и легла рядом с Тиной, обняв руками горячее тело сестры. – Боюсь, что в той комнате родителей разбужу, а то пощекотала бы тебя до смерти. Думаешь, забыла, как ты щекоток боишься. Особенно здесь, – она потянула руки к подмышкам Тины.

– Не так, не так, – Тина придержала руки Дианы. Затем приблизив губы к уху Дианы, начала вполголоса ей шептать:

– Вот здесь вот, – провела пальцами по ладони, – рыжая лисичка подкрадывалась к петушку с алым гребешком. Петушок заметил ее, взлетел и опустился на это место, – пальцами провела по локтю. – Но хитрющая лиса тут как тут. Петушок опять взмахнул крыльями и прыгнул вот сюда... – и пощекотала подмышку Дианы.

– Тут ты меня перехитрила, – улыбнулась Диана, а потом потянула за плечики лифчик Тины, – хоть на ночь расстегнула бы. Им тоже отдых не помешает...

– Потерпят! – сказала Тина и, засмутившись, укрылась с головой.

«И все ты знаешь... Замуж иду, когда тебе особое внимание нужно. Так рано нельзя было твою узду отпускать, но уже ничего не поделаешь...»

– За полночь перевалило, – вытащила голову из-под одеяла Тина, – если кто уже пришел, наверняка ходят вокруг дома.

– Пусть ходят. У нас везде чисто. Нечему стыдиться. Моя ты комковатая, – Диана крепко обняла сестру.

Долго пролежали они так. Вдруг Тина заметила, что ее щеки повлажнели. Ничего не сказав, крепче обняла сестру. «Это к счастью», – подумала она. И вспомнила, как этой зимой, когда она шла из школы, встретила с Тамелом (он был из тех, кто на нее особо нежно поглядывал). Тамел был на таком же белоснежном коне, что и снег вокруг. Подъезжая к ней, он натянул уздечку и спрыгнул с лошади. «Зима пришла с хлебом-солью. Не попробовать вкуса снега негоже!» – «Кто против? Только небольшими кусочками, чтобы не подавиться случаем», – отвечала Тина.

Долго длилась их снежная баталия. Уже когда у нее не оставалось сил, он подбежал и закинул ей большой ком снега за пазуху. «Напоследок», – сказал он.

– Отлично. И мы гостя просто так, без «напоследок», не отпускаем, – сказала Тина и, нагнувшись, собрала большой кусок снега, утрамбовала его и кинула тогда, когда Тамел уже взобрался на лошадь. Шапка у него слетела. Пришлось спешиваться.

– Летящей птице, может, и не выколем глаз, но стрелять все-таки умеем! – сказала Тина. Хохоча, подняла портфель и побежала в сторону дома.

– Еще, – сказала Диана, выпуская сестру из объятий, – пусть дружки, да и жених немного подождут, подышат свежим воздухом, а то получится, как будто на улице меня подобрала, – вытянулась, глядя в потолок.

Тина засмеялась в голос. Хотела сказать «поберегла бы его», но пока сама Диана не заговорит о женихе, не хотела разговор затевать. Однако не сдержалась:

– С зятем так нельзя поступать. Он из тех, кого мы должны холить и лелеять... Помнишь слова нашей бабушки, «зять как пасхальное яичко, вынешь из-за пазухи – разобьется».

– Комковатая, – сказала Диана, прислонившись к сестре, – ты языкастая, не только пасхальные яйца разобьешь. Если не попадетя тебе такой, как камень, парень, то конец ему. Пропадет.

– Да ну тебя! – сказала, покраснев, Тина. Укрывшись с головой, залезла под одеяло и поцеловала сестру в грудь.

Диане захотелось в эту последнюю ночь в отчем доме вновь вспомнить первую встречу с Дамеем. Тогда она ехала из Сухума. По пути, недалеко от въезда в село, с автобусом произошла поломка. Шел проливной дождь. Вдобавок гремел гром и молния сверкала. От этого места до дома было далеко, но ждать, когда смогут исправить автобус, смысла не имело. И она пошла пешком. По пути ее догнал незнакомый парень. Похоже, из соседнего села. И, как и она, рассчитывал на попутку. Пиджак он накинул на голову, но это не очень спасало от дождя.

Некоторое время обе шли молча. Вдруг раздался сильный гром.

– Да убережет нас Бог, – сказал он. И, когда Диана не дала ответа, продолжил: – Когда гром и молния, кроме граба все опасно.

По пути им не раз попались грабовые деревья, но так как Диана была насквозь мокрой, смысла стоять под ним она не видела.

– Как будто из ведра льет, – сказала Диана, откидывая мокрые волосы с лица и ускоряя шаги. В небе раздавались раскаты грома. Вода смывала все на своем пути, даже камешки с собой забирала.

– Может, подождем, – не глядя на нее, но чтобы она услышала предложил Дамей. – Может, все-таки под грабом переждем, – повторил он, решив, что она не услышала его слов.

Она и вправду шла так, как будто ничего не слышала. «Ну, да! С чужаком под деревом прятаться. Больше ничего не надо?!» – улыбнулась она про себя. Но при этом захотелось взглянуться в лицо попутчика.

– Когда я был маленьким, больше любил, чтобы дождь меня хлестал, чем мать. От дождя не больно. Сколько бы ни хлестал...

– Да, да. От дождя точно не больно...

...Во дворе залаяли собаки. Видать, почуяли чужаков. Но Диане не хотелось бежать им навстречу. Ей так хотелось еще немного побыть в родном доме. Считала себя предательницей.

«Пусть пока все будет по-моему. И отчий дом положено уважить. Не бежать же мне им навстречу, как будто собаки меня погнажи», – подумала она.

– Комковатая, я еще одну игру знаю, – вытащив руки из-под одеяла, сказала Диана. – Давай сыграем три раза в отгадку.

– Если в первый раз я проиграю, то назову имя моего, во второй раз – откуда он родом скажу, ну, а если и в третий раз проиграю – имя его отца. Но для такой игры ты еще ранняя пташка... Хотя не мешает и это знать, как книги по внеклассному чтению.

– Вот, в правой... – Тина указала на правую руку Дианы.

– Попала, – Диана, приблизив губы к лицу Тины, прошептала, – Дамей.

Красную пуговку, что в правой руке держала, Диана переложила в левую и, вытянув руку, посмотрела на сестру.

– А теперь в какой?

– Теперь, – минуту промолчала Тина, – видать, на этой стороне наш новоиспеченный зять живет, – указала она на левую руку.

– И тут ты отгадала, проказница, – Диана опять повернулась и пошептала сестре на ухо. – Джгярда!

Красная пуговка опять переселилась в правую руку Дианы.

– Ну, а сейчас?

– Имя свекра, это святое... В правой руке, – сказала Тина.

– Я невестка. Мне негоже свекра имя называть, – Диана мягко провела по волосам Тины рукой и встала.

«По-моему, созрела. Сколько бы ни тянула, решилась. Счастье как поезд. Не успеешь вовремя – уйдет».

Собаки лаяли. Дружки жениха приближалась все ближе и ближе, как будто хотели захватить неприступную крепость. Вокруг стояла такая тишина, что и шепот выстрелом казался. Диана оделась, взяла чемодан. Некоторое время рассматривала сестру.

– Я через окно выйду. Ты не смей вставать. Увидят, скажут – родная сестра ее нам на блюдечке вынесла... Стыдно. Завтра сама знаешь, что сказать. Объяснишь, что спала как убитая, как муравей в меду. Не поверят, сон какой-нибудь придумай... – Диане трудно было скрывать слезы.

– Не беспокойся... облапошу всех, – молвила Тина, не в силах удерживать слез.

ПРОКЛЯТАЯ НОЧЬ

Ветер теребил туман в горах – белый, как длинные седые волосы старой женщины. Тучи на небе, которые туда и сюда гонял ветер, казались воюющей армией. Редкие крупные капли дождя тут же с жадностью впитывал асфальт...

– Успокойся уже, – Шаризан оторвала голову от подушки, откинула волосы назад и дотронулась до Асиды рукой. – Изнемогла от плача.

Асиде, которой казалось, что Шаризан спит, стало не по себе. Но когда поняла, что разоблачена, решила: «Теперь-то нечего скрывать, хоть выплачусь», натянула на себя одеяло и разрыдалась в голос.

– Не реви, – сказала опять Шаризан. Но когда увидела, что Асида не успокоится, встала, накинула халат и присела на краешек ее кровати. Вначале она решила оставить ее в покое. Выплачется, успокоится – подумала она, но та так рыдала, что сердце не выдержало, и начала опять успокаивать.

– Если все слезы сейчас выплачешь, то свекра нечем будет оплакивать, – попробовала Шаризан перевести разговор в шутовую плоскость. Если бы ей удалось рассмешить Асиду, та бы перестала плакать.

– Подумай, тогда скажут, невестка бессердечная, слез жалеет...

Шаризан встала и откинула оконные занавески. Прислонившись к стенке начала разглядывать Асиду. «Моя ты девочка, моя ты бабочка, сон от меня отогнала. Если не перестанешь плакать, пойду во двор гибкий ореховый прут искать. Отхлещу от души, чтоб «аман» сказала», – думала она.

Асида все никак не успокаивалась. Голоса своего она уже не могла скрыть. Рыдала всюю. И чувствовалось, что плакала она давно.

– Хозяйка дома проснется, решит, что мы радио включили! Скажет, что мы электричество тратим. В долговую яму ты нас загонишь!

Шаризан отошла от стены и присела на край кровати. «Ты еще не знаешь, что надо петь песню того, в чьей лодке плывешь... Хотя когда море, где та лодка плавает, принадлежит тебе, кто тебя упрекнет – чью песню ты поешь?»

– Хоть скажи мне, в чем причина такого потопа. Ты уже девушка на выданье, смех можешь рассыпать, но слезы – нет. У слез цена непомерна...

Шаризан откинула с нее одеяло, но Асида силой вернула его на место. Теперь она молчала и смотрела в сторону.

– Заплачу за один твой взгляд. Соглашайся, пока не передумала. Для тебя лучше будет, а то потом откажусь...

«Я за себя столько не боюсь, сколько за тебя, родная. Мать твоя мне тебя доверила. “Доверяю тебе ее. Глупа пока. Проследи за ней”, – сказала она тогда. Так и уехала. Как в детской игре – позади меня кинула “платок”, а сама удрала».

– Я должна знать причину твоих слез, – Шаризан опять стянула одеяло. – У меня, как у посланника царя есть все права. Ничего не должно пролететь мимо моего слуха!..

– Даже сны мои должна знать? – Асида глянула на Шаризан.

– Плохие сны должна знать. Хорошие себе оставь!

– Так не получится... – Асида повернулась лицом к стене. – Хоть время дай. В другой раз...

– О-о, тогда проценты пойдут. Не только о снах должна будешь поведать, но все секреты выложить. Будешь в неоплатном долгу...

– Я долгов не боюсь, – сказала Асида, вставая с постели. Выключив свет, закрыла одну занавеску на окне и, вернувшись, присела на кровать...

Шум моря усилился, несмотря на то, что ветра почти не было. Огромные волны слизывали с берега камни и тащили на дно, как будто несли рыбам в подарок. Волна за волной требовали свою долю.

«Это для тебя, а то для нее...» – камушки отдавались волнам молча.

«Спасибо за подарки, берег», – кричали в голос волны, совершая свой бесконечный бег.

Стоило только утихомириться морю-силачу, откуда ни возьмись появлялся ветер.

– Асида, – глухо обратился к ней стоящий рядом парень, – сама хорошо подумай о разнице села и города. Тем более в то время, когда молодежь оставляет село, иметь в городе дом дорогого стоит. Я не хочу этим хвастаться, но... Ты умна, понимаешь, что это не мелочь.

Асиду как будто что-то мутное заволокло. Она пока не хотела думать о том, что он ей говорил. Считала, что слишком рано. Да и потом... Для нее был важным он сам, а не его дом...

«Золото и серебро, золото и серебро, – подумала она. – Для меня село еще золото. Об этом не стоит и говорить. Здесь не то важно. Просто пока ты чужой».

– Не будем торопиться, – сказала она, разглядывая морскую даль.

Отар рассмеялся в душе. Он не любил, когда девушки нежничали. Поэтому, чтобы не заморачиваться, старался серьезные слова в шутку переводить.

– О романтике позже поговорим. Отдельно, – он взял ее руки в свои и, нежно заглядывая в глаза, привлек к себе. «И покрасивее тебя отдавались быстрее, – подумал он, – только ты, как кукурузный початок, который трудно вылущить!»

У Асиды на миг помутилось сознание. Она начала замечать за ним качества, о которых ранее не подозревала. Выпитое вечером вино открывало его суть потихоньку, как открываются камни после того, как спала в речке вода. При прошлых встречах он был серьезен, уважителен. Что словами, что действиями не вызывал никаких нареканий, только веру в себя вызывал. Неужели можно было так измениться... Неужели это тот человек, которого она прежде знала и немножко успела полюбить? Как же сложно, оказывается, смотреть на того, кто перед тобой стоит, и думать, он или не он. Наверное, трудно людей бывает узнавать, как и ласточек. Ласточек, целый год живших с тобой под одной крышей, на следующий год никак не узнаешь. Слепнут и глаза, и сердце...

– Асида, – Отар отпустил ее руки, поняв, что торопится. Для таких случаев у него в запасе было еще много красивых слов. После долгого общения с девушками на языке лжи и лицемерия они понемногу проникались к нему доверием. Бывали, конечно, случаи, что дело срывалось... как говорится, и на старуху бывает проруха... Но даже тогда он за словом в карман не лез.

– Море и горы просили меня, ветер ластился предо мной, однако всем им я отказал. Нет на свете никого прекраснее нее, ни на какие золото и жемчуга не променяю я ее, сказал!

– Да перестань уже! Романтика иногда слишком приторной бывает! Надоедает!

«Вот так и бывает. Когда я пела тебе песни волн, слушать не хотел. Теперь знай, что долг платежом красен. Я из рода тех, кто это понимает!..»

Отар засмеялся. Он и улыбкой своей мог управлять, как хотел. Она всегда у него была наготове. Готовая улыбка для девушек. Они это уважают. Тем, кто скуп на красивую улыбку и щедрые слова, дают от ворот поворот.

«Но иногда и она бывает хороша. Но сейчас это лишнее. Это как бы просить в дождь еще дождя. Я сейчас другого хочу...»

– Я готов, – Отар встал на колени прямо на камнях, омытых волнами моря. Подняв кверху руки, глядя ей в глаза, продекламировал:

– С вынутым клинком дамасской стали иду я на бурю, не давая ей достичь тебя!

Асида глядела на него с удивлением. Не знала, обидеться на него или нет. От смеха и удивления покраснелось лицо. Даже захотелось подать руку и поднять, но что-то не дало. Остановилась.

– Не смей так... Ты из золотого рода. Не по фамилии, а по нутру. Если я в это уверовала, то не отступлюсь. Не дай мне в этом сомневаться...

Когда Асида вспоминала детство и понимала, что его нельзя уже вернуть, на душе появлялось смутение, как будто потеряла ненаглядную сестру. Бывало так, что выкарабкиваться из такого состояния не всегда легко удавалось. Бывало, захватывали воспоминания как горный поток.

– Костным мозгом горной серны меня ты не корми. Мне сейчас пища бедняка важна. Она мое детство сопровождала, потому и потянуло...

Отар медленно встал и взял Асиду за руку. Повернул ее лицом к морю:

– Если она на дне моря, вытащу, – поднял лицо к небу, – если на небе, то собью, – опустил лицо вниз, – если под землей, где бы ни было, для тебя найду.

– В твоем характере одно мне не нравится, – сказал Асида и некоторое время молчала, боясь его обидеть, но потом все же продолжила: – Слов, как и денег, не жалеешь, и они обесцениваются. А мне надо, чтобы они так легко не доставались. Хочу знать им цену...

– Для тебя и птичье молоко готов достать. Нужно будет, перейду семь рек и семь гор покорю, открою семь сундуков...

«Опять ты за свое... Не царское твое поведение. Скорее, торгашеское. Купеческое. Купля-продажа, продажа-купля!».

– Я о другом прошу, – сказала она и пошла по берегу, собирая мелкие камешки и бросая их в море. В этот миг девушка была настолько красива, что он позабыл обо всем на свете, только бы удалась сегодняшняя ночь так, как ему хочется...

– Я хочу загадки загадывать. Они неожиданно пришли ко мне, как почетные гости, которых надо потчевать хлебом-солью. Скорее всего, они из моего детства...

Асида вдруг вспомнила, как когда-то давно она с сестрой, братом и матерью напротив их дома, на косогоре, сажали табак. И когда она устала и решила присесть, мать ей сказала: «Не думай, что я в работе тебя больше пожалею, чем остальных. Тут мы все равны и работать должны одинаково. И за столом мамальжные порции тоже буду накладывать со-

размерно вашему труду. Смотри, как бы тебе меньше не досталось!»

Но был еще другой путь – подбить детей на состязание, кто лучше загадки отгадает. И тогда победительно доставалось право на отдых.

– Начинайте. Кто выиграет, сможет отдыхать, пока мы свои ряды не закончим.

Брат и сестра очень старались, но Асида опередила их. Они возмущались, говорили, что таких загадок и в помине нет.

– Ты сама придумала. Нет таких загадок!

– Надо было слушать бабушку повнимательнее. Когда она их загадывала, ты глухой была?!

– Тогда она, как лисичка, о жареной курочке думала...

– Поклонись...

– Клянусь, клянусь...

Мать-то знала, что Асида остальным фору даст в этом деле. Потому, когда увидела, что та и вправду притомилась очень, затеяла между ними соревнование. Знала, что если она ей просто разрешит присесть, остальные будут возмущаться: «Чем заслужила?», «Как бы ладошки мозолями не заросли, отращенные ногти поломаться могут?!».

Асида себя насилу вытащила из этих воспоминаний и глянула на Отара.

– Первым ты загадай загадку, тебе больше подходит! – Асида чуть не сказала «твоему торгашескому нутру», но вовремя сдержалась. Отар не знал загадок. Хотел придумать, но ничего в голову не шло. Решил ей уступить:

– Раз ты предложила, сама и начинай, – Отар перевел дух. Он и впрямь выторговал для себя время, чтобы выкрутиться. Было уже довольно-таки поздно, но, к счастью, она никуда не торопилась. Это не было победой, но обнадеживало, что все пойдет по тому пути, по которому ему желалось. Отар надеялся, что в этом ему поможет выпитый ею в баре коньяк. Раньше все девушки, которых он мало-помалу спаивал, из недоступных превращались в ручных. «Ты сам знаешь, как лучше. Как ты желаешь, Отар», – вторили они друг дружке. Коньяк всегда был ему опорой в желаниях, ускорял ход событий.

– Если ты так желаешь, не буду перечить, ваше высочество... Но главное ответ, а не сама загадка. Тут чины не играют роли. Кто сумел, тот на коне. Ну, а кто отстал, может и в грязь свалиться... Ну, что это – «царский двор снегом засыпало»?

– Право ответа тоже тебе предоставляю, милая, – Отар опять взял руки Асиды в свои и приобнял.

– О-о, загадку загадала, загадку загадала, в золотой кубышке соскребла, – сказала она, отталкивая Отара. Вырвавшись из его рук, быстрым шагом направилась к дороге. Сердце подсказывало, что уже пора

домой. Голова прояснялась, как родник после дождя. Как она раньше об этом не подумала. Как не подумала...

«Ни одна девчонка не виляла так хвостом передо мной. Не стоило так со мной... Особенно в последнее время много усилий приложено, чтобы все пошло не по-твоему, а по-моему. Родители не учили меня делать добро и бросать в реку. Не учили...»

– Асида, не бросай меня на берегу моря, как древесные ветки после бури. Любовь такое не понимает. Я для тебя ни в чем не жалел себя, да и не буду впредь. Пойми меня, милая. Если ты захочешь, то поймешь...

Асида остановилась, поджидая Отара. Его красивые слова уже не действовали магически. Все, что бы он ни сказал, казалось ей скользким, лживым.

– Любовь, – сказал Асида, не глядя на него, – она как мед, как медовые соты. Если не проследить хорошенько, это может оказаться «дурным» медом, опасным.

Отар понимал, если она успеет выйти к дороге, то ее уже не остановить. Здесь же, если даже отойдет от выпитого, шум моря не даст ей до конца прийти в себя.

– Если оставишь и уйдешь, брошусь в море. Так и знай! – Отар решил во что бы то ни стало разжалобить ее сердце. Может, прочитанные ею романы о любви сослужат ему дружбу? В этих романах доверие на первом месте...

– Перетерплю как-нибудь, – Асиде хотелось побольнее уколоть его. – Если пережила всех, кого море унесло, то и тебя пережить смогу...

Отар уже не хотел ничего слышать и слушать. Единственное, что он понимал, это то, что надо остановить Асиду.

«Не торопись надо мной издеваться. Ничем не хуже тебя была предыдущая девчонка. Рассказал ей, что деньги для меня – листья на дереве, что машины меняю как туфли, что в моем доме хватит комнат для всей ее родни. Как она мне могла отказать? Даже Богу бы не по душе это стало. Спустя время поняла, что это все сном было. Но красивый сон тоже чего-то стоит ведь...»

– Спокойной ночи, – сказала Асида. Потом, подумав, добавила: – Девушки – как карты. Не всегда везет. Так бывает.

Рассмеялась громко и побежала. Но не успела уйти далеко, как Отар ее догнал и преградил дорогу.

– Если ты меня любишь, если я тебе нужен, считаешь меня человеком... человеком... – опять привлек к себе силой. Что бы она ни сделала, он не согласен был ее отпустить.

– О-о, любовь... Я «дурного» меда боюсь, – Асида пыталась высвободиться из цепких рук. И тут словно искры посыпались из глаз, сознание померкло. Даже моря не было слышно. Оно молчало, как будто ушло вглубь земли.

... Спустя время сквозь далекую песню начал возвращаться гул морского прибоя. Он почему-то был злым. Казалось, волны вот-вот достигнут места, где она лежала, и унесут ее с собой. Асида пыталась кричать, но море так грозно шумело, что сама своего голоса не слышала. Вдруг, как лучи сквозь пелену, открылось ее сознание. Она увидела силуэт торопливо уходившего человека.

– Ты нечисть! Шакал! – голос ее вернулся вмиг. Захотела встать, но земля ходила ходуном, не давая ей двигаться.

– Не угадала! – голос Отара еле был слышен. – Шакал бросается на все, что видит. Я разборчив...

Асида еле встала и, не разбирая дороги, пошла куда глаза глядят. Ей было все равно, куда она идет. Единственное – не хотела возвращаться домой. Только когда морская волна захлестнула ее, она открыла глаза.

В детстве, когда бабушка была еще жива и вся семья собиралась вместе, рассказывая разные истории, она, бывало, засыпала. И чтобы ее не разбудить, бабушка опускала ноги Асиды в тазик с теплой водой и омывала их. Если вдруг просыпалась, то замечала, как бабушка беззубо улыбается ей. Ножки ее бабушка укутывала пушистым полотенцем, затем держала в подмышках чтобы согреть. «Ноги тебя будут славить, если перед сном мыть их. Скажут – не напрасно мы ее целый день туда-сюда носили. Я больше не буду тебе в этом помогать», – шептала ей бабушка. Асида начинала хохотать. Бабушка, приложив указательный палец к губам, шептала: «Клянусь моим единственным зубом, что не буду больше мыть тебе ноги». Бабушка напрасно это говорила. Асида знала, что вечером обязательно опять соберется семья и обязательно она, не выдержав долгого сиденья, заснет и что именно бабушка будет, тихонько напевая, мыть ее ножки. Асида сквозь сон слышала ее голос.

Асиде вспомнилось все это, когда под ногами почувствовала вдруг морскую воду. И воспоминания вмиг улетели куда-то, как большой мыльный пузырь.

«Может, в море утонуть?..» – подумала Асида. Никогда она не была столь безразлична к жизни и смерти. Для нее не значили ничего ни шумевшее рядом море, ни горы в том краю, где был отчий дом, ни люди, жившие вокруг своей жизнью. В какой-то миг ей показалось, что на всем целом свете она одна и кроме нее нет ни одной живой души, как будто все ушли пока она спала от отчаяния, а ее никто не уведомил об этом.

«Смерть? Нет, нет. И так наша жизнь подобна стаканам на застолье, которые уже подняты после тостов и выпиты до дна. Божество смерти Апсцваха время от времени их опустошает. Так зачем его торопить? Оставим это дело на его усмотрение... Ведь и оно, и я знаем, что случается с теми, кто торопится...»

Асида отошла от кромки моря и легла на береговой гравий. Слушавшееся ей все еще казалось кошмарным сном. Хотя сознание явно от-

лично явь ото сна. Слышала шум моря, понимала, что она здесь одна. Насильно открыла глаза и начала говорить вслух:

– Что бы ни сделала, что бы ни сказала, не нашла я тех, кто в загадках разбирается. Может, мать заставляла нас учить их в те минуты, когда ей просто скучно бывало. Как жаль, как жаль...

Медленно встав, Асида пошла в направлении покрытой асфальтом набережной. Шла медленно. Шум моря все еще окутывал ее всю. Никак не хотел отстать. Он то, как песня, проносился по берегу, то шептал что-то высоченным деревьям в сквере, то волнам что-то такое говорил, что они после этого дрались врукопашную насмерть. Кстати, песня исходила от тех волн, которые оказывались в этой борьбе победителями.

– Да подожди, ты, – обратилась к морю Асида. – Не ты единственный певец в этом мире. Но не всегда же петь. Может, загадку мне загадаешь? А то, боюсь, забуду, что можно думать...

Но море не хотело утомиться. Шумело и шумело. Некоторое время нехотя слушала его Асида. Почти как в детстве, когда мать заставляла ее есть и она нехотя глотала протянутые ей кусочки. Потом вдруг будто резко пошла по дороге. Глаза были закрыты. Ноги сами ее несли туда, куда надо было. Через некоторое время она насилу открыла глаза. Все еще была на берегу. Все еще слышала шум неумолчного моря.

– Можешь даже из берегов своих выйти, – бросила она морю, повернулась и вошла в темень прибрежного парка. Там под вековыми деревьями трава была мягкая, манящая. Хоть и всем сердцем желала растянуться тут на траве, Асида не остановилась. Ускоряя шаги, пошла в сторону освещенной десятками лампочек дороге, которая вела в гору. Изредка проезжали машины. Некоторые пролетали как пули. Из некоторых ее окликали: «Зимний цветочек, куда тебе?», «Если меня ищешь, то я здесь!», «Подари мне нынешнюю ночь!», «Неужели мне такой цветок достанется!» – кому было не лень, все что-то ей говорили. Она никому не отвечала. Один, все притормаживая рядом с ней машину, «хоть слово мне скажи» просил не умолкая. «Безмозглость ногам покоя не дает. Знай об этом!» – огрызнулась она и повернулась в проулок, по которому раньше никогда не ходила. Там машин не было. Она понимала, что и тот ведет в гору. Ей казалось, что там тихо и спокойно. Только когда начала подниматься в гору, поняла, что смертельно устала. Но ни шум моря, ни прибрежный ветер сюда не доходили.

«Слава Богу, есть место, вам неподвластное. Здесь у горы есть свой голос. Сегодня ночью я только этот голос хочу слышать...»

Асида все убыстряла шаги. Хотелось забыть навсегда произошедшее с ней. Боясь вернуться мыслями к тому, что было, начала думать о горе, к которой она так стремилась. Спустия некоторое время повернулась к узкой тропинке, также ведущей наверх. Утомившись, остановилась.

«Отец мой не был ни заядлым охотником, ни пастухом, но горы он знал, как нас – родных детей». Асида прислушалась, везде было тихо. Вдруг ей показалось, что кто-то должен выйти из темноты. Ее охватило беспокойство, но потом, успокоившись, прислонилась к стволу дерева.

«Он знал, когда снег покрывал их вершины, когда он таял. Знал, когда большой снег гнал в низины диких кабанов. Знал, как будто получал от них письмо – «приходи, мы здесь, можешь стрелять, нам некуда деться». Он даже знал, когда дождь должен был пойти. Заблаговременно. Суставы начинали ныть и звенело в ушах».

Передохнув, Асида пошла дальше. Вдруг рядом замелькала чья-то тень. На мгновение ее охватил испуг, но потом мысли об отце придали ей силы. Ей показалось, что он рядом и не даст в обиду. Но нелегко, когда в лесу, в темень, думаешь о мертвом и рядом оказывается да еще незнакомец...

«Хоть воспоминанием вдоволь насладиться бы, но и этого не дано...» Тень молча приближалась. Асида, нагнувшись, схватила увесистый камень.

– Ты, наверно, с пути сбилась, – спросил молчавший до сих пор мужчина, медленно приближаясь. Было видно, что он боялся ее испугать. – Может, запуталась? Мы исправим. В этих местах мы за порядком следим пуше, чем женщина за огородом следит, – сказал он, показывая на свою милицейскую фуражку красного цвета.

Пальцы расслабились и камень выпал из рук. Обратившись к нему, произнесла:

– В огороде опасна скотина, а не люди, – повернулась и пошла торопливым шагом. Она уже знала, что эта тропинка не приведет ее в гору, но хотела немного по ней пройтись.

– Потом на себя пеняй, – сказал вдогонку крупным басом незнакомец. – Эта гора подобна пню, напичканному трутнями. Как стемнеет, все сюда прутся. У одних в сердце зло, у других добро... Какие тут только не попадают... Не за всеми угонишься... – мужчина чиркнул спичкой, дыма сигаретой повернулся назад, что-то бурча себе под нос.

Асида решив, что он уже ушел, спустилась к той дороге, по которой шла изначально.

«Не только честь этой горы, да ждет тебя только хорошее, добрый ты человек, но я свою честь не смогли сберечь» – подумала Асида. Спустя некоторое время она наткнулась на лежащее поперек дороги дерево. Как будто оно здесь упало специально для того, чтобы оно отдохнула. Асида поудобнее уселась, подперла руками голову и вернулась к мыслям об отце.

«Отец мой, да пребудет твоя душа в раю, ты нас оберегал, боялся, что поскользнемся ненароком в ненужном месте. Не упустил из виду. Да и мы, твои дети, боялись сделать что-то, что тебе не понравится. Бо-

ялись. Да пребудет с остальными только хорошее, но я... Я душу твою вывернула. Ты был строг. И мы это как должное воспринимали. Но когда тебя не стало...»

Асида смахнула слезу. Она уже знала, что на гору ей не подняться.

«Отец, ты не должен был так рано нас оставить. Ушел так неожиданно. Видит Бог, за тобой не осталось отцовского долга. Никто тебя в этом не упрекнет. Когда ты был жив, все было иначе. Не потому, что одевал нас, обувал. Это и мать в ущерб себе делает. Но должна сказать, что ты ушел в мир иной со спокойной душой. С чистой совестью. Главное, позор тебя не застал. Не успел... Много на мне вины. Я должна была знать, что когда гром гремит и молния сверкает, надо под граб бежать, прятаться. Но я об этом совершенно не подумала. В голову не пришло... Не догадалась, что некоторые укутываются от совести в три одеяла, как будто боятся простудиться... Я всем доверяла...»

Асида подняла голову и прошлась взглядом по небу. Тучи, как барашки, гурьбой спешили на запад. Ветер гонялся за ними, то покусывая их за хвосты, то зарываясь в самую их середину. Но потом они вдруг проливались на землю – и ветер, как щенок, которого закидали палками, поджав хвост, бежал подвывая. Крупные капли дождя били по крышам, как по барабану – «заслужил, заслужил...».

«Отец, помню, как-то я тебе сказала, что хочу постричься. “Хочешь – и шею отруби вместе с волосами”, – сказал ты тогда. С тех пор такая мысль больше у меня не возникала. Отец, ты хотел, чтобы мы были счастливы, достойны счастья. Дай Бог счастья остальным... Но... Счастье для меня обманчивым оказалась... Не угадала, кому надо верить, а кому нет... Он говорил одно, а думал другое, отец, думал другое... Этот город похож на улей. Здесь другие нравы, другие правила. Не сразу можешь понять, привыкнуть. Оказывается, здесь каждый шаг нужно было отмерять. А я, глупая, думала, что здесь, как в селе, можно поступать. Там тоже был один (Асиде казалось, что отец сидит рядом, и, побоявшись, что он услышит, словно понизила голос), но однажды, когда он меня обидел, я его прогнала. “Вы, девочки, – сказал он, – похожи на нежные побеги сассапареля, все вас любят, всем в руки дается, потому и опасны!” – “И вы, мальчики, не под семью замками спрятаны. Любая улыбка проходящей мимо девицы способна ваши двери открыть!”

Помню, как ты мне однажды сказал, отец: “Ты слишком красива. Вырастешь, не будешь слушаться, как теленка привяжу!” Отец, отец, дурная я, тогда на тебя обижалась. Если ты был бы жив, наверняка не случилось бы того, что со мной стряслось».

«Виину, виину» – от моря в горы поднимался подвывающий ветер.

– Пришел все-таки? – спросила Асида, как будто чужой человек ей явился. – У того, у кого ветер не гуляет в голове, счастье невероятное. – Асида встала и начала торопливо спускаться в город.

По дороге ей вспомнилась старушка, которую ее отец безгранично уважал и названной сестрой называл. Она давно жила в этом городе. После того, как сын ее в войну погиб, ходила тенью. По прошествии долгого времени боль притупилась. Сейчас она могла и поговорить, если к ней придешь.

Когда Асида, открыв ворота, вступила во двор, навстречу с лаем выбежала маленькая собачонка. «Не чужая я, можешь и не лаять», – сказала Асида, поглаживая ее по голове. Пока она стояла на месте, собака не лаяла, но стоило ей сделать хоть шаг, начинала опять заливаться лаем. Асида встала на цыпочки и постучалась в окно спальни Нуцы. Неугомонная собачка все лаяла на нее. «Ты сейчас лаешь не потому, что обижена, хочешь перед Нуцой пофорсить. Не думай, что не понимаю ничего. Когда злы, хвостиком не виляют. Хвост тебя выдает, хвост!»

Нуца долго шла к дверям. В последние ночи сон ее был чуток, но сегодня как будто куда-то провалилась. Вначале она не разглядела Асиду, свет внутри комнаты был тускл.

– Кто ты, нан? – спросила она. Потом, поняв, что перед ней девушка, настежь открыла дверь и перешагнула порог.

– Оставайся внутри, ди⁹, моя родная, – Асида обняла Нуцу. Только тогда она поняла – что сил ни на что нет, что она смертельно устала. Голова вновь закружилась, вокруг все помутнело.

– Асида, нан, это тебя я не признала, да обойду я вокруг тебя! – сказала старушка, обвивая гостью теплыми руками. – Все хорошо, нан, как дома, как дети?

Асида слышала все, хотела ей ответить, но сил на это не было. Схватила за край двери. Еле из себя выдавила: «Воды».

– Вот к чему со вчерашнего дня глаз дергался... – Нуца поторопилась в комнату. Вынесла стакан воды и поднесла Асиде. Часть заставила отпить, остальную вылила на руки и провела мокрой рукой по лицу девушки. Завела ее в комнату и уложила на кровать. Некоторое время Асида лежала, не двигаясь, потом начала дрожать как осиновый лист. зуб на зуб не попадал. Лицо побелело. Нуца намочила платок и приложила ко лбу девушки. Асида с трудом приподняла веки. Потом еле прошептала: «Почитай от сглаза заговор, ди».

– Что за заговор, да обойду я вокруг тебя, да перейдут на меня все твои беды?! – старушка не знала, что делать.

– От укуса змеи, заговор... – попросила она.

В какой-то момент Асида вроде бы в сон провалилась, но затем резко открыла глаза. Вернулась дрожь. Все тело покрылось крупными каплями пота. «Море, море, задыхаюсь!» – слезы лились градом. Ее на-

⁹Ласковое обращение к старшей женщине.

крывал шум, нет, не шум, вой моря, готовый поглотить ее.

– Попей, нан, горячего молочка, полегчает, – Нуца поднесла стакан к губам Асиды, заставляя сделать несколько глотков.

Море, море, море, ветер...

Асида разговаривала во сне. Она говорила, что отец ее жив, что он не умер, что он скоро заявится, что она после учебы поедет жить в село, потому что отец так хочет.

– Что стряслось, моя девочка, что с тобой случилось, да чтоб мне ослепнуть? – Нуца не знала, что делать, как помочь. Потом пошла в другую комнату и принесла оттуда чесночную настойку. Намочила ей лоб. Затем попарила ей ноги и, укутав теплым одеялом, уложила в постель. Некоторое время Асида лежала, не шевелясь. Потом резко села на кровати, стянув с себя одеяло.

– Светает? – спросила с трудом, открывая веки. – Хотела посмотреть, как светает... Как утро наступает... – с трудом договорив последние слова, вновь повалилась на постель.

– Приятного сна тебе, маленькая моя девочка, да убережет тебя Бог, – прошептала Нуца, приглушая свет в лампе. Сама легла напротив девушки, не раздеваясь. Ночь на улице была беспокойна...

Перевел с абхазского Виталий Шария

ВОЗВРАЩЕННОЕ НЕБО

Повесть

Как велось уже многие годы, Лиуан встал в пять утра, выпил стакан воды с мёдом, неторопливо оделся и вышел во двор. Ещё с крыльца он видел своё отражение в зеркале старого шкафа, выставленного под навес за ненадобностью, и каждый раз удивлялся: почему его так тянет взглянуть на себя? Что он хочет увидеть в своём облике, да и что за интерес у мужчины к зеркалу, если в данный момент в нём нет необходимости? Может, опасается признаков старения, постыдной немощи, которую приносят годы? Хотя, присмотреться, – даже морщины у него не от возраста, а от солнца и напряжения

в труде, вот только волосы изрядно поседел. Желание к деятельности в нём до сих пор необычайное, он постоянно в работе и крепок не в пример другим. А может, что-то другое он пытается разглядеть в себе? Может, не так устроил свою жизнь?

Да что там – младшая дочь замужем за хорошим человеком, старшая с семьёй в далёкой столице, хорошо зарабатывают, по двое внуков у него от дочерей, есть сын, младшенький, возраст трудный, ну и что, со временем изменится, – все, вроде бы, как у людей. Но грустно ему почему-то, нет в нём радости существования, какая, вероятно, должна быть в душе хоть сколько-нибудь счастливого человека. А годы его такие, что дальше пойдут болезни, а там, гляди, и конец всему, как бы ты ни крепился. Всю жизнь работал, как говорится, не поднимая головы, даже не мечтал ни о чём таком особенном. Все так живут, не он один. Вот разве с женой нет прежних отношений. В какой-то момент он почувствовал, что не будь её рядом, он переживёт это без напряжения и какого-либо неудобства. Оказывается, за все годы не возникло в нём дружеской привязанности, не образовалось даже привычки к ней. В заботе о детях она все меньше тянулась к нему, а он все чаще замечал её не расчёсанные должным образом волосы и халат с выцветшими розами. Она винила его в том, что из холёной городской девушки сделал обыкновенную домохозяйку с округлыми формами, а он не мог простить ей, что она так быстро поддалась всему бабьему, что сократило чувственную сторону его мужской жизни. Ссорились они редко, но каждый раз давали друг другу почувствовать всю горечь не вполне сложившихся отношений.

Эти мысли теперь занимали его часто, как будто неотвратимо наступило их время и, как ни уклоняйся, придётся с ними повозиться. Но шкаф решил завтра же отвезти на свалку, чтобы беспредметные размышления не мешали приготавливаться к работе. Заметил, как много душевных сил и внимания требуют они, а у него на собственной ферме сорок восемь голов скота.

В воздухе неподвижно висел мглистый туман, он неприятно щекотал кончики усов, двухдневную щетину на лице и тягучей влажной смесью проникал внутрь. Растерев по старой борцовской привычке лицо и уши для бодрости, Лиуан пошёл открывать ворота, чтобы выгнать машину. Но, открыв левую сторону, он увидел красного петуха с прибитыми к створке крыльями. Голова с массивным гребнем безжизненно упала на грудь, из сломанного клюва криво торчал застывший язык, возле левого глаза отметина засохшей крови, а ноги, которыми он властно вышагивал по двору, обречённо болтались. Вид так бесцеремонно и, что огорчительнее всего, издевательски убитой птицы подавил его. Этот петух был в некотором роде символом достатка, уверенности и силы его дома, а теперь он распят на воротах. Должно быть, в назидание хозяину за что-то. Но за что?

Расшатав не в меру большие проржавевшие гвозди, Лиуан снял петуха и прикрыл ворота. Он направился под навес, теряя силы с каждым шагом, опрокинул ящик с остатками яблок и сел к шкафу, потревожив его изношенные соединения. Протяжно скрипя, дверца с зеркалом открылась, и в ней покачнулся профиль Лиуана. Правой рукой он держал на коленях петуха, левой с безотчётной силой сдавливал два гвоздя, окрасившие его шершавую ладонь ржавчиной. Повёл головой в сторону и, застыв в немоте, долго разглядывал в зеркале своё лицо. Отражение казалось чужим. Нос с горбинкой, скорее, великоват и не так симпатичен, как утверждала когда-то жена, усталый взгляд лишён и смысла, и чувств, белки глаз, точно присыпанные жёлтым пеплом, наверняка сулят здоровью какое-нибудь расстройство. Усы же при внимательном рассмотрении просто смешны, и для чего он носит их вот уже сорок лет, неизвестно. А ещё он завёл привычку не бриться по два-три дня – нехорошо это.

Первым, кто был объявлен виновником происшествия и кому мысленно адресовались угрозы, оказался, конечно же, лесничий. Давнишний спор между ними из-за лугов в предлесье обострился как раз в последние дни. Все законные документы на аренду земель у Лиуана были, но лесничий, считавший луга своими, не мог примириться с новым распределением администрации села. Он желал владеть землями по-прежнему, но от арендной платы отказывался. Его утверждение, что земли эти и лес в придачу – пусть и в стародавние времена – но принадлежали его роду, в расчёт никто не хотел принимать.

Стало быть, лесничий? Вряд ли, даже, скорее, нет. Он не смог бы на такое решиться, не убоявшись Лиуана, – нет у него должной для этого силы

духа. Кляузничать, душу из всех выматывать жалобами – да, но поступок совершить – негоден совершенно.

Но вот те двое, что вчера торговали у него бычков, готовы, он уверен, решительно на всё. Цену сбивали немилосердно, торг походил на издевательство, они хотели чуть ли не даром выманить у него скот, да отпор получили полный. Сгоряча были вполне заслуженно названы неприятными для них словами и отправлены куда подальше. Были и с их стороны оскорбления, даже угрозы, одним словом, покупатели вели себя крайне вызывающе. Да и не покупатели они вовсе, одно им название – вымогатели, теперь их много развелось, тех, кто на чужом труде хочет нажиться. А теперь, стало быть, они предупреждают, мол, будь поговорчивее, а не то... Неужели они?

Подбежал дворовый пёс, годовалый волкодав, и стал обнюхивать убитую птицу. Что ж ты, Пират, проглядел преступников, даже не залаял ночью ни разу? И какой ты «пират» после этого? Для чего, ответь, хозяин отпускает тебя бегать по двору, когда сам спит, – ради твоего баловства? Что ж, пошли привязываться, глупыш. Молод ты ещё – что с тебя взять? Они направились в огород, где под орешником находилась его будка. Вот, сиди теперь на привязи, сейчас хозяйка еды принесёт. Скорее бы ты подрос, что ли, а то содержи тебя, брат, без всякой пользы.

Собаку двухмесячным щенком подарил сыну на день рождения друг Тимошка.

И – снова мысли о сыне. Как ни уклоняйся, они будут возникать вновь и вновь. Как это произошло, он и сейчас не смог бы отчётливо объяснить. Погорячился он, это верно. Возможно, виноват. Но ведь сколько раз говорил ему, что не потерпит от него, единственного сына, всякой там безалаберности в учёбе, да и во всем житейском поведении – надо помнить, чей ты сын, и вести себя подобающе. В их роду не было людей легкомысленных, все в порядке: честные и трудовые люди. Видать, с жениной стороны примешалась подпорченная кровь, трави её – теперь не вытравишь. Ну, не желаешь ты возиться, как отец, со скотиной, палки даже во дворе не поднимаешь, пользы от тебя никакой, – так учись хотя бы прилежно, сдавай, что полагается, к сроку в своём университете и приобретай профессию для достойной жизни. Так нет же: интерес к иностранным автомобилям, страсть к безвкусной музыке, увеселения всякие – вот его жизнь, хотя парень смыслённый и мог бы многого добиться. А друзья какие? Что здесь, в селе, что там, в городе – одни бездельники. Все только и ждут подачек от родителей, сами же не хотят сделать хоть что-нибудь полезное старшим и не стремятся ни к чему путному.

Сын его, конечно, не совсем такой. Но себе, что называется, на уме. Да, запускает учёбу, по ходу семестра отстаёт, но почти все экзамены в итоге сдаёт отлично. Говорит, я умный, схватываю все на лету, мне скучно идти наравне со всеми. Отсюда пропуски и жалобы преподавателей, грозящие

ему отчислением. Ему, видите ли, скучно. Наглость какая. Ни один преподаватель не смирится с тем, что его занятия игнорирует какой-то юнец. Да и кто у нас любит умных? Нет никакой дисциплины у сына и почтения к старшим тоже никакого. А отца родного держит за древнего ящера, ничего не понимающего в современной жизни. Да, именно так и высказался он как-то, но отец этого юмора понимать не хотел. Сколько раз Лиуан пытался померить заносчивость сына и сколько ссор по этому поводу возникало в семье. В его доме будет тот порядок, который установил он, глава семейства. Видано ли такое: сын критикует отца да ещё потешается над ним. Нашёл ровню. Вот и высказался насчёт всего этого и высказался так, что указал в горячке на дверь родному сыну. «Пока я жив, – кричал он, – можешь не заходить сюда!». А тот взял и, словно ждал этого, спокойно ушёл. Ничего, вернётся, не далее как через три дня прибежит, говорил Лиуан поднявшей панику матери, с пустыми карманами далеко не уйдёшь. А зарабатывать сам – ох, как не скоро он ещё сможет.

Но сына не было уже второй месяц.

...Только вернувшись во двор, он заметил, что в пристройке для гостей светится окно. Почему там горит свет? Может, заходила жена по делу и забыла выключить? Столь незначительное упущение в другой раз осталось бы незамеченным, но сейчас его насторожило. Он медленно, с нарастающей тревогой поднялся по четырём ступенькам низкого крыльца, бесшумно прошёл сени и открыл дверь комнаты, в которой горел свет. На кровати, укрытый простыней, неподвижно сидел сын.

– Мурат... сынок, – произнёс Лиуан. В его интонации не было ни вопроса, ни удивления, он как бы со скрытой радостью утверждал: вот, мол, ты предо мной сидишь и ты есть сын мой. Он хотел ещё прибавить: «Хорошо, что вернулся. У нас с тобой много дел, не правда ли? Все это твоё, я работаю ради тебя одного, моего единственного сына, знай это, мне же ничего не нужно», – но почему-то не решился.

Сын молчал. Воспалённые его глаза отдавали жаром. Он смотрел отцу прямо в лицо, испытующе, со страхом и вызовом одновременно. Лиуан не выдержал этого откровенного взгляда – нельзя так смотреть на старших – и отвернулся, осмотрел комнату без надобности, выключил свет и опустил на ближний стул.

– Что случилось, сынок? – спросил он. «А ведь что-то случилось, – решил сразу. Он смотрел на его худые плечи. – Тут он не в меня, – подумал, – я-то в его годы был крепышом, каких мало, вот что значит поздний ребёнок. – Вгляделся в родинку на правой ключице, в точности как у него. – Кровинушка моя, – произнёс про себя, – как много любви я тебе не додал. – Он хотел подсесть к сыну, обнять его, но это так не шло к прежним их отношениям, что от мысли этой он отказался, да и взгляд сына, неотступно стремящийся глубоко заглянуть ему в зрачки, не позволял этого сделать. Что-то пугающее сейчас было в этой неуместной его смелости перед от-

цом. – Так, – подумал отец, – может смотреть человек, которому все равно, что с ним случится в следующую минуту».

Сын отвернулся, его невидящий взгляд устремился куда-то далеко поверх деревьев, и стало видно, как идущий в окно утренний свет тускло отражается в проступившей на его глазах влаге.

– Папа, а погиб, – сказал он. Лицо его исказило горькое выражение, с которым, однако, он не без труда совладал.

– Что ты, сынок, такое говоришь? Пока я жив... – Лиуан вспомнил свои же слова месяц назад и прервал фразу. – Ничего не бойся, сынок. Все преодолеем. – Теперь ему стало ясно, какие тучи сгустились над головой петуха, и кто стал причиной его гибели. Ну, это не страшно, подумал он, мальчишеские шалости, за что-то его проучили приятели. Наверное, из-за девчонки. От этой мысли ему стало легче.

– Это только слова. А мне очень плохо, папа. Я заблудился в этой жизни.

– Ну что ты, сынок? Какие громкие слова. Какая такая жизнь в семнадцать лет? В таком возрасте нельзя ни потеряться, ни заблудиться. А надо только до поры слушаться старших. Нас, кто знает жизнь. Поступать так, как мы велим. И ничего плохого с тобой не произойдёт. Я ведь тоже был таким, как ты. Такой же характер... непослушный. Я ведь тоже бывал отцу своему в тягость по причине всяких разногласий. Да, да. Не понимал я его, а он меня. Но со временем все наладилось.

– В моем случае ничего не наладится... Само собой не наладится. Нужны деньги, папа... И много.

Лиуан встал и подошёл к окну: за ним уже рассеялся туман, в саду повсюду шумели птицы, обещался ясный тёплый день. Хорошенькие дела, подумал он. Но сын вернулся, и это уже успокаивает. Он ведь тогда рассчитывал, что возвратится через два-три дня, но просчитался. Где его носило все это время, как жил, на что? У своей сестры в городе он не появлялся, если ей верить. В общежитии не показывался, но на занятия ходил добросовестно – он узнавал. Хотя, надо думать, и мать, и сестра с ним как-то общались, но Лиуана держали в неведении: или из боязни, или из желания заставить его пожалеть о своих словах. Негодницы. Напомнили, как он уже раз выгонял сына, тогда ещё ребёнка, из-за пропавшей коровы. Но какие неприятности он успел нажить за столь короткий период?

Лиуан оставался у окна, спиной к сыну, так, подумал он, ему легче будет рассказать о своих злоключениях. Опытный ум теперь связал воедино и убийство петуха, и вчерашних посетителей по поводу бычков, и сына, и себя. И отчётливо увидел: след последних событий тянется из того вечера, когда он выставил сына из дома.

Он выслушал и воспринял сводящий скулы короткий рассказ сына как жестокое унижение. И кто всё подстроил? Сын районного начальника милиции с друзьями. Мурату предложили подзаработать, надо было отвезти

кое-какой ценный товар одному человеку, причём деньги за услуги дали наперёд. Соответствующие службы – как знали – сына взяли с поличным, товар изъяли. Предложили откупиться, пока не дали ход делу – деньги-то у отца имеются. Вот к чему всё подводили. Предъявленная сумма почти соответствовала стоимости всего имеющегося у него хозяйства. Даже это высчитали. Наверняка расчёт такой: дело тянет на тюрьму, а в таких случаях торг, разумеется, не уместен, надо спасать восемнадцатилетнего сына.

Он не спросил сына ни о деньгах – конечно же, мелочь какую-нибудь сунули, ни о товаре – по всей вероятности, нечто криминальное. Он видел, что сын больше не скажет ни слова, да и сказать ничего не сможет – тот сидел, едва подавляя слёзы. Лиуан произнёс:

– Хорошо, что ты вернулся, сынок. – Затем подошёл к кровати. – Доверься мне и постарайся поспать. Глаза – посмотри в зеркало, какие они у тебя красные. Наверное, не спишь уже которую ночь. – Он легонько постучал сына по плечу и, как бы, между прочим, коснулся родинки на ключице...

И, крутя руль, он всю дорогу до фермы с нежностью ощущал под подушечками пальцев шероховатую поверхность родовой отметины сына.

Трое его работников, постоянно проживающих на ферме, встретили хозяина у ворот. Доложили: ночью, часов около двух, неподалёку остановились две машины, люди в них шумели, светили фарами, громко включали музыку. Похоже, выпивали. Да и ладно, подумали работники, всякие в эту сторону заезжают отдохнуть, посидеть с друзьями на природе, а то и с девушками повеселиться, вон лес, красивая излучина реки – тянет сюда людей. Но пора больно неподходящая, да и холодно вато ночью в поле у реки, осень ведь наступает. Насторожились, какое-то время присматривали за ними, выходили к ограде показаться, мол, мы не дремлем, если они с каким неблагоприятным умыслом заявили. Но, слыша, что направление разговоров не менялось и, по всей видимости, не ожидалось никакой пьяной агрессии со стороны пришельцев, работники спокойно ушли в свой домик. Ну а где-то часу в четвёртом услышали два выстрела кряду, стреляли из ружья. Тут же, без малейшего промедления, они выскочили из помещения с оружием и рванули к ограде. Увидели только, как белая «Нива» отъезжает от фермы – надо же, как незаметно подобрались. А вторая, должно быть, уехала раньше. Стрелять вдогонку они не стали, а надо было. Сначала думали: пьяные люди пальнули вверх для удовольствия или, скорее, от сумасбродства. И только потом заметили, что кавказская овчарка, то есть Султан, хромой ковыляет к вольеру. Молчит, терпит боль и ковыляет из последних сил. Переднюю лапу перешибло, да, кажется, и шею задело. Вон там он лежит. Хотели осмотреть и перевязать, но он дал знать, что больно ему, жалобно зарычал – не трогайте, мол, меня сейчас. Они и не стали. Думали, подождут ветеринара – он ведь должен приехать с утра делать

вакцинацию телятам? Они хотели позвонить ему, Лиуану, сразу, но их телефоны, как нарочно, со вчерашнего вечера показывают «нет сети».

Он выслушал работников спокойно, не проронив ни единого слова, и только на лице его скупо отразилось течение тревожных мыслей. Так же молча пошёл осматривать Султана. И в самом деле, прострелена правая лапа и шея кровоточит. Который год Султан находится у Лиуана на службе, но только сейчас он заглянул ему в глаза, и его удивила застывшая в них по-человечески трогательная грусть. Взгляд будто говорил ему: «Вот ведь как случается, хозяин, всему приходит когда-нибудь конец. Ты особо не жаловал меня, а я хотел стать твоим любимцем. Но служил я тебе верно, как велело моё собачье достоинство».

Лиуан поручил одному из работников срочно отправляться за ветеринаром. А то он собирается к ним на ферму только после обеда, кажется, с утра хочет в городской больнице навестить родственника. Ничего, если родственник останется до вечера без его внимания. Живёт ветеринар в соседнем селе, дожили – на все их село ни одного ветеринара, был один, да умер полгода назад. Вот на кого нужно было выучиваться сыну, специальность полезная, был бы востребован, а значит, имел бы приличный доход. А то что за профессия – социальный работник? Разве это дело для мужчины? Его та девчонка-одноклассница сбила с толку, куда она, туда и он. Остановиться в собственном продвижении, чтобы ещё пять лет просидеть с ней за одним столом. А теперь вроде рассорились...

Но разве об этом сейчас нужно думать? Он отвлекает себя неуместными в такую минуту рассуждениями, а надо бы по делу. Посыпался весь порядок действий, составленный им по дороге. Что происходит вокруг него? Как посмели? Враз перевернули его жизнь. Даже не сообразить, с чего начать день. Ещё несколько минут назад всё было ясно. Стало быть, так: первым делом надо поехать к Исмелу, отцу этого негодяя. Объяснить ему, кто они и что они – вся их семейка! Уверить, что не посмотрит на его высокое положение. И, если не остановит опрометчивую затею своего отпрыска с друзьями – может быть задуманную в связке с его подопечными, – то до скончания века род их будет о том жалеть. Они ещё не знают Лиуана в гневе.

А сегодня, как нарочно, набралось много дел и надо отдать необходимые распоряжения, если его не будет на ферме. Но мысли не складывались, решил зайти в кабинет и всё изложить доходчиво на бумаге, по пунктам, кому что делать. Привезут ветеринара – дело своё он знает: вакцинировать всех телят и взрослое поголовье, что осталось непривитым в прошлый раз, ребята знают, укажут. Придут рабочие доделывать силосную башню – за ними проследить, а то, как получают деньги, делают все наперекосяк. И ещё: чтобы не выпивали здесь. За комбикорма уплачено, принять и засыпать – куда, они знают. Электрикам доходчиво объяснить, как развести проводку в коровнике, пусть возьмут вчерашние его наброски и делают по ним. При-

везут гравий – должно быть четыре машины – подсыпать сначала подъезд к подстанции, а оставшееся – в продолжение дороги к башне. Это все неотложные дела с утра. В остальном – как обычно. Кажется, пока всё. А к обеду он и сам вернётся.

Ехать в город, прямо к Исмелу на работу, хотя живут они в одном селе. Лиуан выезжает всегда рано, в пять утра ни к кому не завалишься с разбирательствами. Вечером оба задерживаются допоздна, а тот, бывает, в городе остаётся, квартир у них там без счёта. Учились они когда-то в одной школе, но дружбы не заводили, что-то отталкивало друг от друга: то ли стремление обоих к лидерству, то ли безотчётное отвращение к поступкам и манерам другого, что, впрочем, могло следовать из первой причины. Исмел всегда был окружён соседскими, а впоследствии институтскими ребятами, казалось, он никогда не ходил один. Такого уважали и даже боялись, хотя растущая чемпионская слава Лиуана избавляла его с этим считаться. А потом жизнь у каждого пошла своей чередой, встречались они только на различных сельских мероприятиях, уважительно обменивались рукопожатиями, но так и не сблизились.

По пути в город его душили воспоминания, следовавшие одно за другим так плотно и стремительно, что Лиуан даже почувствовал лёгкую одышку. Какой-то нерв болезненно дрожал в этих картинах, вызывая беспокойство, а отдельные фрагменты, связанные с юностью, спортом, сельчанами, семьёй, фермой, – осыпались в нём отравленным осадком. Везде в них, непонятно почему, маячил образ Исмела. Агрессия, которая ещё час назад влекла наказать виновных, неожиданно сменилась физической слабостью, ему вдруг захотелось, чтобы все закончилось по возможности мирно. И когда он подъехал к зданию районной милиции, то не сразу пошёл к проходной, а просидел в машине несколько продолжительных минут, безуспешно пытаясь выстроить мысли в надлежащем порядке. Ведь если спокойно не разобрать и не осмыслить ситуацию, она может вызвать такую муть нежелательных последствий, что одной бравадой из них не выберешься. Насколько можно верить рассказу сына, он не знал. И сейчас жалел, что, поддавшись сентиментальному минутному чувству, дотошно не расспросил его о деньгах, о товаре, да и вообще обо всем детально.

И ещё он заметил, что ищет слова и подбирает тон для разговора с важным начальником в его кабинете, хотя этот самый начальник проживает на соседней от него улице. Эта вынужденная и непривычная для него церемонность начинала раздражать, он усмотрел в ней изначальную уступку и посчитал проявлением слабости. И когда Лиуан взглянул на дежурного лейтенанта, с улыбкой отдававшего ему честь, то выражение его глаз настолько смутило молодого человека, что радость узнавания сменилась сухим приветствием:

– Добрый день, Лиуан. Подождите минутку, я доложу, что вы пришли.
Этот смуглый парень был откуда-то ему знаком. Ах да, ну как же: это

зять его соседей, Заур, два месяца назад играли свадьбу. Надо же, оказывается, лейтенант, в форме сразу не признал. А на прошлой неделе они узким кругом сидели у его тестя запросто, ближе познакомились, понемногу выпивали. Приятный, должно быть, человек, весь тот вечер смущённо и молчаливо улыбался. Но откуда он знает, что Лиуан пришёл именно к Исмелу? В здании, кроме начальника, есть разные отделы, куда он мог прийти по делам? Неужели все знают о случившемся и догадываются, по какой причине он сюда явился?

Высокий начальник разговаривал по телефону. Он не встал, а только переложил трубку из правой руки в левую и протянул пухлую ладонь через стол, приглашая присесть. Но Лиуан не сел, дрожь нетерпения распространялась по телу и в продолжение телефонного разговора он ходил по кабинету, водил невидящими глазами по стенам, увешанным дипломами, вымпелами, фотографиями... А когда общение хозяина кабинета с его абонентом по поводу проведённого вчера питейного мероприятия затянулось (хотя в его оправдание можно было сказать, что и он тяготился неуместным звонком), перевёл взгляд на Исмела. Лиуан думал: как может человек с такими непомерно большими животом и ляжками, круглой лоснящейся физиономией и узко посаженными мышинными глазами пребывать на такой ответственной должности? Внешность уважающего себя человека должна и располагать к уважению. А этот торчащий кадык под маленькой головой и вовсе какая-то аномалия, его не скрывает даже непомерный слой шейного жира. Кто таких выбирает, кто назначает? Ладно бы человек был добропорядочный. Так нет же...

– Зачем пришёл спозаранку? – наконец-таки обратился к посетителю Исмел. Сам, однако, взялся просматривать бумаги, подписывать, перекладывать. – С утра я всегда занят, много работы. На посторонние разговоры времени нет. У меня ведь не коровы, я с людьми имею дело. – И хозяин кабинета скривил в ухмылке рот.

Створки двойных дверей оказались закрытыми не до конца, и в приёмной без напряжения можно было слышать голоса из кабинета начальника. Секретарь и молодой офицер Заур, обмениваясь необязательными репликами, делали вид, что их совсем не интересует происходящее в соседнем помещении. Они отчётливо слышали, как Лиуан отозвался на не очень вежливое с ним обращение: разве это работа, чем они здесь занимаются, они обязаны порядок поддерживать, а не создавать беспорядки. Как его сын, например. Тут, вероятно, их руководитель поднял голову – пусть сосед следит за речью, а не то он живо... Привык, понимаешь, там у себя со скотом иметь дело. А Лиуан в ответ: а то, что он сделает? Ему лучше по-доброму признаться, для чего они подставили Мурага. Ферму хотели забрать?! Мало им своих доходов?! Вся порода у них такая, – о них все известно. Ей-богу, денег не пожалеет: заплатит какому-нибудь журналисту, а то и писателю, чтобы книгу написал про то, как его предки скот воровали.

В селе об этом помнят, а теперь будет знать вся республика. Ах, вот оно что, возмутился главный районный милиционер. Да, бывало, что предки угоняли скот – не отрицает, но из соседних областей, даже и откуда по-дальше, имели такое мужество. Своим-то что за убыток? А Лиуан стоит на своём: у кого бы ни крали – дело воровское, и наследники идут по тому же пути. Что?! Не хватало такое произносить в этих стенах! Исмел и его семья никаким местом к проблемам его Мурата непричастны. Пусть выметается из кабинета, грязный скотовод, впору побеспокоиться, как бы самому не сесть в тюрьму вместе с сыном, которого он, однако, почему-то прогнал от себя – вот тот и полез в блудни. Отец называется. . .

Последняя фраза оказалась уничтожающей. Лиуан с самого начала понял, что повёл разговор неправильно, не нашлось в нем должной учтивости и обходительности в интересах дела, но тяжесть последних слов и во-все лишила его равновесия. Какой смысл оставаться в этом кабинете, если на ум, кроме пустых угроз, ничего не шло? Стараясь придать словам значимость и указать на затаённую в них опасность, он нашёл лишь сказать:

– Очень тебе советую, Исмел, разберись со своим сыном, не то я таких бед натворю – пострадают все. Ты меня знаешь.

Выходя, он ни на кого не взглянул, ни с кем не попрощался, хотя люди в приёмной вскочили и настороженно вытянулись. Лиуан угрожающе хлопал всеми дверьми по пути, опомнился только в своей машине.

Надо ехать к Латифу, он имеет влияние на ход многих криминальных дел в районе, авторитет в известном смысле. Расспросить его, что и как, он должен знать всё по таким делам, это его основное занятие, можно сказать, на хлеб этим зарабатывает. Вот только бы застать дома, а то вечно его носит по свету. Хотя недавно он попал в аварию: слетел вместе с водителем в реку, пострадал незначительно, значит, должен зализывать раны дома. Ну вот, так и знал: у ворот полно машин. Возле Латифа всегда много всякой шушеры околачивается.

Непривычная для бывшего сельского жителя процедура пропуска в его дом: уже у ворот за тобой наблюдает камера, сейчас доложат, а уж потом только пригласят, если ты вообще здесь желанный гость. К удивлению, церемония не затянулась, дверь щёлкнула, открылась, даже сам хозяин показался. Идёт через двор, согнувшись, на лице неподдельные страдальческие гримасы от боли. Вот что значит, человек из прошлого благословенного времени, подумал Лиуан, когда молодые почитали старших, – бандит и вор, а приличия разумеет.

Подходя, Латиф приговаривал:

– Смотрю на экран и глазам не верю! Неужели сам великий чемпион пожаловал?! Кумир детства. Рад, очень рад! Порог этого дома редко переступают такие достойные люди. Очень значимые люди бывают, это да. Но разве это люди – мусор один. А я считаю так: жизнь по-разному можно прожить, но всегда надо быть справедливым и милосердным. –

Бережно взял гостя под руку, увлекая за дом, в беседку, подальше от чужих глаз и ушей. – Разве эти уроды дадут толком поговорить.

Латиф невысокий, худощавый, жилистый, говорят, в последнее время стал заботиться о своём здоровье. Ну, конечно, имеются деньги, теперь есть, ради чего беречься. Да, и раны тюремных лет надо залечить, а потом и забыть о них. Говорит о спортивном прошлом Лиуана, ведь они были совсем пацанами, когда он блистал на ковре. И до чего ж красиво он боролся, да, да, делал это так эстетично, стиль Лиуана особенно ему запомнился. Он был настоящий аристократ на ковре. Латиф и тогда не был дураком, он ведь замечал всякие тонкости – это было настоящее искусство, ну кто с Лиуаном мог в этом сравниться? После него такое мастерство никто не показывал на ковре. Но почему он так рано бросил спорт, дальше не пошёл? Ведь он, кажется, никому не проиграл. Даже у чемпиона страны дважды выигрывал на различных турнирах.

Лиуан рассеянно разглядывал заднюю часть дома. Небольшой павильон из резного дерева, где они и присели. В четырёх его проёмах бело-снежные узорчатые занавеси, схваченные на концах широкими шёлковыми лентами. Посередине большой овальный стол – фрукты, сладости, напитки. Вокруг зелёная лужайка с дорожками, присыпанными толчёным красным кирпичом, с низкими, крашенными в белый цвет бордюрами. Здесь вальяжно гуляли декоративные птицы: павлины, фазаны, цесарки, куропатки. «Эти, – указал Латиф на павлинов, – очень уж крикливые, надо бы избавиться от них к чёртовой матери! – И засмеялся. – В суп их!»

Вдаль уходила широкая аллея, настоящий тоннель в зелени – кованые решётки, увитые плющом, внутри несколько скамеек, – да, видать, Латиф оценил свободу и полюбил красивую жизнь.

Латиф же знает, отца Лиуан потерял рано, пришлось всё бросить и начать работать. У него три сестры на выданье были, а кормилец он один, мать часто болела. Да, да, Латиф понимает, эх, тогда бы ему теперешние его возможности, Лиуан бы ни в чем не знал недостатка, он помог бы ему дойти до самой вершины в спорте. Он ведь теперь много помогает спортсменам, Лиуан знает, наверное? Да, он слышал, спасибо ему, но его сейчас, извини, беспокоит другое. Латиф прикурил тонкую тёмную сигарету, да, да, проблема Лиуана ему известна. Однако всего он, конечно, не расскажет, и Лиуан знает, по какой причине. Он не хочет ссориться с Исмелом, каким бы тот ни был. Все же человек он значимый и с этим надо мириться. У Латифа своё, если так можно выразиться, хозяйство, и благополучие его во многом зависит от Исмела. Вернее, от его невмешательства в дела Латифа. Но он ценит честных людей, и ему, Лиуану, кое-что откроет, с условием, что всё должно остаться между ними.

Такие вещицы, на которых погорел его сын, они подкидывают лохам и на том делают немалые деньги. В основном, это ювелирные изделия, предметы искусства, разные поделки довольно высокого качества и стоимости

немалой. Латиф своими глазами видел первый немецкий автомат с соответствующим серийным номером, картину из коллекции фюрера, ещё – резную фигуру египетской красавицы. Все эти предметы из какого-то хранилища, а может, и музея. И неизвестно, как они оказались в соседней республике во время военных действий на её территории. Вероятно, обменяли на кого-то. Затем они были обнаружены при досмотре проезжающей через наш город автомашины и изъяты. Но глупо думать, что они до сих пор здесь, да и кто станет из таких ценных вещей делать наживку. Надо полагать, здесь гуляют подделки, которые у нас мало кто сможет отличить от подлинников. Но не в этом дело, здесь могут быть разные варианты подставы. Главное, с таким прикрытием, как Исмел, можно спокойно работать по этой теме. У Лиуана имеются деньгата – кто о том не знает? – вот они и решили прибрать их к рукам. Сын, можно сказать, ещё ребёнок, что он понимает в искусстве? Как правило, взрослые в подобных ситуациях впадают в панику и сразу бросаются искать деньги, понятное дело, для них огромные. И находят, вообрази себе. Откупают своё дитя и дышат спокойно. Одни целы, другие сыты, и, заметь, – все довольны. Латиф знает несколько историй, связанных с этими вещами. Но, уверен, мало кто из обычных людей об этом даже слышал, настолько безупречно они готовят и проворачивают свои дела. И подстава пацанов, и откуп родителей – всё происходит на удивление незаметно для посторонних. Здесь руку они набили невероятно, разработана специальная технология по изъятию денег. А ты не испугался, решил бороться, ко мне вот приехал. Другие и не пытаются воевать с ними, если и вступают в разговоры, то лишь с униженной просьбой – уменьшить сумму. А Лиуан, возможно, и вспугнул их. В его случае будет, скорее всего, так: спустят дело на уровень мальчишеских разборок и на том все закончится. Поколотят его пацана, и делу конец. Тут не придерёшься, мальчишки есть мальчишки, – что с них взять? – подрались и помирились. Это у них способ отступления перед такими, как он. Прощупали, а когда укололись – отказались. Вот такой его, Латифа, широкий взгляд на его, Лиуана, проблему. Диалектика, брат, никуда не денешься. А теперь без угощения Латиф гостя не отпустит.

Лиуан, как мог, вежливо объяснил хозяину, что нет у него сейчас в душе покоя, подходящего для доброго застолья. Поблагодарил, извинился, и, даже выезжая из города, всё думал: откуда Латиф знает слова вроде «эстетично», и что на самом деле означает «диалектика»?

Конечно, на ферму он уже не поедет – напрямик домой. Его машина, не предназначенная, впрочем, как и её хозяин, к быстрой езде и таким же манёврам на шоссе, рисковала съехать в кювет. Не доезжая до села, Лиуан решил сократить дорогу и пустился через поле, все же километра два здесь выигрываешь. Грунтовая дорога, хоть и наезженная, и относительно ровная, вздымалась густой пылью и нещадно пудрила задние стекла и багажник автомобиля. Слева от него, у родника, под узкими тенями тополей, он

увидел несколько машин и толпу молодых людей, стоящих своеобразным полукругом, точно для свершения некоего ритуала. Взгляд выхватил среди них рыжую голову Тимошки, друга Мурата, а среди машин – возвышающийся над всеми джип Вороны, в селе так называли сына Исмела. Лиуан незамедлительно свернул в их сторону.

Против десятка парней, в большей части не знакомых Лиуану, стоял Мурат, едва находя в себе силы поднять голову.

– Во, отец приехал, сына из садика забирать, – сказал кто-то из стоящих. Все рассмеялись.

Лиуан остановился перед ними и каждого внимательно рассмотрел.

– Что ж ты на другой стороне оказался? – насмешливо спросил у Тимошки.

– Я? Я – ничего, стою просто... – проговорил тот, смущаясь.

– Здесь все правильные люди стоят на правильной стороне, – сказал Ворона. – А сыну твоему не можем никак вдолбить, что за свои поступки надо отвечать. А как он это сделает, нам, знаешь, Лиуан, издалека наплевать.

– Не расплёвывайся перед старшими. Не научили тебя хорошим манерам, Ворона? Ты лет на десять старше этих ребят – какой пример подаёшь? – Лиуан говорил сдержанно, стараясь не повторять утренней ошибки.

– А ты, дед, не учи нас тут – здоровее будешь, – высказался один из толпы и выступил немного вперёд. Коренастый загорелый парень в цветастой рубашке явно был склонен к более убедительному методу вести разговор. – Мы можем поговорить и так, чтобы твои кости потом долго искали эти... как их там... военные похоронные экспедиции. Закатаем и утрамбуем в окопы. А потом скажем, что деда нашли, героя войны. Му-мию, ёлки-палки, египетскую. – Раздался дружный смех.

– Да, вас много, это правда. Но, милые мои, я ведь всю жизнь работаю лопатой и вилами. Руки такие, что, ухвати я кого-нибудь из вас, могу попросту разорвать пополам. И не одного, не двух, и даже, может быть, не трёх... Хотя, если дело принимает такой оборот, а вы, я вижу, на этом настаиваете, кто из вас рискнёт оказаться в числе первых? Есть желающие?... Судя по этой тишине, желающих нет. Тогда стойте смирно и ровно дышите. Серьёзный разговор для вас ожидается. И какой я тебе дед...

– Оставь, Плеш, – вступил, наконец, Ворона, – не отвлекай нас от темы. Лиуан прав, она и вправду серьёзная. Плеш тебя не знает, Лиуан, не слышал про тебя, извини его. Ну, а вот мне нужны мои деньги, чтобы дело без шума закрыть. Я ведь чужого не прошу – только своё. Мурат загрузился отвести товар за плату – правильно? Не довёз – так? На это я скажу: трудности чисто его. Я не должен за него потери нести. Я, Лиуан, на понятия не давлею, но таковы правила. Каждый за свою часть работы отвечает. Я вышел на товар, привлёк в нашу сторону, продумал и организовал весь про-

цесс. А ему с Артёмом нужно было только из рук в руки передать товар и взамен получить что положено. А когда их остановили, они вели себя, как лохи последние. Сразу их заподозрили. Чем мне теперь расплачиваться с хозяином товара? Сажать Мурата никто не собирается, дело замнём, попросим отца помочь – кому он нужен сидящий?

– Кто ж его посадит? – с издёвкой спросил кто-то, – Мурат же у нас памятник! – И снова дружный хохот.

– Сколько тебя ни встречаю, Ворона, – заметил Лиуан, – всегда ты с толпой. Такой же был и твой отец. Ты боишься оставаться один, что ли? Не пойму я. Может, через это от тебя и жена ушла? Представляю: в доме постоянно толпа друзей мужа. Ты, наверное, и в свой сад ночью боишься выйти?

Друзья Вороны, не удержавшись, прыснули от смеха. Сам же он выпрямился и сделал шаг вперёд.

– Лиуан, это уже оскорбление. А вы чего ржёте?

– Не принимай, пожалуйста, угрожающих поз. Это смешно. Посмотри на себя: и лицо какое-то землистое, как будто грязное, немытое, и одет ты во все чёрное. Вечно полусонный ходишь, кашляешь, как туберкулёзник. Глаза мутные, будто в тухлой воде плавают, на лице шрамы от подростковых прыщей, – ну ни одной благородной черты. Ты никогда не задумывался, почему тебя называют Вороной? Не соловей, не голубь, не орёл – ворона?

– Какой есть. Оставь, Лиуан, птиц в покое. – Ворона повысил голос. – Но и не перепёлка! Не терпила какой-нибудь, как твой сын. Ворона – птица благородная. А вот птенец твой, желторотик, не понимает, что происходит и что нужно делать. Я даже уверен, что он не рассказал тебе, как он обломался. У него ничего нет, он нам по большому счету неинтересен уже. Я понимаю: дело непростое и сумма немаленькая, нужно время, чтобы нам аккуратно разойтись. Время не терпит, но я великодушен, готов немного подождать. Давай обговорим сроки и сумму.

– Да ты, Ворона, я смотрю, совсем из ума выжил? Я с тобой не то что в сделку вступать, не стану даже разговаривать дальше. Иди к своему отцу и подумайте вдвоём хорошенько, как самим здоровенькими выбраться из этого положения. Его создали вы, мне это известно. Сами и выбирайтесь. Неужели кто-то мог подумать, что меня можно поймать на такую дешёвку. И попробуйте только к ферме приблизиться, даже в этой зоне показаться. А за пса ответите отдельно и по полной, это я вам обещаю. И молитесь Бога, чтобы он не кончился. Пошли отсюда, сынок.

К дому ехали медленно, надо было спокойно осмыслить происходящее и принять по возможности верное решение. Мурату велено было не вести больше никаких разговоров с этими ребятами, не они, по всей видимости, определяют, что и как им делать. За пацанами, вероятно, стоят взрослые люди, хотя бы те, что интересовались бычками, они, может, и стреляли на ферме. А Исмел обо всем знает, не может не знать. Здесь все обо всем зна-

ют, не Лос-Анджелес какой-нибудь. Ничего, всё скоро прояснится. Но, так или иначе, ещё раз: ни с кем ни в какие разбирательства не вступать. Мурат ничего не ответил, а Лиуан почувствовал, что эта молчаливая беззащитность сына сближает их сейчас, как никогда.

– Я их не боюсь, – вдруг сказал сын перед самым домом. – А то решать ещё... – И выпрыгнул из машины открывать ворота.

Нет, подумал отец, здесь героем себя воображать не следует. Если они так безбоязненно встали на пути Лиуана, то намерения их серьёзные.

Но в продолжение недели всё было тихо: на ферме никто посторонний не появлялся, и Мурата перестали доставать, так, во всяком случае, он общал по телефону. Сын в городе, за всем не уследишь. Что ж, тем и должно было закончиться: горе-вымогатели поняли свою ошибку – не на того напали – и прекратили глупую затею. Но сам он дело на том не оставит, вот подготовит коровники к зиме, высвободит необходимое время и разберётся со всеми по отдельности. А теперь неплохо было бы позвать на выходные городских родственников: дочку с зятем, сестёр с мужьями и детьми – отчего не приготовить барашка и не посидеть широким семейным кругом, а то и соседей пригласить? Странно, как нечасто им удаётся это нехитрое празднество, а ведь немного для этого нужно. Всё же есть.

Гости были приглашены на субботу. Мурат пропустил в этот день последние занятия и приехал раньше, чтобы помочь отцу. Но тот возмутился: напрасно ты это сделал, сынок, разве отец с матерью не управились бы сами? Не нужно было так поступать: тебе учиться, а родителям создавать для этого условия. Таков заведённый старшими порядок. А вот сестре твоей не мешало бы приехать с утра, а то ведь нет, без мужниной машины ни шагу. Добро – соседи хорошие, смотри, какие девочки скорые на руку, что за помощницы его матери. Столько кур общипали и распотрошили в какие-нибудь час-полтора. Эх, индейку бы или гуся, да не время теперь. А каких печёночных колбас они наделали – загляденье, такого на рынке не купишь. А телятина, а шашлыки, а бычьи хвосты – здесь он сам мастер, увидишь, как и что он приготовит. О вкусе он, наверное, уже догадывается, у самого не хватает терпенья дотянуть до стола. А девочки ещё с вечера сделали несколько сортов выпечки и других сладостей, он даже названия им не знает. Ради интереса, пусть посмотрит. На столах уже салаты, фрукты, сладости, приборы, салфетки, осталось только горячее и горячительное подать. Хвала Всевышнему, какие невесты в селе выросли! Ну что сынок такое говорит? Когда это они собирались сами по себе и втихую съедали такие роскошные приготовления – соседи за столом непременно должны сидеть. Это закон. Кто человек без соседа? Никчёмное существо. Ты, сынок, как будто из-за океана прибыл. Почему ты считаешь, что слишком много приготовлено? А что такое два барашка? Ими только ритуал застольный соблюсти, на кого их хватит? Да и разве нет у них всякой живности, чтобы вдоволь всех угостить? А с фермы он ещё привёз кроликов, жаркое из них

приготовит, с картошкой и сметаной, это он никому не доверит, только сам. На это есть любители среди его друзей, их он тоже позвал. Смотри, все кипит-шипит, жарится-варится, ну и чего он так смотрит? Да, не привык он видеть отца выпившим. Сегодня не без этого: как с соседом разделали барашков, печень и лёгкие быстро в жир укутали и обжарили на углях, да и накатили раза по три, а может быть, и по четыре, его самодельную. Он же знает, папа не потребляет спиртного из магазина. Всё это гадость, химия одна, не советую никогда в рот даже брать, а лучше всего не пей вовсе – запрещаю. Радостно, радостно, сынок, у меня на душе. Вот увидишь: нежданно-негаданно получится такой замечательный для всех праздник, на всю жизнь запомнят.

Все собрались ко времени. Если мероприятие не официальное, как свадьба, юбилей или день рождения, то оно складывается гораздо быстрее, проще и даже веселее. Отсутствие обязательных церемоний и застойной строгости придаёт гостям обаяние непринуждённости. Немаловажное значение имеет и то, что на подобных мероприятиях не предусмотрены подарки – все приглашённые приходят с удовольствием. А если во главе стола посадить остроумного весельчака средних лет, а не мрачного старика, то праздник непременно удастся.

Давно Лиуана таким не видели. И какая радость: все близкие родственники собрались, чего не получалось уже лет пять, наверное, а то и больше. Все здоровы, всего вдоволь, веселитесь, добрые люди, ничего с собой на тот свет не унесём, и гармониста скорее привезите, музыкантов, музыкантов – как же о них забыли? Сынок, хоть бы ты, что ли, напомнил. Эх, молодость, обо всем отец должен позаботиться, когда ты только повзрослеешь? На селе вырос, а в обращении хуже любого городского недотёпы. Посылай Тимошку, что ли, за гармонистом, и пусть двух своих быструю барабанщиков прихватит – эти молодцы так играют, так играют, да поживей вы, что ли.

И закружился, завертелся от музыки и танцев двор Лиуана. Соседи уже в который раз спрашивают друг у друга: а в связи с чем собрались, что празднуем? И, молча пожав плечами, продолжают веселье. Мурат хочет непременно чем-то помочь, но оказывается, что всем только мешает. Вот идёт мама, красивая, круглая и румяная, как пирог, она добрая и бывает строга только с отцом. То есть пытается ему противостоять, но отца не одолеешь, он её не слушает ни в чем. Поглаживает ладонями лицо Мурата, точно целует ими его, ты, говорит, иди за стол, здесь теперь женские руки всюду нужны. Сестра Инна, стремясь пересилить музыку и шум двора, кричит Мурату, что отец все это устроил ради него, отец ни в ком из своих детей не нуждается – только в сыне. Она уже в другой семье, сестра далеко, а с мамой у отца, сам знает, какие отношения. Другие с возрастом держатся друг за друга, а он неизвестно, что себе думает на старости лет, с ним же запросто не поговоришь. Мурат кивает, с нею соглашается, три бокала

шампанского, выпитые в саду с Тимошкой и двоюродным братом, сладко и торжественно кружат голову. А та девушка из нижнего селенья, подружка их соседки, которая каким-то образом случилась здесь помогать – ну что она за вдохновение для юношеского сердца! Вся так и светится от своей же улыбки. На ней серое платье, то ли с огромными синими цветами, то ли птицами. Не подойдя близко, не различишь, а подойти никак не получается. Да и при чем здесь птицы, что за дурь в голову лезет? Когда она попадает в ярко освещённое место, платье притягательно просвечивается и на какой-то момент будто обнажает её ноги, как они красивы. И так же от фонарей бесстыдно просвечиваются её ушки с золотыми серёжками полумесяцем. Она только поступила к ним в университет, и видел её Мурат до сегодняшнего дня только раз. Но почему-то никого сейчас для него нет на всем свете дорожке, чем эта девушка. А она, проказница, где бы ни находилась, – на крыльце дома, откуда хорошо видны танцующие, или из окна комнаты, куда она только что отнесла новые блюда, – отовсюду смотрит в его сторону и как бы мельком его отмечает: вот ты где, мой милый, единственный, родной. Ну, так ему, во всяком случае, кажется. А может, это действие шампанского? Но как он раньше её не замечал в селе, как без неё жил, жизнь его отныне имеет смысл только в связи с нею. За весь вечер Мурат смог приблизиться к ней только однажды: она стояла в ожидании подноса на пороге кухни, Мурат смело подошёл к ней заговорить, сам не зная о чем, – да, о чем бы ни было. Но растерялись оба, вспорхнули её серые большие глаза, она покраснела и, получив спасительный поднос, побежала прочь. Это у неё птицы, как цветы, отметил Мурат, улыбаясь. И шагнул в круг танцующих – исполнять свой первый в жизни танец...

Праздник завершился поздно, но все разъехались по домам. Городские были с водителями, благо дети взрослые, сами водят машину. Уехала даже Инна с мужем, у него завтра важные дела, правда, оставили детей, они к тому времени уже спали. Сразу после их отъезда ушла к себе мать, голова разрывается с самого вечера, отпустила и девочек, а то, когда такое было, чтобы оставлять столы не убранными. Сил уже нет, а уйти в их присутствии неудобно. Утром всё уберёт сама, да и девочки обещали прийти.

Вот так, говорил Лиуан сыну, провожая его в комнату, одни мы с тобой на всем белом свете, никому мы не нужны. Отец и сын самые одинокие существа во всем мире, им нельзя друг без друга, запомни это, сынок. Он подождал, пока Мурат ляжет в постель, присел на минуту возле него, поправил одеяло. Надо бы поговорить, но поздно уже и сам устал. Привык, знаешь, рано ложиться и рано вставать. Да и пьян твой отец, веришь, за многие годы так не напивался. Эх, Султана жалко, славный был пёс, оказывается. Спи, сынок, спи.

Мурат успел подумать только об одном: сколько же в этой девушке

женственности, обаяния, игривости в глазах и движениях, и как я всё это в ней люблю, никому её не отдам...

Он пропал через два дня.

Не то чтобы пропал, просто весь третий день, с момента его отъезда в город, не отвечал на звонки. Об этом Инна сообщила матери, хотела передать через него обещанный набор омолаживающих кремов подруге, ведь обычно Мурат среди недели хотя бы раз приезжал домой. Так было раньше, до их ссоры с отцом. Мать без всякой тревоги спросила о сыне у Лиуана, не связывался ли Мурат с ним. И уже через два часа почти все ближайшие родственники, перезваниваясь друг с другом, нет ли известия о его местонахождении, стали искать Мурата в общежитии, в университете, справляться у его друзей и знакомых. Вчера и позавчера на занятиях он был. Одни говорили, что он может быть у тех, другие, что у этих, ведь последний месяц Мурат так и жил. Друг Тимошка тоже ничего не знал, расстались они ещё в городе, сам он попал в драку и был здорово побит, ходить не может. Минутами появлялась утешительная мысль: может, дело просто в увлечениях молодости, да, и не за каждым шагом молодого человека уследишь. Объявится завтра, говорили, никуда не денется, что вы панику подняли. К ночи с тем и угомонились.

Только в доме Лиуана всю ночь горел свет. Поначалу от тревожных мыслей его отвлекали внук и внучка, крутились под ногами, шумели, тербели рукава, дёргали за усы. Когда же оставляли в покое, хотя бы на минуту, в груди его начинало холодеть, он вставал и ходил по огромной зале из угла в угол, машинально улыбаясь весёлым проказам детей: «Дада, а ты так умеешь? А посмотри, как я ещё могу? Нет, я лучше делаю». Он снова садился в кресло и, крепко обхватив себя руками, будто одолевал вселенский холод, качался из стороны в сторону. Он не заметил, что час назад бабушка уволокла внуков в спальню, даже не почувствовал, как они цеплялись за него и молили заступиться за них перед сном – внуки представляли сон одушевлённым существом. Нет, невыносимо так просто сидеть, надо выйти хотя бы во двор.

Сначала он повозился с Пиратом, разговаривал с ним, воспитывал его. И, то ли всерьёз, то ли пытаясь себя отвлечь, настоятельно просил усвоить нехитрые правила поведения, которые сейчас изложил. Затем направился в сторону курятника – вспомнил, где он видел такие же гвозди, какими был прибит к воротам петух. За курятником, присыпанный опавшими листьями, стоял небольшой ящик с гвоздями. Надо же, он находится здесь ещё со времён его постройки, забыл о них, да и кому нужна дюжина здоровенных гвоздей. Но кому-то они пригодились. И логично предположить, что гвозди из ящика среди ночи мог достать только человек, знавший о его существовании. А кто это мог сделать, как не сам Мурат? Лиуан давно забыл об этих гвоздях и никогда не наткнулся даже

на ящик, мать исключается, не сошла же она с ума. К тому же, именно в эту ночь Мурат вернулся домой. Всё указывает на него, больше никому, да и как бы молод ни был Пират, на незнакомого человека он набросился бы непременно.

Но для чего Мурат это сделал? Боже упаси даже подумать, что он сговорился с этими прихлебательными ребятами, чтобы выманить у него деньги. Такое случается, он знает, был же подобный случай года два назад в соседнем селе. Но нет, совсем даже непохожий случай. То был наркоман, любимый родителями сын, но безнадёжный наркоман. Да и суммы несопоставимы – тот, вероятно, хотел получить с родителей деньги на неделю полёта в призрачных мирах, здесь – состояние. И чтобы так убедительно разыграть его! Нет, нет и нет. Но тогда кто это сделал? Бог мой, что за испытания на него насланы? Что же такое происходит в его жизни? Как дожить ему до утра? Сердце рвёт закрывшаяся боль.

Он зашёл в пристройку, где тем ранним утром после длительного отсутствия к радости своей нашёл Мурата. Включил свет, осмотрелся, прилёг на ту же кровать и, думая о том, что сон это маленькая смерть – наверное, потому его так бояться внуки, – скоро уснул. И он нисколько не удивился открывшейся панораме позади заброшенной амбулатории, потому что давно предполагал некую таинственность этого места. То ли он и в самом деле об этом думал или это предположение было вынесено из другого сна, но он точно знал, что за амбулаторией вовсе не свалка сельхозмашин, как это видится сельчанам, а самая что ни на есть дорога. И дорога эта не ведёт через поля к насосной станции и даже не к кладбищу, а проходит между ними – в полосу предлесья, а за ней поселение, о существовании которого, он уверен, никто, кроме него, не знает.

Дорога вскоре тонет в мелкой, но довольно широкой реке с прозрачной родниковой водой. Дойдя до середины, Лиуан опускается на колени с намерением ополоснуть лицо и вдруг замечает, что не видит своего отражения. Он садится в воду, пытается взять пригоршню гальки из-под ног, но рука до неё не дотягивается. Странно, на чем же он стоит? В недоумении он несколько раз проводит рукою под собой и снова не обнаруживает никакой опоры – рука проходит сквозь гальку. Какие-то люди, стоя неподалёку, смеются над ним, и вдруг он замечает, что река превратилась в маленькую лужицу, именно в ней он и стоит. Тут же выскакивает и, стыдясь своего поведения, укрывается в лесу. Это древний лес, густо заросший папоротниками. Справа, за редкими деревьями, крутой спуск, а внизу болото с разноцветьем всевозможных растений и яркими летающими насекомыми – откуда-то есть знание, что по этому лесу ещё не ходил ни один человек. Скоро он выходит на небольшой синий луг, с двух сторон обнесённый неестественно высокими оранжевыми тополями, и встречает там Халида, невероятно маленького на этом фоне. Это сельский фотограф, он когда-то жил с

ними по соседству. Халид возится со своей машиной, вероятно, чинит поломку. Лиуан приветствует его и продолжает путь.

Вот и поселение, о котором он, разумеется, знал, но откуда знал, сказать бы не смог. На краю этого посёлка дом с решетчатым ограждением, в этом доме живёт Халид – и об этом ему тоже откуда-то известно. Прутья решётки до того близко расположены друг к другу, что между ними едва можно просунуть руку. А ограждение высоты немислимой, верхней кромки не видно. За ним, под тенистым деревом – Мурат, он сидит на табуретке за столиком и что-то увлечённо делает. Присмотревшись, Лиуан видит, как Мурат пинцетом сосредоточенно складывает глиняные кусочки. Что это, сынок, ты делаешь, спрашивает отец с нежностью в голосе. И как к тебе пройти? Вот ограждение себе Халид выстроил – ни пройти, ни пролезть. Хотя он чудной всегда был: ему бы жениться, детей завести, а он голубей гонял и свистел им, как мальчишка. А где сам хозяин, зачем-то спросил Лиуан. Мурат, не поворачивая к нему головы, отвечает: тебе, мол, сюда нельзя, да и не сможешь при всем желании сюда пройти, а Халид по делам отъехал. А что это ты, сынок, делаешь? Не видишь, папа, я заново собираю эту вещицу, разбилась она. Никак не складываются части, уж больно на маленькие кусочки она разлетелась.

Лиуан идёт вдоль ограды, надеясь найти хоть какую-нибудь лазейку. Но оказывается на ветреном берегу моря. Сюда волнами выброшены водоросли, обломки досок и прочий мусор, где-то был ураган. Он идёт по берегу и видит наполовину засыпанную песком телефонную будку. Он бросается к ней и начинает откапывать. Ранит руку о края разбитого стекла двери и, обильно орошая липкой кровью трубку и ржавый наборный диск, где и цифры-то неразличимы, пытается позвонить. Сначала ему кажется, что он разговаривает с женой, а потом с кем-то другим, голоса на том конце меняются с чрезвычайной быстротой, но то, что он хочет им сообщить, ни до кого толком не доходит. Его не понимают, и в какой-то момент он совершенно отчётливо слышит себя: его голос походит на мычание немого, отчаявшегося от невозможности быть услышанным и понятым.

Лиуан возвращается к дому Халида усталый, пряча окровавленные руки под мышками, но Мурата в саду уже нет. На столе остался предмет, с которым он возился. Смеркается, и не так-то легко разглядеть этот предмет на расстоянии. Это какая-то глиняная табличка, на ней – портрет. Да не сразу определишь, кто там изображён. На этом этапе восстановления глиняной таблички сходство пока ещё приблизительно – многие части ещё не на своих местах, Мурат же говорил, что они не складываются, как ему хотелось. Но Лиуан увидел ясно, как можно увидеть только сердцем. Когда все куски улягутся на свои места, он уверен, на табличке покажется портрет самого Мурата.

На обратном пути снова встречает Халида у машины. Скажи, Халид, что у тебя делает Мурат? Отпустил бы ты сына домой. Тот ничего не отве-

чает и лишь глуповато улыбается, вытирая тряпкой замасленные руки. Что, до сих пор не починился? Лиуан заглядывает в салон: в нем вместо сиденья на водительском месте – точно такая же табуретка, на которой сидел Мурат, дно проросло травой, под капотом нет двигателя, нет у машины и колёс. Халид продолжает улыбаться. Лиуан в страхе пускается от него прочь. Халид его зовёт, зовёт много раз, Лиуан открывает глаза...

Голос раздался не от ворот, а, кажется, с задней стороны дома. К нему можно близко подойти переулком, их дом угловой. Лиуан вышел во двор и прислушался – тишина полная, село ещё не проснулось, рассвет только ожидается. Он направился было через двор к воротам, но, дойдя до шкафа, остановился. Чтобы не отражаться в зеркале, вытянулся и попытался глянуть поверх забора, нет ли там кого. Затем вернулся на прежнее место и снова прислушался, показалось, что позади дома услышал щёлканье дверного автомобильного замка. Он встал на бетонный уступ заборного фундамента и глянул в тёмный переулок. И в самом деле, шагах в пяти от него стоял старенький автомобиль, в окне которого показалась чья-то голова. Увидев Лиуана, из машины вышел низкий худой человек с впалыми глазницами и виновато приветствовал его. Он был явно смущён, сказал, что почему-то решил подъехать с этой стороны, но сразу выключил мотор, чтобы не беспокоить домашних в такую рань. Да и свет горел только в маленьком доме, что в глубине двора стоит, вот и подумал, может, кто-то уже проснулся. Но позвать не решился, хорошо, что он сам вышел.

Этот парень был ему знаком, раньше он на току работал, но потом долго не встречал его, наверное, перебрался в город, как многие из их села. Лиуан поинтересовался, разве он не звал его? Он несколько раз отчётливо слышал, как его зовут. О, нет, он не успел ничего произнести, попробуй в такую рань крикнуть в спящий дом, испугаешь ещё кого до смерти, не каждый и решится на это, лично он не решился, подъехать – подъехал, но позвать – духу не хватило. Его попросили подвезти Лиуана к одному месту, ну туда, к гаишному посту возле реки. Сам он оказался там проездом, его остановили и попросили, в общем, можно сказать, приказали тебя к ним доставить, надобность какая-то у них в тебе. Время раннее, но дело, видимо, важное, раз дали такое поручение, знали же, в какую пору человека беспокоят. Да и его не стали бы отвлекать понапрасну, а он сегодня в такую рань выехал из города, чтобы помочь младшему брату – к свадьбе тот готовится, забот много. Так вот, там экскаваторщик, что балласт из реки достаёт, недалеко от моста что-то нашёл, говорят, Лиуана надо привезти, а что там нашёл экскаваторщик, сам он не ведаёт, Всевышним клянётся.

Вот что, говорит Лиуан, с трудом сдерживая нарастающее сердцебиение и пытаясь глубже вдохнуть воздух, чтобы не выдать своего волнения. Вот что, повторяет он уже в который раз, запутавшись в мыслях: он мог бы и сам туда добраться, машина на ходу, да только прав он, не хотелось бы тревожить домашних, он сейчас тихо вы-

йдет, и пусть он подбросит его к месту. Да какой разговор, его это нисколько не затруднит, готов услужить, затем он, по правде говоря, и приехал, и ждёт...

А ночами уже прохладно, замечает Лиуан, сев в тёплый салон «Жигулей». Да, да, истинно так, соглашается водитель, лето на исходе, а Лиуан признается себе, что дрожит вовсе не от холода – что же там произошло, и что за мучения он вынужден переживать в последнее время. Но перед парнем бодрится, потирает уши, руки, ухаает, мол, ничего, все это дела житейские, без них тоже не получается. Вот, к примеру, в прошлом году у его работника угнали машину, и, знаешь, где нашли? – как раз, на берегу реки, недалеко от этого самого поста ГАИ, куда они сейчас едут. А ещё, продолжает он себя успокаивать, был у него случай с коровой – тоже, можно сказать, угнали, и, знаешь, где нашлись её рожки да ножки? – опять же, в зарослях у реки. Так что, такие выезды при его работе дело привычное. Да, дела, снова соглашается водитель, время такое, стоит только расслабиться и враз тебя разорвут, люди свирепее волков стали, не жизнь, а сплошное выживание, ей-богу, никакой радости на сердце не осталось, прежде всё было по-другому, здесь мы свернём, дорога плохонькая, но всё же так короче.

Начинает светать, но этого не хочется больше всего. Под покровом темноты легче переносить боль, пространство кажется бесконечным, боль как будто разносится по невидимым ночным просторам. Сейчас же, при свете дня, источник её начнёт воплощаться в конкретную причину. Если бы спутник облегчил его мучения, так нет же, наперёд сказал с убийственной учтивостью, что ни о чём не ведает. Врёт, скорее всего, хотя и поклялся Всевышним, но у них это просто. Упаси Бог от ответственности, просят они, не хочу быть свидетелем, соучастником, сопереживателем, ничего не знаю и всё тут, разбирайтесь сами, я вообще проезжий, мне до ваших дел, знаете ли, нет никакого дела. Что за бред лезет в голову, при чём здесь он, бедолага, простая душа, сейчас у него, Лиуана, все виноватые.

Выехали на трассу, мимо пронеслись четыре машины, и куда люди прут в такую рань, знали бы они, в какой глупой игре участвуют, все глупо, жизнь не имеет никакого смысла, о чём это я, вот и мост уже виден, слева пост ГАИ, глухой, спящий. Хотя нет – из тумана показались три чёрных силуэта. Завидев знакомую машину, одновременно замахали руками, мол, езжайте сразу туда, вас давно ожидают. И что за спешка, даже не поздоровались. Едут через мост, белые поперечные полосы при их пересечении оглушительно отстукиваются в голове, вызывая тупую боль. Да, ведь на этом самом мосту один чиновник, пьяный, едва стоявший на ногах, но полёта высокого, сорвал с молоденького солдата-постового автомат и выкинул в реку только за то, что тот посмел остановить его машину. К чему сейчас эти воспоминания о давнишних событиях, сам

через этот мост чуть ли не каждый день ездит и не вспоминал об этом ни разу, событиям этим лет тридцать. А высокого чиновника на следующее утро заставили искать автомат в реке, говорят, нашёл. За мостом – налево, а вот там подростки продают наловленную за утро рыбу, дальше – путь по грунтовке вдоль берега, против течения. С высоких придорожных трав по обе стороны сбита роса, это он видит в свете фар. Видать, не одна машина здесь проехала за последние часы. Вон, в русле реки, показался висящий в мгlistом воздухе ковш экскаватора, он как будто указывает, что ориентир следует держать на него.

Остановились на дамбе против экскаватора, стали спускаться вниз, спутник Лиуана замешкался: может, я все-таки поеду, не нужен ведь теперь, да и брат заждался. Да, конечно, пусть едет, спасибо ему. Ах, лиса, знает, для чего привёз его сюда, не таков наш сельчанин, чтобы вот так вот повернуться и уехать, не унеся с собой ценную основу для плетения слухов и пересудов, да бог с ним.

Внизу мгла ещё не рассеялась, русло, шириной метров в сто двадцать, только на две трети занято водой, по берегам большие отмели: тёплая погода, отсутствие осадков, отводы на поля и пастбища не дают реке наполниться. Экскаваторщик, загорелый до черноты, мятый, с впалыми небритыми щеками, был у своей машины, он возился с сетями и, похоже, изрядно в них запутался. Увидев Лиуана, бросил сеть на гусеничные траки и пошёл навстречу, стараясь, насколько мог, скрыть нетрезвость. Приблизившись, почему-то поклонился и осторожно, едва перекрывая шум воды, негромко заговорил:

– Послушай, как всё получилось: я сети бросаю, закидушки там разные, ловлю к ужину рыбу, я ж ночую в салоне машины, это, как ты видишь, не трактор, а ракета настоящая, ценности такой, что ахнешь, жалко, если пацаны залезут, раскурочат ведь, а я получил её, как лучший экскаваторщик, радуюсь-не нарадуюсь, берегу, короче говоря. А тут мы с приятелем посидели, закуски, значит, не хватило, а в магазин глубокой ночью не побежишь, да его и днём-то, этого магазина, нету поблизости, куда бежать, вот я и пошёл к сетям своим, угощу, думаю, гостя жареной на костре рыбой. И, как бы это сказать, ух ты, черт, где это я содрал кожу на пальце, я сейчас, подлечу малость рану, замотаю чем-нибудь, погоди.

Между тем Лиуан оглядывается по сторонам, сердце не на месте, а этот о рыбе... Нет-нет, пусть бы ничего другого и не сказал, лучше уж про свою рыбу, а Лиуан сам во всем разберётся. Но ведь кругом никого. Может, что-то напутали, не того побеспокоили, сколько раз случалось, что поднимали его среди ночи понапрасну. Ваши коровы, скажут, арестованы, они посмели зайти на кукурузные поля фермера такого-то, заплатите штраф в его пользу и забирайте скотину, их загнали на территорию лесхоза, коровы с вечера не доены, молоко из вымени так и течёт, пожалели бы бессловесную тварь, хозяин тоже называется. Ещё бы коровы Лиуана

гуляли среди ночи по чужим полям – да они у него по часам укладываются спать. И много случалось других ночных посетителей по разным нелепым поводам. Значит, вышла очередная ошибка. На душе хоть какое-то облегчение, а этот нетрезвый человек вдруг становится для него самым милым и добрым из всех, кого он знает на свете.

– Эти черти милицейские, – продолжает экскаваторщик, придавив ранку оторванной от сигаретной пачки бумагой, – меня прогнали: иди, мол, выпись, говорят, как будто я несу что-то несуразное, я им, видите ли, понадобится трезвым. Разговаривают как со скотиной, знали бы, что это моё нормальное и всегдашнее состояние, по-другому при этой работе состоять невозможно. Они там, глубже заехали, да вот же они – видишь? – проявились, как на фотографии, черти, ты уж, Лиуан, сам к ним иди, я этих погонников не выношу.

Выше по руслу из тумана показались две фигуры, но в тот же момент исчезли. Лиуан пошёл на них. Вслед экскаваторщик кричит, что впереди неприятное место: ночью забор воды из реки уменьшается и разливается она местами почти во всю свою ширь, и пусть он держится бережка, здесь всё-таки вода не дотягивает до него, а то бы и ему не работать. Но Лиуан ничего уже не слышит, шум воды оглушает его с нарастающей силой, как будто навстречу несётся вселенский поток, сметая всё на пути. Ему кажется, что ноги его вязнут в песчано-гравийной массе, он с трудом выбирается, но тут же спотыкается, носами ботинок бьётся о крупные булыжники, те плющатся и откатываются в сторону, точно пластилиновые шары. Тревога нарастает, он машинально хватается за лоб, с усилием проводит по волосам и видит, что они ключьями остаются в руке, зубы расшатались в одну минуту, а десны кровоточат, тягучая розовая слизь стекает на комбинезон, – мерещится ли ему, или это происходит с ним на самом деле? Место, о котором предупреждал экскаваторщик, он прошёл напрямую, вступил выше колена в ледяную горную воду, как в кипящую смолу, отчётливо видя, как она срывает вместе с обувью плоть с его ног, и кости ступней начинают скрежетать по каменистому дну неглубокого затона. А вместе с тем ощутил, как плавится горячим маслом и сползает кожа с кистей его рук. Кому протянешь эти руки, кого ими обнимешь, на что они теперь годны, но болит здесь, в груди, сердце сморщилось и в мгновение иссохло, дышать тяжело до невозможности. Приблизившись к людям, он спрятал кисти рук под мышки, посмотрел на ступни ног, подумал: как быть с ними, но пошёл дальше – все равно.

Хмурые заспанные лица по очереди всплывают перед ним, да сколько же их собралось, некоторые ему знакомы: участковый, опер, дознаватель, врач «скорой» с помощницей и ещё какие-то люди. Они таинственно заглядывают ему в глаза, которые от мутной солёной влаги вот-вот перестанут различать очертания, уступают дорогу и молча поводят подбородками, мол, дальше, тебе нужно идти дальше. Вокруг тишина невыносимая,

почему никто ничего не говорит и куда подевался шум воды? – это оглох мир, думает, или оглох я? Он, как замороженный, следует молчаливым указаниям, идёт от одного к другому, умоляюще смотрит в надежде понять происходящее. Кажется, целую вечность он кружит около них, но неожиданно между ними образуется просвет, и где-то там, за неширокой водной полосой, открывается песчаный островок с белой отметиной посередине. Окружающие расступаются, и вот его несёт к островку – что это там впереди, кусок белой материи, ну, и что, для чего позвали его, я же говорил, не того побеспокоили, почему они меня мучают. Подходит ближе: на сером фоне ослепительно белая простыня, сдёргивает её, видит рубашку с засученными рукавами и черные джинсы, утопленник без обуви, лежит головой к нему, боль пронзает остаток его тела при виде юноши, лежащего на холодном вымокшем песке. Заходит со стороны ног и опускается возле него, колени вонзаются в податливый песок, он смотрит, не произносит ни звука, ничего не понимает. Внезапно весь этот оглохший мир взрывается от его крика, но его никто не слышит, он орёт в себя, внутрь, разрывая своды артерий и сухожилия, и от силы этого крика гаснет солнце и осыпаются звёзды. Каждая последующая мысль напитана ядом, ему больно думать, что он не распознал губительного нагнетания событий, не уберёт сына, как же он так опрометчиво отпустил его к людям, не подготовил, не сделал нужных наставлений. Глаза твои, сынок, как будто и не смотрели никогда, на них застыла и, кажется, затвердела горная, с песком и пеной, вода. Рот по-детски приоткрыт и страдальчески молит о помощи, как мог я быть не с тобой в те страшные минуты, как мог дышать в тот момент, и как не упали небеса на землю. Рассудок меркнет, где я и что со мной происходит, не пойму, ничего не чувствую, хотя вот – ко мне снова возвращается боль. Как же ты вырос, сынок, я впервые вижу тебя таким: ты незаметно возмужал, на животе появилась пушистая узкая полоска волос, она поднимается к груди, подбородок и скулы начали выделяться, как у настоящего мужчины. Здесь шрам на шее, он появился после того, как ты упал с дерева, а вот и любимая мною родинка, я вожу костями пальцев своих по твоему лицу, наверно, тебе больно, сынок. Чем же мне прикоснуться к тебе, сын мой, чтобы не причинять боли, ты же видишь, что стало с моими руками, под одеждой ничего не осталось, кроме груди костей, даже сердце истлело и осыпалось прахом. За последний час я отдал всего себя, чтобы вымолить тебе благополучие, но что же ты наделал, мой мальчик, ты разрушил мир и погубил всех людей разом, разве могу я теперь их простить и помирить. Но безжалостнее всего ты обошёл со мной, с отцом твоим, как мне теперь жить без тебя, сынок, как жить. Посмотри, ведь никого на всем свете не осталось, только одни мы с тобой плывём во вселенной на этом маленьком песчаном острове. Останови, сынок, этот нелепый сон, где я серебряной небесной влагой омываю твоё тело, украшаю голову

твою упавшими на островок осколками звёзд и пеленаю тебя в белый саван проплывающих облаков, умоляю, останови этот страшный сон.

На похоронах люди обсуждали только одну версию случившегося, правда, с несколькими отклонениями в деталях: сын Лиуана задолжал большие деньги. Первое: проиграл в карты; второе: попался на продаже наркотиков; третье: был пойман при сбыте краденых музейных экспонатов. Каждое из утверждений с нарастающей быстротой обрастало множеством нелепейших подробностей, как будто распространители этих слухов были, если не очевидцами, то, по крайней мере, ведущими это дело следователями. Ко всему прочему, особо неугомонные в таких случаях знатоки без смущения свидетельствовали, что Лиуан отказал сыну оплатить его долги, то есть определённой суммой денег предотвратить возбуждение уголовного дела, после чего слабохарактерный парень, не находя способа спастись от наказания, утопился. Правда, к чести их, были и другие, недоумённо вопрошавшие: возможно ли такому случиться? Лиуан – порядочный и уважаемый человек, Мурата всегда считали прекрасно воспитанным парнем, никогда он не был замечен в неблагоприятных поступках, умница и, говорят, был даже особо одарённым юношей, разве что наговаривают на него, но тут уж ничего не поделаешь, пришла беда, как говорится...

Все три дня, пока приходили люди, чтобы почтить память молодого человека и пособолезновать родным, Лиуан отстранённо глядел на происходящее в его дворе. Он никак не реагировал на рукопожатия, слова поддержки и пожелания больше не видеть в жизни такого горя, которое заставило бы забыть сегодняшнее. Какое же горе, думал он, я могу ещё увидеть, чтобы забыть своего сына, разве не понимают они, что произошло. Не понимают, и никто не сможет понять, пока самих не коснётся. Все слова, составляющие суть соболезнований, казались ему неумными, банальными, в его случае даже кощунственными и оскорбительными, хотя сам он, не задумываясь, произносил их множество раз в своей жизни. Неужели непонятно, что здесь не нужно никаких слов, оставьте меня, давайте помолчим, разве вам доставляет удовольствие мучить меня. Никто не сможет ни понять тебя, ни боли твоей разделить, как не мог и он в подобных случаях. Вот сейчас уйдут они со двора, станут о делах своих говорить, истории разные рассказывать, а то и смешные случаи, ему же оставаться наедине со своим горем.

Лицо Лиуана не изменилось, даже когда в открытые ворота он увидел подъехавшую машину Исмела, прибыл, значит, соболезновать. Он повернулся к своему зятю, стоявшему рядом, и что-то сказал. Тот поспешил к воротам и ещё за их пределами встретил Исмела в группе мужчин, собирающихся войти во двор, и отвёл его в сторону. После нескольких слов Исмел вскинул руки, выражая возмущение, произнёс негромко, чтобы не привлекать внимания: «Это невиданно, неслыханно!» – после чего сел в машину и уехал. С тем же неизменным выражением лица Лиуан выслушал

зятя – махал руками, говорит, возмущался, обидели его, значит, незаслуженно, ну, ничего.

На исходе третьего дня Лиуан закрыл ворота, сел под навесом на стул и объявил близким родственникам: с поминками тянуть не будет, не станет дожидаться сорока дней, а устроит их в ближайшее время, так можно. За все три дня он заговорил лишь во второй раз, произносить слова, выражать мысли ему было больно. Более того, он не находил в том никакого смысла – для чего, с кем и о чём ему теперь разговаривать. На следующей неделе, в воскресенье, решил он, то есть через девять дней, и сделаем поминки. Ему попытались возразить: так, мол, не получится, какая в том необходимость, да и родственников надо оповестить, хотя бы через две недели на третью. Никого он приглашать не собирается – не свадьбу играет, а тянуть не видит смысла, ему готовиться не нужно, всё есть, будет так, как сказал он. Возражать никто не стал, да и перечить ему боялись, все тихо разъехались по домам, измучились за три дня.

Во дворе установилась тишина, как в прежние дни, посторонних уже не было, жена с дочерью и зятем ушли в дом. В этот момент Лиуан с удивлением огляделся в поисках шкафа: где он? Стоял здесь, под навесом, в самой середине. Так вот же он, кто-то задвинул шкаф лицевой стороной в самый угол и накрыл брезентом. Встал, подошёл к нему. Что ж ты не смотришь на меня своим старым ядовитым глазом? Посмотри, в кого я превратился, тебе это окажется в радость. Давай, повернись ко мне, смотри мне в глаза, ты этого хотел, решил всех нас убить, да? Как это я сразу не догадался и не выбросил тебя на свалку, а держал в доме столько лет. Поворачивайся, поворачивайся, я сказал. Однако, тяжёлый ты, расторопнее давай. Брезентом он, видите ли, накрылся, – вон его. Хотел тайком в доме остаться? Смотрите, он ещё и упирается, какой ты неповоротливый, встань прямо, против меня, я сказал. Получай вот, ещё, ещё, ещё, ещё, узнал ты силу моих ударов? Вот тебе в твой старый убийственный глаз, вот тебе, потёк ты, да? Выпустил я из глаз твоих кровавую отравленную жидкость, вот, и руки свои испачкал этой заразой. На вот тебе по бокам, ах, на какие мелкие части мы разлетаемся, знаешь ведь, за что я тебя убиваю, получай, получай...

На шум из дома выбежали родные. Жена с криком «он сошёл с ума» бросилась ему в ноги, дочь и зять пытались обнять, успокоить. Прибежали ближние соседи, бывшие в эту минуту у себя во дворе, всё же слышно. Лиуан не сопротивлялся, он схватился за голову окровавленными руками, как будто вспомнил что-то очень важное, сел на стул и затих. Шкаф был разнесён им до основания.

В последующие дни Лиуан несколько раз ездил на ферму, но делами не занимался. Все управление хозяйством он передал старшему зятю, мужу своей сестры, и его сыновьям, ребята серьёзные и работающие, будут знать, что заработают – своего не упустят. Можно быть спокойным и за них, и за

свою семью, будет им на что жить. Сам же ходил по окрестностям, в лесу, где именно, никто не знал, и появлялся лишь под самый вечер. Племянники показывали ему свою работу, наперебой рассказывали о предполагаемых изменениях в ведении хозяйства – так будет лучше – и радовались, что дядя молча, но одобрительно качает головой. На самом же деле Лиуану было всё равно, он не вникал в суть их предложений. Видя, сколько жизненной силы и радости существования в этих парнях, он, чувствуя, как больно сжимается его сердце, завидовал их родителям. А теперь представьте, где мой сын, мысленно спрашивал он. Вот так-то, отвечал он себе же. Потому не хотел с ними встречаться лишний раз.

Дома он тоже ни с кем не разговаривал, всегда, если не дочь, то кто-то из сестёр или их детей были рядом, чтобы не оставлять в одиночестве мать Мурата. Зная, что Лиуану неприятен разговор на любую тему, его не беспокоили. Он уходил в сад, задумчиво там копошился, обрезал ветки, собирал и сжигал листву. В один из дней он ровно уложил лежавшие в беспорядке доски, накрыл их, в сарае сделал удобные полки для инструментов, хотя давно ими не пользовался. Видимо, в такой момент и пришла мысль сделать беседку в глубине сада. Он отобрал лучшие доски, отдал их в столярную мастерскую и вскоре привёз фигурно обработанными, с пазами и выступами, так что оставалось только аккуратно собрать. Четыре дня, с раннего утра до поздней ночи, он возводил беседку, разбирался в своём набросанном от руки проекте, а на пятый вывел крышу и выкрасил все в бело-синий цвет. Через день, уже под самые поминки, он привёз заказанные ранее белоснежные занавески, повесил их без женского участия и посередине перехватил шёлковыми бежевыми лентами. В этот же день появились четыре больших заставки из толстого витринного стекла – для проёмов, чтобы в осенне-зимнее время в беседку не попадали дождь и снег. Надо будет подумать и о двери.

Установил на столе портрет сына в деревянной позолоченной раме, перенёс из его комнаты книги, конспекты, фотографии, висевшие на стенах, разные предметы, которые он любил держать возле себя. Закончив, сел на табуретку в стороне и облегчённо подумал: вот поставлю после поминок памятник на могилке и тогда... Он не знал, что произойдёт «тогда», мысль запнулась, потеряв своё направление, осталась без логического завершения. Он вдруг представил себя в образе этой остановившейся мысли или, вернее, мысли в виде себя, в образе человеческого, и с ужасом ощутил полную свою растерянность, когда впереди ничего – абсолютная пустота.

Обеспокоенная тем, что Лиуан с утра ничего не ел, впрочем, никто не видел, чтобы он что-то ел и в предыдущие дни, сестра принесла еду. Придвинула к нему другую табуретку, сняла с себя фартук с подсолнухами и подстелила его под тарелку с нарезанными кусками телятины и овощами. Пусть немного перекусит, так может и свет белый в глазах погаснуть, ему только этого сейчас не хватало. И ещё: эти две таблетки надо принять

сейчас, очень его просит, ему полегчает, вот и воду принесла. Сестра ушла сразу же, чтобы не беспокоить его разговорами, а Лиуан отправил таблетки в рот, отпил из кружки и какое-то время сидел, глядя в тарелку. Затем всё же взял кусок мяса, макнул в кисломолочный соус с чесноком, поднёс ко рту, стал жевать, думая о том, почему его мысль остановилась после слова «тогда». А что тут думать, я просто не вижу себя в будущем, его нет, он и сын едины, одно тело, одна душа. И вдруг он увидел, как через свою глотку проталкивает еду в утробу сыну, в утробу без сокращений, без соков, необходимых для пищеварения, в утробу несуществующую, мёртвую – он вскочил, подбежал к ограждению, его стошнило. Он кашлял долго и громко, не умея остановиться.

Прибежали жена, дочь, сестры, соседки, дети, что были во дворе. Остатком воды Лиуан умылся и освежил голову, повернулся к людям. Они на представление спешили? Что им всем нужно? Пойдите все прочь, оставьте меня, наконец, в покое, кричал вне себя. Жена не выдержала: кто его беспокоит, зачем себя так ведёшь, стыдно перед соседями, не один он с болью теперь живёт, они тоже люди, однако держатся. Лиуан хотел было ответить: «Разве для меня вы теперь люди», – но удержался, отвернулся, сказал, чтобы убрали еду, и ушёл в беседку. Там он думал о женщинах: что же они за существа такие? В муках рожают детей, света белого не видят в стремлении поставить их на ноги, вывести в люди, и живут при этом, главное, только жизнью своих детей, забыв о себе. Но вот случись что, как с ними, например, то могут пережить самую, казалось бы, непереносимую боль, уйти с головой и душой в устроение посмертных ритуалов и утешить себя мольбами и причитаниями. Непонятно ему это.

Вечером он перебрался в комнату сына. Ему трудно было оставаться наедине с женой, женские слезы он не переносил, да и старшая дочь приехала, ей в самую пору быть при матери неотступно и утешать её. Маленьких внуков он просил не привозить до поминок, свет и радость, что они приносили с собой, никак не сходились с состоянием мрачной грусти, в котором хотел оставаться Лиуан. Соседских мужчин он избегал, но приходил самый близкий из них, Ахмед, тесть лейтенанта Заура. Это он, Ахмед, наученный женщинами, как-то сказал ему: ты это, Лиуан, береги себя, ничего не предпринимай, просто дай боли время отстояться, она сама и притупится, жить-то надо. Лиуан, мирившийся до этого с присутствием Ахмеда, вдруг так обжигающе взглянул на соседа, что тот даже отшатнулся от силы этого взгляда, смутился и ушёл, сказав что-то лестное о качестве и красоте его новой постройки.

В день поминок Лиуан немного оживился, во всяком случае, скупно, но все же общался с родственниками и соседями, которых собралось довольно много. Он никогда не придавал значения ни похоронным, ни каким-либо другим ритуалам, а священнослужителей попросту не уважал, даже не воспринимал их всерьёз. Приношение в жертву быка – следование

тысячелетним традициям черкесов – он уравнивал такое действо, скорее, с постройкой в саду беседки, дабы чем-нибудь занять себя в горькие минуты, и не находил в этом никакого священного таинства, в отличие от людей религиозных. Впрочем, и в других он не признавал истинной религиозности, считал, что в жизни не встретил ни одного верующего. Если бы таковыми являлась, хотя бы малая часть тех сельчан, кто себя к ним причисляет, над ними загорелся бы свет небесный, не было бы несправедливости, зла и горя в селе. Но все они либо мошенники, либо просто глупые люди. Его добрый сосед предлагает ему повременить, дать боли остыть, чтобы она притупилась, потом все установится, тогда он сможет жить, как прежде. Хотел бы он им сказать: возьмите мой дом, ферму, имущество и деньги мои, все, что я накопил за мою жизнь, берите, пользуйтесь, вам только это нужно, ради них вы живете. А мне оставьте мою боль, не трогайте меня, избавьте от своего присутствия.

На протяжении всего дня к Лиуану подходили разные люди с предложениями, советами, словами участия, и не было никакой возможности укрыться в себе даже на время. Среди них оказался и лейтенант Заур, он тоже был у них с женой, помогал развозить на своей машине пакеты с жертвенным мясом, продуктами и сладостями. Он сказал, что у него к Лиуану есть важный разговор, это касается Мурата, поэтому надо бы встретиться, если он не против – завтра. Правда, он кое-какие детали дела должен ещё уточнить. Будет лучше, если они встретятся вдали от посторонних глаз, скажем, в тутовой роще с часу до двух дня, другим временем он, к сожалению, не располагает, да и ехать ему на встречу предстоит из города. Возможно, с ним будет ещё один человек, самый важный свидетель известных событий. Он извинился за вынужденную конспирацию и добавил, что того требуют обстоятельства.

Сообщение это Лиуан воспринял как весть из прежней жизни, с которой он потерял всякую связь и возобновлять её не хотел. По какой причине ему может понадобиться предстоящий разговор, пусть даже самой огромной важности, – для него не осталось здесь ничего более важного, чем мысли о сыне, и к мыслям этим он не хотел примешивать разбирательств по поводу проступка его несчастного мальчика. Ну, о чём Заур может с ним говорить – о виновности Мурата и удовлетворении претензий со стороны закона? Если его сын нанёс государству ущерб по своей юношеской неопытности и неосторожности, то пусть озвучат указанную в бумагах сумму, он готов выплатить все сполна. Но ходить на допросы, участвовать в судебных мероприятиях он не будет, и никто не заставит его это сделать. Как издали, возникли шум и суета прежней жизни, и как хорошо, что он больше к ней непричастен. Хотя, с другой стороны, стал бы Заур назначать ему встречу в тутовой роще, если представлял сейчас официальные органы. Конечно, нет. Может, сын его ни в чем и не виноват, не было

никакого товара, мальчика запутали, запугали и заставили взять вину на себя, а он, боясь отца, не сказал ему всей правды.

... Он приехал в рощу за час до назначенного времени, оставил машину недалеко от дороги у иссечённого топором пня – будет знак, что он здесь, – а сам вошёл в рощу. В этих местах он мальчиком часто косил с отцом траву для коров и кроликов, подростком приезжал с ребятами за тузовыми листьями для червей шелкопряда, которых откармливали всей школой, чтобы заработать денег в летние каникулы. В молодые годы с друзьями устраивал пикники, потом привозил сюда дочерей, а позже и сына поесть тузовых ягод. Нахлынули благостные воспоминания – и в самом деле, прежняя жизнь казалась и светлее, и счастливее. Может, причина тому в особом восприятии молодости, и с годами он попросту утратил способность видеть красоту жизни. Но, похоже, люди сюда уже не приезжают, так что лучшего места для тайных разговоров и не найти. Но вот, кажется, и они едут.

Остановились, из машины вышли Заур и Тимошка. Заур пожал руку Лиуану, а Тимошка не подошёл, только пробурчал едва слышно слова приветствия. Друг Мурата был явно чем-то раздосадован, глаз не поднимал, нервно потирал руки и мял под собой высокую траву, наклоня её ногами то в одну, то в другую сторону. Левая щека его горела, скорее всего, от пощёчины, она ещё довольно отчётливо хранила след чьей-то руки. Поняв, что Лиуан это заметил, Заур признался: это я, пришлось, ехать не хотел. Его расследование неожиданно привело к этому молодому человеку, Тимошке, он и есть тот самый человек, который и внесёт полную ясность в понимание известных событий. Заур заинтересовался ими с самого начала и отслеживал их ход не из простого любопытства, полагал, что добром всё это не кончится. Но он тоже виноват, опоздал, не думал, что всё так обернётся.

– А кто думал, – замямлил Тимошка, – что так получится, ведь игрались просто.

– Постой, игрались они, видишь ли. Ты давай рассказывай Лиуану с самого начала, что и мне говорил, – чётко, по порядку, со всеми подробностями и без запинки. Говорить ты мастер, не прикидывайся неумехой, в театре студенческом играешь, конкурсы разные выигрываешь, да и юрист ты в будущем, так что излагай ясно и доходчиво, здесь всё важно, понял? А мы тебя не перебиваем, все вопросы потом.

При этих словах Лиуан опустил на пень, стараясь на них не смотреть, да и стоять оказалось трудно после такого начала. Тимошка попытался собраться, расставил устойчивее ноги, как будто ему предстояло вынести сильный удар, начал:

– Петуха вашего это я... короче говоря, я не хотел, только один на мне грех.

Заур перебил:

– До петуха ещё не добрались, с самого начала рассказывай, ты понимаешь, с самой главной причины и по порядку, ты тупой, что ли?

Тимошка встрепенулся, от испуга как-то демонстративно напрягся и продолжил:

– Вороне нужны были крупные деньги, в очередной раз, а взять негде, не всю же дорогу у пахана стрелять. В городе он уже многих покидал на подставе, а тут у себя в селе свой богач имеется, говорит, никем до сих пор не обиженный, за что ему такая благодать? Надо, говорит, подтянуть каким-то образом Мурата, пусть хоть как-то участвует в деле, а там видно будет. Приклеим к делу незаметно, они огласки не захотят, отец сразу выложит нужную сумму, на кону образование сына, карьера, уважение друзей, соседей – метод проверенный, так рассуждал Ворона. Если что, пахан в курсе, выручит, он сам ядовитый зуб имеет на Лиуана, местный, говорит, хренов олигарх, один он во всем районе ему не платит. Мурату и Артёму он предложил заработать – отвезти один дорогой предмет покупателю, сам типа срочно уезжает и его не будет, а то бы не стал просить никого. Их дело только аккуратно и осторожно доставить товар и получить деньги, деньги немалые, потому он другим не доверяет, а они ребята серьезные. Гонорар и ответственность пацаны разделят пополам, но Мурад главный. Ну, они и клюнули: что стоит, подумали, отвести какой-то свёрток в соседний город, возьмут такси и поедут, подозрений на такси не будет, кто станет обыскивать. Их взяли сразу же при выезде из города, мол, досматриваем все машины, есть сигнал: ценные камни из какого-то хранилища пропали, говорят, где-то у них в районе находятся. Ясное дело, милиционеры эти – сотрудники Исмела, с ними дружен Ворона, но без подачи Исмела те не стали бы проводить такую операцию, будь они трижды приятели Вороне. Однако Исмел как бы ни при чем, не выйдет с вымогательством денег – можно уйти в сторону и дать делу другой ход. А Ворона должен был в этом случае сказать: ничего не видел, никого не знаю, в день их ареста я вообще был в другом городе за тысячи километров отсюда, а пацаны от страха голову потеряли, не соображают даже, чего моросят. Откуда у него могут быть в таком количестве огранённые камни чёрного алмаза такой величины и доска с Колей-чудаком...

Заур хмуро поправил:

– Икона с изображением Николая Чудотворца. Священный предмет всё же, чему вас только в университетах учат. Хотя, скорее всего, подделка это.

– Насчёт этого я не знаю, не видел, – продолжал Тимошка. – Короче, потом Ворона с парнями своими начал доставать Мурата, Артём-то ведь был подсадным, о нем и забыли. Мурад должен был сказать отцу о своей оплошности и просить денег, иначе его ожидает громкое судебное дело. Мурад не испугался, но очень переживал, что подвёл Ворону, он и не подозревал, что его просто подставили. Тогда решили воздействовать на него психологически. Это Ворона придумал насчёт петуха, хотел показать, что намерения его серьезные. Ославит Мурата на всё село – держать слово не

умеет, товарищей подставляет, а сам в сторону, как будто и не виноват во все. Мурату, известное дело, никто руки не подаст после такого позора. Я не хотел петуха выкрадывать, знали бы вы, как я отказывался, и вообще, все подробности, что здесь рассказываю, я узнал потом, много позже. Я сам хотел всё рассказать тебе, Лиуан, только не мог набраться смелости. Я говорил, что из этого ничего не выйдет, спалят, зря только рискую, в курятнике, по любому шум поднимется. Но они уговорили, я многим обязан Вороне, он денег одолжил, когда я машину себе брал. Отец родной не дал, а он дал, значит, не имел права ему отказать в таком пустяке. Это на игру, на розыгрыш было похоже, да и что за преступление, подумайшь, петух. Вот и залез ночью в ваш двор, Пират меня знает, это же я подарил его Мурату, не будет на меня лаять. Расчёт Вороны был в том, что препятствий из-за пса для меня не возникнет. Короче, взял петуха почти бесшумно, шею свернул ему сразу же, только курочки малость покудахтали. За курятником прихватил пару гвоздей, видел этот ящик сто раз, бывая у вас, и махнул через ограждение в переулок, на всё про всё ушла минута, не больше. Прислушался – в доме тихо, вышел к воротам, на них были уже две глубокие дырки от таких же гвоздей, на этом месте мы с Муратом вешали мишень и кидали дротики, так что прибывать их не пришлось. Только проткнул ими крылья петуха и сильно вжал в глубокие дырки. В это время, а шёл уже третий час ночи, как нарочно, домой подвезли Мурата, чуть было с ним не встретился. Мурат остановил машину в начале улицы и пошёл пешком, не то бы я попался. А ещё он вошёл во двор не через ворота, а перепрыгнул через забор из проулка и сразу пошёл в свой домик. Поэтому и не заметил бедного петушка. А к выстрелам на ферме я вообще не причастен, по правде сказать, я вообще не при делах, зря валите все на меня, на моей совести только этот несчастный петух. И, насколько я знаю, никто из ребят тогда с Вороной не был, он с разными тёмными людьми водился, старше его, я думаю, только они могли стрельнуть. А пацаны нет, откуда у них оружие? Да что оружие, они рогаток в детстве не держали, городские они все, так просто – блатуют, а из себя ничего не представляют. И Ворона не герой, он для виду носит пистолет, а сам только ворон и сможет им напугать, но и тех не пугает, говорит, нельзя, это мои родичи. А после встречи у родника и того, как Лиуан обращался с Вороной, тот посчитал себя оскорблённым, опущенным, хотя, конечно, вслух этого не говорил. Он думал, что пацаны за спиной над ним смеются и он теряет авторитет. Чем больше он хотел это скрыть, тем больше это проявлялось, без очков было видно, что ему не по себе. До этого он обрабатывал Мурата: вот, мол, ты меня предал, подставил. Теперь я, получается, должен возмещать деньги за изъятый милицией товар, а ты, значит, в кусты – я мол, не при делах. Мурат сам был потерянный, не мог ему даже обещать, что поговорит с отцом насчёт денег. И Ворона просто люто возненавидел Мурата, его считал причиной своего унижения. Ворона мстит, как будто щиплет тебя больно и всегда исподтишка,

здоровья подраться нет, но защищать человека может до смерти. А в тот день сам не подъехал к Мурату, следил за ним от университета на машине, Мурат проводил девушку до квартиры её родственников, ну, знаете её, с села нашего, не важно, короче, и подпустил своих приятелей: садись, Мурат, разговор есть к нему у людей. К тому времени я нагнал Мурата, мы вместе собирались домой. Услышав, что едем в село, предложили подвести, по дороге заодно и поговорят. Честно сказать, мы не знали этих ребят, не видели даже никогда, двое их было. Но в дороге они не произнесли ни слова, вот так, молча, и добрались до реки. Это как раз то место, где, если помните, в прошлом году утопил свою машину наш пьяный агроном, поляна там есть и берег пологий. Стояло несколько машин, люди у берега разговаривают, и Ворона среди них, злой, сам на себя не похож. Мурат вышел из машины, говорит Вороне в лицо, чтобы он отстал от него навсегда. Фокус, типа, не удался: голуби и кролики, которых Ворона спрятал в рукаве, теперь дома у него находятся. А за них он не собираетсЯ ничего платить. Какие кролики, заорал Ворона, начал возмущаться, кричал вне себя, ругался, захлёбывался и краснел. Помню только одну фразу из всего: сгною, говорит, в тюрьме, всю вашу породу сгною. На минуту они сцепились. Мурат, думая высвободиться, сделал резкое движение, и Ворона упал на одно колено, но руку его не отпустил, так и повис на нем. Но подбежал Плеш и схватил его за другую руку, вывернул её за спину, наклонил Мурата, надавил всеми своими девяносто шестью килограммами. Так они, держа его за обе руки, потащили к воде, и пока шли, Ворона падал на колени несколько раз, но руку не выпускал. Это место между двумя большими деревьями, вроде как лагуна, вода в ней кружится тихо, а до разделительной полосы с бурным потоком метра три-четыре. Окунали Мурата в воду с головой разов пять и держали его в таком положении по несколько минут, вытаскивали и снова окунали. Я хотел кинуться на помощь Мурату, но приятели Плеша меня схватили и не пускали к нему. Да не дёргайся ты, говорят, искупают его, уму-разуму научат и вытасчат, чего ты волнуешься. Я хотел вырваться, но моих сил было недостаточно. Я слышал: Мурат захлёбывался, кашлял, когда его вынимали, ослаб он. Я ещё раз попытался вмешаться, но тоже получил своё, не в воде, так на суше. Не верите мне, тогда смотрите: вот, под рубашкой, все рёбра мне перебрали, видите, в синяках моё тело, а вот я брюки подниму – по ногам я битой получил. Смотрите, думаете, я притворялся, когда ходить не мог. По лицу не били, а только в места, что скрыты под одеждой. И в живот меня больно ударили несколько раз, я лёг и дышал с трудом, не то, что передвигаться. Друзья Плеша все спортсмены, чуть что – сразу бьют, отрабатывают удары на живых людях. Из всех, стоявших там, только те ребята, что подвозили нас, высказали недовольство происходящим, так, мол, дела не делаются, поговорить же хотели. Но и на них заорал Ворона: заткнитесь, вы – уроды. С ослабленного Мурата он снял туфлю, но она выскользнула из рук и пропала в воде, тогда стянул другую

и стал каблуком бить его по голове: вот тебе, говорил, по твоей тупой башке, может, поумнеешь. Но вдруг Плеш сжалился, что ли, говорит, отпустим его, Ворона, с него хватит, а то ещё утопим, что-то он уже дрыгаться стал слабо. Плеш отпустил Мурата, вышел на берег. Тогда Мурат с трудом поднял голову и задышал что есть силы и возможности лёгких, задышал так шумно, как будто воздух всей планеты хотел вдохнуть. Дышал, кашлял, дышал и кашлял. Но тут Ворона набросился ему на плечи, и кричит: ах, он хитрец, прикинулся доходягой, надуть нас решил. Схватил Мурата за голову двумя руками и снова стал окуна́ть его в воду. Мурат ослаб совсем и не мог уже сопротивляться. Плеш и другие ребята говорят: ты, Ворона, оставь парня, лишкуешь уже, в натуре. Плеш залез в воду и вытащил за шиворот Ворону на берег, рубашку ему даже порвал. К этому моменту Мурат перестал сопротивляться, а теперь точно – хватит, говорит Ворона, вылезай ты тоже. Получил ты своё, мол, и нас заодно искупал. Черт с тобой, прощаю, говорит, что с тебя взять, ты и не нужен мне был, это отец твой всех нас кинул, волчара, а ты ни в чем не виноват. Потом повернулся к Мурату, он лежал на поверхности воды лицом вниз, и Ворона говорит: хватит притворяться, все кончено, подумались – и хватит, я удовлетворён, хоть так своё взял. Потом говорит: смотрите, разжалобить меня хочет, чтобы я слезу пустил, или он дыхалу свою приколотся испытывать, давай вылезай – и нам и тебе надо обсохнуть, выпьем мировую. Но Мурат не притворялся, ему не хватило воздуха в самый последний момент. Пока думали, что он играет с ними, его как-то неожиданно поднесло к разделительной полосе, поток его подхватил и унёс. Все думали, и я тоже, что он сейчас взмахнёт руками и выплывет за деревьями, но ничего этого не произошло. Бурный поток уносил его всё дальше, белая рубашка его потерялась из виду. Все стояли ошарашенные, слова не могли сказать, просто смотрели друг другу в глаза и молчали. Немая сцена. Ворона упал на колени и как будто застыл в этом положении, а другие слушали шум реки, невыносимый такой шум. А потом Ворона выговорил: если кто проболтается, если хоть одним словом, даже намёком, запомните, вас никого здесь не было и ничего вы не знаете. Лучше живите, пусть в страхе, но живите, так лучше будет для всех. Я позабочусь, чтобы люди узнали правду, и вы тоже её запомните: из-за ожидаемого позора Мурат сломался и утопился. Держитесь на людях, если что, этой версии, распространяйте её как предположение. А сам чуть не плачет. Ворона сразу же уехал, через отца он себя и свою машину зарегистрировал в другом городе несколькими часами раньше, на то время, когда Мурат был ещё на занятиях. А потом из страны уехал. Плеш тоже куда-то наглухо исчез. А другие все по норам, ни с кем я потом не встречался.

Выговорившись, Тимошка вытер слёзы, облегчённо вздохнул, из него заметно ушло внутреннее напряжение – теперь будь что будет. Он попытался сказать ещё что-то в своё оправдание, но слова никак не складывались, запнулся, снова вытер глаза и впервые посмотрел на Лиуана. Несколько

минут все молчали. Затем Лиуан встал, подошёл к машине, едва слышно произнёс: «Одно мне непонятно – как ты с этим жить будешь?»

В тот же день соседи видели, как машина Лиуана подъезжала к дому Исмела, но, не застав никого, он медленно, с неохотой садился в кабину и, прождав некоторое время, отъезжал. Так, говорили, повторялось несколько раз. Куда они все подевались, думал, кто-то же должен быть дома в выходной день, дочери его с внуками обычно бывают здесь по воскресеньям. И тут он с неприязнью вспомнил, что у Исмела, как и у него, тоже две старшие дочери и сын. В любом случае он не ляжет в кровать, пока с ним не встретится. Может, отправиться в город и там его поискать, нет терпенья ждать, всё должно решиться сегодня же. Проходившая мимо соседка сказала, что они в гостях у племянника его, поздравляют с новорождёнными, двойня у них. Что ж, Исмел никогда долго не засиживается на такого рода мероприятиях, у него для приятных застолий свой круг, стало быть, скоро вернётся. Ничего, подождёт, теперь уже все равно.

После сообщения соседки он ещё два раза подъезжал к воротам и снова возвращался домой. Там он метался по двору, разговаривая сам с собой, заходил в гараж, выносил оттуда мелкие запасные детали автомобиля, рассматривал их долго, заносил обратно и клал на место. Тело временами пробивала мелкая дрожь, нарастала тревога, к лицу подкатывали горячие волны, не поднимается ли температура. Вдруг он вскинул голову вверх и вскричал: как это понять – «он задышал так шумно, как будто воздух всей планеты хочет вдохнуть... каблуком по голове». Ты соображаешь, Тимошка, что говоришь? Ты сошёл с ума, Тимошка, это неправда. Ну, подумай сам: кто посмеет такое сделать с моим сыном? Он оперся о стену гаража плечом и снял туфли, бросил их в угол, туда же следом полетели и носки, а вода, Тимошка, холодная. В это время открылась дверь дома, на крыльце появилась жена, тогда он скрылся в гараже, как будто украл что-то и хочет это скрыть. Заметив, что она за ним наблюдает, он подумал, что ему необходимо совершать осмысленные действия, чтобы она видела эти самые его осмысленные действия. Не попасться бы до времени, действовать надо осторожно, представляю, какой я сейчас красный, все тело горит, что это я хотел сказать, ах, да: чтобы она удостоверилась, что я... что не я... что я не... что со мной все в порядке. Тимошка, как это – каблуком по голове? Ты просто глупый мальчик, наплёл от страха черт знает какой чепухи. Погоди, а где же ключи от машины, мне надо ехать. Воздух всей планеты, говоришь, ах, Тимошка, Тимошка. А что это такое? Да это же мой запасный генератор, я же могу отвезти его в мастерскую, вот и повод, могу, имею право, пусть думает, что у меня есть надобность отдать его в починку, у меня есть дело, надо машину починить, а без машины какая может быть работа, нужно держаться спокойно и быть убедительным, иначе эта ведьма снова меня запрёт, а мне надо обязательно отсюда выбираться, надо спастись, спастись, спастись во что бы то ни стало, иначе опять сырой под-

вал, кусок чёрствого хлеба с горшком воды, а по утрам коровы, коровы, коровы, и так весь день, весь остаток моей жизни. Бежать, сейчас же бежать, стоит ведьма, смотрит, скажу ей: вот взял на починку генератор, а то мой барахлит, подшипник шумит, отвезу сейчас его в мастерскую, а завтра заберу, стоит и смотрит, ведь не поверит мне, ни единому слову моему не поверит, соображает, как со мной поступить, прошмыгнуть бы мимо неё скорее, пока она соображает. Молчит, проклятая, вот направилась в сад, ну, а теперь дотянуть бы до ворот и – бежать.

Лиуан вышел за ворота, прижимая генератор к груди. Миновал свою машину, скорыми шагами дошёл до следующего переулка, до мостка через гнилую речушку, протекающую через всё село, и внезапно уронил генератор в воду. Как же нагрелся, пока он шёл до речки. Невозможно было его дольше держать. Лиуан пошёл дальше, не глядя по сторонам и никого не замечая, не поздоровался даже с соседями, мирно устроившимися на скамейках скоротать вечер. Что это он, говорили вслед, не хочет нас признавать. Да нет, он пьян, глядите-ка, как шатает его, и никак босой он. И в самом деле, ха-ха. Тихо вы, будет попусту молоть, в конце концов, понять его можно – такое пережить, одними мускулами и деньгами от горя не укроешься.

Машина Исмела стояла у ворот, ну, теперь он дома, надо идти, идти, времени осталось мало. Мало для чего, куда спешить, разве ему есть куда торопиться, не знаю, я ничего не знаю, но надо спешить, вот и ноги себе поранил об острые камешки, а может, и о стекло порезался. Почему так стучит сердце, в жизни ничто не могло его взволновать, чтобы оно так забилося, а сейчас вот-вот разорвётся. В теле набухает незнакомая сила, он берётся за ручку входной двери, опускает её, и она остаётся в руке, не поймёшь, как это получилось. Исмел стоит на открытой широкой веранде в спортивных брюках и майке, вытирает ноги и ругается с кем-то. Лиуан проходит вглубь двора, на зелёной лужайке стоит стул, на нем свежие газеты, их он аккуратно кладёт на траву, рядом – отломанную ручку, садится. Вечер сегодня прохладный, но отчего-то ему душно, глаза слезятся и дышать тяжело, расстёгивает ворот рубашки,тирает шею. Хозяин смотрит на него недружелюбно: ручка-то в чем виновата, нельзя ли осторожнее, и не простудится ли он, трава-то мокрая, полил её только что из шланга. Что там лопочет этот человек, хотя с чего ему радоваться незваному гостю, да ещё такому, как он? Ну да, наступил на помет щенка, игравшего на веранде в отсутствие домашних, и теперь чистит тапочки веником, бурчит: в доме беспорядок, а женщинам лишь бы по гостям ходить да за столом сплетничать. Веник сильным махом ударяет по породистому щенку, и тот летит с крыльца, перебирая пузом ступеньки, пронзительно скулит, прячась от жестокого хозяина за кустами роз. Похоже, домой он приехал один, тем лучше. А жар все нарастает, на лице выступает пот, наверное, где-то простудился, на стуле долго не усидеть, да и нечего тут засиживаться, встаёт и направляется к веранде. В ушах неожиданно возникает шум реки, вероят-

но, это есть тот невыносимый шум воды, о котором говорил Тимошка. Ах да, вспомнил. Он же хотел пойти к реке, но позабыл, теперь нужно торопиться. Мой бедный мальчик хотел вдохнуть воздух всей планеты, дышал ненасытно, тогда он ещё дышал и надеялся, что отец поспешит к нему на помощь. Лиуан всходит на веранду, шёпотом спрашивая, как посмел он стучать каблуком по голове его сына, зачем не дал ему возможности глотнуть спасительного воздуха, и разве не он распустил слух, что мальчик его покончил с собой. Исмел грозит ему пальцем: стой там и не двигайся, я ведь могу и выстрелить, послушай, не собирается он ни о чем с ним разговаривать, пусть убирается по-доброму. Исмел с ним как с человеком, а он на похоронах высылает вперёд зятя, и этот дурачок при всем народе указывает ему, Исмелу, иди вон. Оскорбить его хотели, унижить при всех, если бы не деликатность положения, он бы показал, как с ним надлежит обращаться. Но Исмел, в отличие от них, людей низких, себя уважает, не стал опускаться до их уровня. Но, увидев глаза Лиуана, этот взгляд без выражения, испугался, он же не в себе, о каком воздухе он тут говорил, какие каблуки? За пистолетом бежать в другую половину дома теперь поздно – догонит. Скрыться в комнатах и запереться – разнесёт двери. Оттолкнуть его и бежать на улицу к людям – рискованно, его, гада, это только разозлит ещё больше, да и не прошибёшь его, здоров, как буйвол. С такими надо больше разговаривать, убаюкивать их, и где это мои запропастились, сказали же, через час приедем сами. Послушай, Лиуан, я и в самом деле перед тобой немного виноват, не в том, конечно, что ты думаешь, а так, вообще по жизни. Зря я тебя сторонился все эти годы, что поделаешь, такая собачья у меня работа, чего нам делить, мы односельчане, вместе росли, в одну школу ходили. Не делай глупости, о которых потом будешь жалеть. Эх, не нужно было говорить последнюю фразу, прозвучало, как угроза. Лиуан приближается к нему, неторопливо берет за шею, пододвигает к стене, прижимает. Исмел лопатками касается поверхности прохладных дубовых панелей и в горле чувствует такую боль, будто на него упал чугунный столб. Что делать, он же ничего не соображает, как с ним говорить. В жизни он, кажется, не оставался один, вот подловил, так подловил. Может, просто стоять, ничего не говоря и ничего не предпринимая. Нагрубит, пофыркает, выскажется и уйдёт, чего ему бояться, пусть говорит, сколько ему захочется, перечить ему не станет. Сейчас вытерплю все: любые оскорбления, унижения, в ногах буду валяться, прощения просить, ну а завтра... Как же больно, задушит ведь, убери руку. Погоди, завтра он будет арестован по всем правилам, потом судим и сослан на край земли, откуда он никогда не вернется, уж он-то позаботится об этом, не знает, дурак, с кем тягаться решил, ой, что ты делаешь, проклятый. В этот момент мокрая от пота рука сжимает его шею. Скажи, Исмел: ты попадал в ситуацию, когда ты очень хотел жить, а тебе в такую минуту перекрыли воздух. И если бы тебе дали снова дышать, то ты, кажется, так бы и вдохнул воздух всей планеты, без остатка. Было,

спрашиваю, у тебя такое, идиот, ты понимаешь, о чем я тебя спрашиваю. Но Исмел не мог уже ничего говорить, от страха и нарастающей боли в шее он онемел. Попытка отвести его руку, отогнуть пальцы и вырваться показала ему бессмысленным занятием, и он никак не сопротивлялся. Что же это происходит, всё это глупо и такого быть не может: умереть в окружении стольких соседей, имея заряженный пистолет в соседней комнате, деньги, звание, авторитетную должность – да никогда тому не бывать, абсурд какой-то, в это никто не поверит. Значит, это просто кошмарный сон, скоро он закончится, и все будет, как прежде. И хотя Лиуан увеличивал давление на его глотку, со стороны могло показаться, что Исмел ничем особенно не обеспокоен, он только лишь с глупым удивлением рассматривает капельки пота под черными волосами душащей его руки. В какой-то момент, следуя один за другим, перед ним пронеслись два фрагмента, которые, впрочем, принял за продолжение кошмарного видения. В одном был щенок, испуганно смотревший на него из-за кустов роз, его было ему отчего-то жалко, но не мог припомнить, откуда его знает, и по какой причине явилась ему эта жалость. В другом фрагменте увидел, как в детстве, играя в тутовой роще, они с Лиуаном достали из коры поваленного дерева толстую гусеницу, и как его приятель проткнул её тупым концом палки, с любопытством наблюдая выходящие на свет потроха насекомого. Это было похоже на то, как сейчас Лиуан сильной рукой сдавливал его жирную шею: вот-вот расколется череп, а тело его, не выдержав напряжения, разойдётся и выпустит наружу содержимое, не ведая ни стыда, ни боли. Впрочем, никакой боли он больше не почувствует – передавленные сонные артерии еще до того, как он, бездыханный, сползет на измазанный щенячьим пометом пол, позволят ему незаметно скрыться от Лиуана в роще. А на коре останется разверстая тушка гусеницы на поживу птицам и другим неведомым хищникам.

...Лиуан до предела открыл огромные крепостные ворота чужого дома, убрал с пути стул с газетами и отломанной ручкой, закинув их подальше за кусты, и оглядел просторный двор: скоро он наполнится скорбящими людьми. Он направился в сторону дачных участков, большей частью ещё не застроенных и даже не ограждённых, через них река значительно ближе. Лиуан шёл босой по гравийной дороге и не чувствовал боли от мелких камней с заострёнными гранями. Походка его сделалась неуверенной, ноги отказывались работать слаженно, он то и дело задевал лежавшие на пути бульжники.

Возле одного из дачных участков он остановился, устало прислонился к стоявшему там автомобилю. Он не заметил, что под ним хозяин чинит какую-то поломку, напевая мелодичную песенку. Из этой песни, сочиняемой, вероятно, на ходу, было понятно, что скоро должны подъехать его приятели, с которыми предстоит вкусный обед на свежем воздухе. Взглянув снизу на ноги подошедшего – концы штанин мокрые, ступни ног в крови под плотным слоем дорожной пыли – он подумал, что какой-то бездельник

до невозможности ободрал себе ноги, не повезло ему, а он скоро будет выпивать с товарищами и есть чёрного ягнёнка. Такая вот несправедливость, он не виноват. Послушай, эй, там, наверху, убирался бы ты по-доброму, не сердя честной народ и не портя ему выходной день, не то заставлю машину мыть. Лиуан не различил его слов, но понял, что побеспокоил дачника, и, с усилием оттолкнувшись от автомобиля, пошёл дальше. Он чувствовал, что тело его слабеет с каждым шагом. Рука, бывшая в сильном напряжении несколько минут назад, безвольно повисла, он шёл как-то боком, вся сторона больной руки тянула его книзу. Из-за кустов соседнего участка вспорхнули два мальчика в магросках и, весело подпрыгивая, подбежали к матери, крича: мама, мама, смотри, вон идёт сумасшедший.

Ровные дороги дачных улиц в воображении его лукаво змеились, затевая с ним злую игру. Ноги как будто бы проваливались в грунт, как в слегка затвердевший снег. А может, это и есть снег, но откуда он теперь взялся? Выбравшись, он смотрел на ноги и видел, что они оплетены грязными изорванными простынями. Он садился на землю и делал распутывающие движения под недоуменные взгляды дачников, затем вставал и долго разглядывал предстоящий путь. Вон это место, сынок, уже немного осталось. Но ведь ему нужно как-то преодолеть эту заколдованную дорогу. Надо идти, и пусть не смотрят на его ноги, ему нисколько не больно.

А помнит ли он, как возил его сюда маленьким мальчиком на синем мотоцикле? В то лето река вышла из берегов и залила прибрежные земли до этих дач. Но тогда здесь было пустынное место. Залило даже шоссе. Ты с удивлением смотрел, как машины преодолевают потоки воды, колёс почти не было видно. Отец покажет сейчас изумлённые его глаза в тот момент, у него же сохранилась фотография. Хотя, что он такое говорит? Сынок, кажется, твой отец выжил из ума: у меня никогда не было фотоаппарата, как бы я мог сфотографировать твои глаза? Во всем селе фотоаппарат был только у Халида, он же фотограф. А что он делал в доме Халида? Я всё хотел об этом спросить. Не нужно к нему навещаться, ты же знаешь: человек он неровный, взбалмошный, пьющий, хотя и милый по-своему. Сынок, весь этот видимый мир перевернулся в моих глазах, и ты вправе считать меня сумасшедшим. И другие, наверное, так могут подумать. Мальчик мой, я даже не знаю, как это назвать. Или всё в моей голове помутилось, или, наоборот, наступила полная ясность – не разберу. Посмотри на меня, может, ты что-то понимаешь.

Но эти твои глаза, иногда ты так странно смотрел на людей. Бывало, обидит тебя кто-то, ты залезал под стол и смотрел исподлобья на обидчика, не отрывал от него взгляда, пока тот не смутится и не пожалеет о своём поступке. И точно также ты смотрел на меня, когда я выгонял тебя из дома поздним вечером, совсем ещё ребёнка, искать нашу единственную корову. Я был сердит: ты её не усмотрел, заигрался в поле с ребятами. На то ты и ребёнок, чтобы заигрывать, но я был очень рассержен. А мучительнее

всего: я послал тебя за коровой, выставив из-за стола во время еды. Потерял корову, а ещё спокойно сел ужинать, возмущался я. Но ты не знаешь, как больно потом меня обжигал остаток твоей трапезы. Кажется, я часа два сидел и смотрел на стол. От боли я не мог двинуться с места. Сметанный соус, картофельный пирожок и кусок сыра, который ты успел надкусить. Представляю, какое страшное сиротское чувство ты тогда испытывал. Каким одиноким ты показался мне в тот момент, мой мальчик, ты – ушедший один в ночное поле, ты – оставленный отцом своим. Я нашёл тебя глубокой ночью на холме под проливным дождём – где ж отыщешь корову в такую пору? Ты сидел на краю обрыва и смотрел вниз на реку, хотя, что ты мог видеть в темноте на таком расстоянии? Так не ведут себя дети в семь лет. Что думал ты, сидя на том холме? Может, проклинал меня? А может, ты в недоумении спрашивал: за что ты, отец, так со мною поступил, на кого оставил меня одного в поле, где мне одиноко и боязно? Трудно даже вообразить, о чем ты мог думать в таком возрасте. Это уже потом ты скажешь мне, что заблудился в этой жизни. Помнишь? Странно, но я никогда тебя об этом не спрошу. Я скоро забуду о том давнем случае. У нас ведь как: сына жалеть нельзя, он должен расти в трудах и суровости.

Нет, нет, что я такое говорю, совсем не в этом дело – меня все эти годы что-то спасало от воспоминаний. Иначе у меня разорвалось сердце, если б стал каждый раз вспоминать остывший пирожок и сыр с отметинами твоих маленьких зубов. Как мог я думать, что лучше тебя? Как мог на тебя сердиться? Не прощу себе, что пустил тебя одного к людям. На что я надеялся? Что примут и полюбят тебя? Нет, я очень просчитался, сынок. Ещё недавно казалось, что нет никого лучше и сильнее меня на всем свете. А теперь я хочу упасть к ногам самого скверного человека и признаться ему, что нет хуже и несчастнее меня во вселенной.

Сынок, вот этот берег. И вот то самое место, где ты ждал меня. Ты задыхался, погибал, и мог ожидать помощи только от отца своего, а я не появился. Мне нет прощения. На что нужен человек, если его нельзя позвать в самую тяжёлую для себя минуту. Он ни на что не годен. И тебе не советую знаться с такими людьми. Но я все-таки пришёл. Как странно: горная река, а совсем даже не холодная, правда? Какое блаженство для моих ног. Ты даже не представляешь, сколько я исходил этими ногами по земле. А так им хорошо только сейчас. Почти как в детстве. Тимошка говорил, что здесь поток сильный. Я нисколько не чувствую его напора, иду легко, как по взмокшей утренней траве. Тебе тоже так кажется? Мне уже по грудь, видишь? Вода гладит лицо и омывает мои глаза. До чего же здесь хорошо. Уже вечер, а все вокруг сияет, подо мной белые облака на ослепительно синем небе. Посмотри, разве это не чудо? Я знаю, ты здесь, сынок. Отзовись. Вот ты где. А теперь возьми мою руку. Вот так. Надо же, она у тебя совсем даже не холодная. Чувствуешь, как обдувает нас прохладный ветерок? Так легко и приятно здесь дышится. Держи, сынок, крепче мою руку, нам так долго теперь идти вместе.

Берберов Бурхан Абуясуфович – карачаевский драматург, поэт, прозаик. Родился в 1961 г. в селе Терезе Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики. Окончил режиссерское отделение Черкесского музыкального училища, ГИТИС, Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор филологических наук. Работал учителем в средней школе, корреспондентом республиканской газеты «Заман» («Время»), преподавал историю литературы и фольклора в Кабардино-Балкарском государственном университете. В настоящее время работает заведующим сектором карачаево-балкарского фольклора, ведущим научным сотрудником ИГИ КБНЦ РАН. Автор двух монографий, свыше ста научных статей, сборника рассказов и повестей.

Его пьеса «Деревянные сани» опубликована в журнале «Современная драматургия» (1992. № 5-6), в «Антологии карачаево-балкарской литературы» (на карач.-балк. и турец. яз., Анкара, 2002), в «Антологии драматургии Кавказа» (Париж, 2009), в «Современной литературе народов России: Драматургия. Антология» (М., 2020), в учебнике-хрестоматии «Къарачай адабият» («Карачаевская литература») для 7 класса общеобразовательных учреждений (Черкесск, 2014) и т.д. Его перу принадлежат пьеса «Медведь» (журнал «Тау аязы» («Горный ветер»), КЧГУ. 2019, №1), повесть «Мелодия старой гармонии», а также рассказы «Одеяло в клетку», «Нанык и Айю», «Запеленутые яйца», «Глоток воды» и др., написанные в философском ключе. Стихи Берберова включены в «Антологию литературы народов Северного Кавказа» (Пятигорск, 2003), в книги «Къарачай поэзияны антологиясы» («Антология карачаевской поэзии». М., 2006), в «Balkar Siiri Antologisi» («Антология балкарской поэзии». Анкара, 2017), а также в учебную программу для школ КЧР и др.

По мотивам повести в Балкарском государственном театре им. К. Ш. Кулиева в 2004 году был поставлен спектакль «Крик камня» под руководством режиссера, заслуженного деятеля искусств КБР М. М. Атмурзаева.

Член Союза журналистов РФ, член СП России. Награжден Почетной грамотой Парламента КБР, Почетной грамотой Министерства образования, науки и по делам молодежи КБР. Живет в Нальчике.

1. ЗЕМЛЯ

Мир тесен и древен. Но эта –
родимая сердцу планета.
И старше, чем бабушка – радость моя,
древней человеческого бытия, –
вселенской дорогою мчится
и сбиться с орбиты боится.
И смотрит с опаской на руки мои:
«Чего же мне ждать? Не таи...»

И если, от счастья слепой и хмельной,
я боли ее, словно сын неродной,
отвергну, отрину с плеча –
в обиде сторит, как свеча.

2. ОСЕННИМ ДНЁМ

Пришел к тебе осенним днём,
Ты вопросительно взглянула,
Но не спросила ни о чём...
И стужей на меня пахнуло.

И хлынул ливень. На двоих
Я зонт над нами раскрываю
И руки зябкие в своих
Заботливо отогреваю.

Когда и ливень позабыт,
Обиды – не имеют смысла.
А зонт – отброшенный лежит,
И в небе радуга повисла.

3. МНОГОСНЕЖНОЙ ЗИМОЮ...

Многоснежной зимою деревья плывут по реке:
Черно-голые сучья, ни снега, ни птиц.
И ничто не маячит для них вдалеке.
Долгий путь без границ.
От корней оторвавшись, несутся по прихоти волн.

Чем мы, люди, счастливей? Надежен ли времени челн?
Плыть устанут деревья, и, воле реки вопреки,
в берег вцепятся сучья, причалят стволы-челноки.

Ты оставишь родных
в день безоблачный, в полдень высокий
для объятий моих –
там, где солнце встает, – на востоке.

4. ДОЛГИЙ ПУТЬ

Беспощадное солнце в степи
в пустоте неоглядной стерпи.
Закричишь – пустота не помеха,
но на крик не отвечает эхо.

Шел могилам родным поклониться,
вижу поле полегшей пшеницы.
Ветер слезы мне вытер. В тоске
скорбный колос я сжал в кулаке.

5. ОТБРАСЫВАЕТ ТЕНЬ НА СТЕНУ

Отбрасывает тень на стену
висящий на гвозде кувшин –
то лунный луч, придя с вершин,
его наполнил сокровенно.

В стене не поржавеет гвоздь,
и нету трещин на кувшине.
Для сердца ты – желанный гость,
приди, как лунный свет – к вершине.

И снова тень отдаст стене
кувшин, наполненный луною.
Я верю – ты придешь ко мне
и не расстанешься со мною.

*Перевела с карачаевского
Наталья Аришина*

ПЕСНЯ О СЦИЛЛЕ

На трещину вязкий платок, или будешь покорна
Надкожному зареву, не устающему литься.
Преддверие. Горькие, словно каштаные зерна,
Глаза раздирают колочую шкурку о листья.

Я бросил тот камень, старуха, узнай же, старуха.
И ты выметала осколки и лужу варенья
Вишневого. Будь за порогом и вытяни руку
В закат, и скажи мне мистерию на исцеленье.

Спешу обронить меня в этом прокушенном мире,
От века наказанным и переплывшим границу.
Замкни мою голову в шестиголовой квартире
Ангиной и каплею кофе на белой странице

«Улисса». Иди же, и пусть на гнилые волокна
Смешной разлагается грим от слезы ацетонной.
Раздавленные муравьи и разбитые окна
Сползаются пусть на ковер из артерии сонной.

На трещину капают воск и летящая утварь
Сарая. И голову я укрывать не умею.
Заросшее имя на крыше и ржавое утро
Рифмуются накрест, подобно бумажному змею.

Я продолжаю жить.
Я надрываю нить.
Вваливается свет
В мой заоконный бред.
Солнце моя звезда.
Люди и города,
Лошади и река,
Желтые облака,
Льющиеся к вискам.

Я укрываю шрам.
Я обнимаю вас
Небом трехгранных глаз.
В ноздри моих подруг
Врезан их полукруг.
Рыжая пелена
Режет пятно окна.
Пиршествуй, влажный лист.
Я пред тобою чист.

ВЕРОНИКА

У камней, разжеванных
Семицветной водой,
Я увидел опустошенную
Темной.

Грязными пятнами
Выслана земля идущего.
Смех свершающегося
В боли неодолимой.

Венчает короной,
Тащит в ад
Обескровленный и огромный
Рыдающий взгляд.

Золотистыми пятками
Я протягиваю нить будущего
В расслабляющееся
Ухо любимой.

ПОТЕРЯННАЯ СТРОКА

На замерзающей улице
Она стояла у ног.
Из переулка обрушился
Ее золотой висок.

Она зашаталась медленно,
Теряя глаза и свет.

И город мой переполнили
Холодные голоса.
И путь осветили поздние
Оранжевые глаза.

Рожденная вне страдания
На грани снега и слов,
Рождающая рыдание
В кружении поездов,

Я слышал невероятное.
Но, сквозь подземельный смех,

Она ждала опаленного,
Оплаканного грозой.
Нашла кривого и сонного.
Упала в закатный зной.

И мокрое небо открыто и ярко,
И город – обветренный грот,
Когда по задворкам и праздничным аркам
Гуляют и руки, и рот.

На блюде серебряном дышат печенка
И сердце, и прошлого нет.
И не вспоминаю, что желтым и черным
Ты скрыта, когда будет свет.

И с белых ключиц обрываются листья
Июльских и лунных лугов.
И в нас преломляются черные кисти
Проулков и тесных углов.

Тебе не придуманы высшие ноты
Короною вокруг головы.
Во мне тяжелеют высокие ноги
И все перепонки мертвы.

И снова рождаются первые двое,
Свое пробужденье черня.
И внятно, что вечное или святое
Короче слепого червя.

Во гроте, где ветер смеялся и правил,
Где ты, обожженная, спишь,
Язык доедает задушенный дьявол
И ангелы падают с крыш.

Ты купаешься, неба оранжевой.
Плечи брызжут, как жареный сом.
Всей мечтой, как слепой Микеланджело,
Я ощупал тебя за углом.

Ограненная алым купальником,
Подошла ко мне, рыжий алмаз.
О, зачем называешь паяльником
Мое озеро мартовских глаз.

Ты другая и свет другой.
На резьбу наворочен пласт.
Раны вымазаны землей.
Бог подаст или не подаст.

И не знаешь, о чем шептать,
Отдаваясь больному сну.
И не слышится, где искать
Нарисованную страну.

Я остаюсь, когда, черным сметая плащом
Осень, проходишь, и снова прохожие, дом,

Очередь за помидорами, урна, фонарь.
В дом возвращаюсь, откашляв утраты и хмарь.

Свитер снимаю, болотом несет из окна.
Комната, как одеяло, пуста и темна.

Ужин уснул на тарелке в говяжьем снегу.
Ноготь пылает в ковре, что иголка в стогу.

Холодно у занавески в углу, и живет
За телевизором белый невидимый крот.

Чайная ложечка между страницами. Кит
Странствует. Гумберга на Рокантена тошнит.

Времени мало, и кофе дымится, и вдруг
Кожу защипывает итальянский каблук.

Пыль на ресницах, и, дернувшись черным плечом,
Смотришь малиновым, как окровавленным, ртом.

Пережигая в саванну бетон и мазут,
Ноги открыто оленье мясо грызут.

Я не о том, охраните. Стальные глаза,
Влажные, злые. Расшатывают голоса

Дверь. Отхожу от стекла и ругаю людей.
Хмуρο встречаю пугливых усталых друзей.

У драматурга на локте висит барабан.
Гаснет видение, и проверяю карман.

Слякоть на лестнице, снова прохожие, дом.
Я выхожу с неопущенным воротником.

Женщину, поднятую с океанского дна,
Смою с ладони, ловец, дуновеньем вина.

У стены обожженные стекла,
И твой облик размыт и неверен.
Это губы, но слышится теплый
Опаляющий утренний берег.

Десять пальцев, как детский рисунок,
Растеклись у оранжевой лампы.

Исцарапана комната лаком,
Но окрашивается рассудок.

Твои плечи в сосудах и листьях
Оставляют упругие гнезда.
Поднимаются черные искры.
Увлажняются карие звезды.

Наполняя и вечер, и холод,
И свободой кутая стены,
Ты подобна высокому снегу,
Что идет на готический город.

Я прошу тебя, неосторожно
Задыхайся, как горькою рвотой,
Этой сладкой двоящейся дрожью,
Этой черной и точной работой,

Где мгновенье огромно и гулко,
И равно остановленной ночи.
Опадает в холодные ноги.
Поднимается в теплые губы.

Где, сминая, как мокрую вату,
Что назначили мы, совершится.
Исцеляя разбитую вазу,
Нас окутывает совершенство.

Остановлено. Тонные волны
В потолок осторожны и звонки.
Уронила колени и звуки
Серебристым изгибом валторны.

Плотный мир исцарапан и скомкан.
Мир иной не бывает и не был.
Жесткий день уплывает из комнат,
Протянув тебе чистое небо.

80-е

СВЯЗУЮЩИЕ СТРОКИ

Летом 2021 года Общество книголюбов Кабардино-Балкарии объявило литературный конкурс для молодых авторов республики, пишущих на русском языке. Инициативу поддержало и субсидировало Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР. Главным призом стало издание отдельной книги, поощрительными – дипломы, книги и публикация в «Литературной Кабардино-Балкарии». А важнейшим и, признаемся, неожиданно радостным открытием конкурса – тот факт, что пишущие и перспективные люди в республике есть. Как это ни странно для нашего времени сурового практицизма.

Ни для кого не секрет, что самореализация творческой, в частности пишущей, молодёжи – непростой процесс. В республике всего несколько площадок, предоставляющих возможность опубликовать свои литературные произведения (журналы «Литературная Кабардино-Балкария», «Ош-шамахо», «Минги-Тау», детские журналы «Солнышко», «Нур», «Нюр») или издать книгу (издательство «Эльбрус»). В последнем существуют солидные очереди на издание, а частные полиграфические предприятия финансово неподъёмны для молодых людей. Нередко это приводит к тому, что начинающие писатели покидают республику в поисках лучшей доли.

Сегодня в Кабардино-Балкарии существует ряд конкурсов для выявления талантливой молодёжи, работающей в разных направлениях. Но литературных форумов, включающих в свою программу встречи с известными писателями, в республике нет. Для участия в мастер-классах молодым писателям и поэтам и вовсе приходится уезжать за пределы КБР, например, на Школы писательского мастерства или встречи молодых писателей России, организуемые Фондом СЭИП (Москва), что только укрепляет пишущих в мнении, что творческая самореализация возможна лишь за пределами малой родины.

Суть и цели конкурсного проекта, конечно, не только и не столько в издании отдельных книг победителей, а прежде всего, в консолидации творческой молодёжи республики, создании устойчивых связей между представителями разных возрастных групп литераторов – от начинающих до маститых мастеров слова – с помощью мастер-классов и творческих вечеров. Таким образом, вовлеченные в республиканский литературный процесс молодые писатели получают возможность развиваться, обрести единомышленников и заявить о себе, не уезжая из родного края. Также проект направлен на создание некой устойчивой общности в среде начинающих литераторов Кабардино-Балкарии, интеграции малоизвестных и не имеющих официального признания в общереспубликанский литературный процесс. После прошедшего недавно съезда писателей КБР правление СП приняло решение о возобновлении практики регулярных семи-

наров творческой молодёжи – как в виде ежегодных презентаций, так и в режиме обучающих и консультативных встреч в организованных Союзом писателей ЛИТО. Последние будут функционировать при журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Ошхамахо» и «Минги-Тау», и формироваться по языковому принципу.

И сегодня мы публикуем произведения поэтов и прозаиков, которые, как мы надеемся, составят основу Литературного объединения при нашем журнале. Это люди разного возраста и профессионально уровня – от вполне состоявшихся личностей до учеников школ. Объединяет их одно – Божий дар, явно и очевидно проявленный в их текстах. Очевидно настолько, что каждый из них, по скромному мнению редакции «Литературной Кабардино-Балкарии», имеет шанс стать настоящим художником слова. Более того – некоторые из них этот шанс уже реализовали, и им остаётся только расти и совершенствоваться.

Итак, мы представляем вашему вниманию тексты молодых литераторов – участников нескольких творческих объединений, в том числе победителей конкурса Министерства по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР и Общества книголюбов.

*Александра ГИРЕНКО,
преподаватель английского языка*

*«Я ломал стекло, как шоколад в руке,
Я резал эти пальцы за то, что они
Не могут прикоснуться к тебе...»*

Nautilus Pompilius

Я тебя отпускал. Я выламывал хрупкую кость,
Вырывал тебя с мясом и резал по контуру вен,
Я хлестал из горла обжигающе-едкую злость,
Обрывал свои снасти, валился в спасительный крен.

Я кричал, я рычал, я хрипел в безответную ночь,
Я хотел заглушить ненавистный набат тишины...
Умолял небеса – но никто там не жаждал помочь,
Предлагал свою душу – никто не назначил цены.

Я смеялся навзрыд, я себя распахнул темноте –
Но не стало чернее в изглоданной боли груди.
Я шагнул через край, я так страшно покоя хотел –
Но покой обернулся тобой и сказал: «Уходи...»

Я устал отдирать твоё имя с запекшихся губ,
Я забыл, как дышать без твоих шелестящих шагов –
Я подбитым грачом распластался на сером снегу –
Не добьют – я не нажил себе ни друзей, ни врагов.

Я устал отдирать твоё имя с запекшихся губ
И горящее сердце до боли сжимать в кулаке...
Ты, конечно, не ведьма и меньше всего ты суккуб –
Просто линия жизни на этой бессильной руке.

Касаюсь луны перебитым крылом,
Бесшумно парю над обрывом...
Зима постепенно пойдёт на излом,
Отплачет февральским надрывом.

И я надышусь ядовитой весной,
Скляю беспризорные звёзды,
Упавшие сдуру в кустарник лесной,
В пустые кукушкины гнёзда.

И я упаду желторотым птенцом
В траву, и затихну от счастья...
Я всю эту зиму была молодцом,
Привязана крепко к запястью.

Летала не дальше, чем ты позволял,
И прятала в крыльях свободу,
Смотрела, как медленно тает земля,
И вниз обрывалась с полёта.

Я больше не буду искать твою тень,
Бояться взлететь без оглядки,
Стеречь твою боль, разгонять твою лень,
Садиться к тебе на перчатку.

Охочусь за мышью бессонной совой,
Рыдаю, как выпь на болоте...
Смыкается лес над моей головой
В извечной древесной дремоте.

Он шепчет, он свищет, топочет, рычит,
Мышкует, сопит и воркует.

Он редко и очень недолго молчит,
Потом – шелестит и тоскует.

Он – зверь-нелюдим, он один, как и я,
Купается в птичьих мотивах,
Он слушает сердце певца-соловья
В ожогах от злобной крапивы.

И мне здесь найдётся незанятый куст,
Хоть, в общем-то, я и не птица –
Мне крылья дала неизбывная грусть,
И вот уже с месяц не спится.

И я прилетаю в таинственный лес –
Здесь всюду мои отпечатки...
Лежит под кустом позолоченный крест
И чёрная с мехом перчатка.

*Марина МАЗУРЕНКО,
журналист*

Страх просыпается, когда остаюсь одна.
Я резонатор – дерево, сталь, струна,
Без чужого касания мне не бывать живой,
Но лучше не чувствовать ничего.

От фальшивой ноты лечатся немотой.
Я привыкаю ходить пустой,
Чтобы не звали и не тянули рук,
Пусть выключаюсь, если стихает звук.

Эта аскеза – убежище и броня,
Тишине не нужно ломать меня,
Навязывать ритм, диктовать слова.
Однажды я буду звучать сама.

ДОМ

Рисовала дом всю ночь до утра,
За основу приняв изгиб ребра.
Кора
Столетнего древа – дому стена,
Еле заметный шрам
Клеймит решётку окна.
Я не одна:
На бумаге каждая тень густа,
От балюстрады до розового куста.
Цвета
Проросли на лозе перил.
Буквы легли в тонкую плоть листа.
Всё, что мне кто-нибудь говорил,
Выжжено изнутри.

На мёртвых наречиях шепчутся тополя,
Небо темнеет, основательно занедужив.
В кошельке ни рубля,
Наушники барахлят,
Дорога с работы – висельная петля,
При попытке к бегству затягивается ту же.

Лужи – не вызревшие моря,
Трещины тротуара – пробники Марианских впадин.
Витрины горят,
Улицы говорят,
Соседский дог выдыхает привычно: «ррряв»,
Подъезд разевает рот, безлампочен и всеяден.

Рядом истекает ядом в палисаднике высаженный анчар,
Плохо сносящий сентябрьские напасти.
С ним сегодня заварят чай,
Завтра будет гореть свеча
И последнее ча-ча-ча
Спляшут комья земли на счастье.

*Камилла МАКИТОВА,
преподаватель русского языка и литературы*

ПЕТЕРБУРГУ

Я бы хотела остаться с тобой всегда,
До солнца, до звёзд и покуда не кончится время,
Какие б меня ни манили ещё города,
Какое б ни выпало в будущем тяжкое бремя.

В твоих очертаниях кроется новый день –
В столетиях стен, отгороженных чьей-то судьбою.
Завистникам только б судачить, а может, лень.
До тех пор бы справиться просто с погодным боем.

Здесь нынче, как в сказке, зима нарядила сны,
Заметно промёрз до прожилок гранитный камень,
Ледовые сабли снастей подождут весны,
А в сердце, как в город, ворвётся с морозом пламень.

Я так же, как ты, пытаюсь бежать,
Закрыться, согреться,
Ждать
Минуты. Считая до боли,
Ясной и цельной.
В неволе
Так хочется снова принять,
Прижать и отречься.
Унять
Несчастье. Порывами бьётся,
От лобной доли до сердца.
Льётся
Слезами. Годами проходит
Метко, гладко, грань
На исходе.

Каждый день – как итог, или нечто пустое,
Написать сотни строк и понять, что не стоит...
Ждать рассвет и потом наслаждаться закатом,

Предначертанным судьбам не нужно знать даты.

Стать немного святым, хоть никто не поверит,
Не сжигая мосты, открывая все двери.
Отпустить наперёд свои чувства и мысли,
Превращая в добро всё, что так ненавистно.

Здесь не ставят на паузы, сжигая моменты,
Смейся, плачь, как герой из любой киноленты,
Выбрось мысли к чертям и целуй наудачу,
Время – в них, в мелочах, и никак не иначе.

*Анзор ЖОЛДАШЕВ,
певец, композитор*

так часто поражающий цели
не могу попасть в этот мир
меня солили, перчили и ели
проглотить же меня не смогли

в правде своей как в обмане
молчал! выкрикивал! пел!
лошадь искал в тумане
на которой верхом и сидел

волнением дорога открылась
кровь! биение! прёт!
жизнь моя проглотилась
а кто-то ещё грызёт

путь пылко сердца жаждет
сердце в пути живёт
каждый в своей неправде
правду свою сожжёт

дорога ставшая днями
дни эти между нами
спутаны под ногами
вмятинами следами

пожимаю плечами
глаза не лепятся снами
три ночи я в инстаграме
рифмы – цунами
на «ЯМИ»
на «АМИ»
ПАДЕЖ ТВОРИТЕЛЬНЫЙ

[не в рифму]
К ТЕБЕ Я ИДУ
дорогами
путями
днями

Созданный не перестанет
Бросаться в Создателя сором.
Прозой, от которой не станут
Стихи сплетаться узором.

Сроками сдавлен горбатый,
Избегает прямого взора,
Благодарностью пережатый
Невысказанной, как позором.

Заколотый молнией дважды –
Начинаю свой новый рассказ.
Блуждал в коридорах надежды,
Спал в гнёздах несказанных фраз.

В любви прораставшего бьёт
Недолюбленный тысячу раз.
Созданный не перестанет
Создателю целиться в глаз.

Неблагодарный
сувениром обзывает Алмаз!

Дарья ШОМАХОВА,
главный редактор журнала «Солнышко»

пока
молчишь
и смотришь
в ту сторону
в потом в эту
но всё время как будто
не в ту сторону
пока идёшь впереди
не глядя вообще никуда
пока ты есть
и облака напалзают
не нарушая горной ватной тишины
я буду бегать кругами
треугольниками и ромбами
или вовсе
параллелограммами
и смеяться
чтобы тишина не поглотила
хотя и в этом случае
буду помнить –
ты есть

ШЁЛ ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС ЗА ПРЕДЕЛАМИ КБР

Закончились горы,
И я с ними.
Нальчикский синдром,
Говорит муж,
Горная болезнь наоборот.
Спотыкаясь на равнине,
Побегу обратно, наверх.
Но это только завтра.
А пока
Остаётся нить, что всё вокруг
Слишком одинаково,
Глазу зацепиться не за что.
Спуститься с гор за солью,
Как в дурацкой шутке,

И обнаружить,
Что соль –
И земли, и натрий хлор –
Была там.

З. Г.

Смерть приехала из Китая,
Изрядно задержавшись на таможене.
Кормила меня завтраком,
А порой обедом
И даже ужином.
Подносила ложку
К моим ещё тёплым губам
И, скалясь, посыпала землёй
Мой, как и положено,
Грешный язык,
Чтобы из него,
Если очень повезёт,
Проросло прекрасное
Древо стиха.

Кантемир КАРДАНОВ

ЗА ГРАНЬЮ...

*(отрывки психоделического текста,
рождённого личным опытом)*

«Где я?.. Что это все за... такое?..»

Зрачки широко раскрытых глаз бегали из стороны в сторону и жадно съедали свет. Рывок за рывком, вскармливая ненасытное удивление ничего не понимающего разума. Человек сел на колени и осмотрелся, попытался встать, но, взглянув вниз, упал от страха. Он стоял на чем-то, похожем на стекло. Это само по себе не столь изумительно, но факт отсутствия каких-либо опор... Платформа парила, и парила высоко в небесах.

Плотно прижавшиеся друг к другу в объятиях, струи облаков целеустремлённо куда-то брели, и нельзя было сказать, в какую

сторону света. Здесь ничего нельзя было сказать... Всё не то. Всё не так.

«Это сон, наверное... Это сон... Как я попал сюда? Не знаю... Сон, точно сон...»

Всё ярко освещалось... Чем? Небеса кремового цвета, будто не от мира сего, даже светила не имели, хотя тени падали так, что оно обязалось стоять где-то в зените. Облака сжимались, скрывая всё под собой: неясно, что могло там укрыться. И ветер... Ветер не гулял, а они плыли... Но как?

Он не сразу заметил, что сидел нагим. Страх ушёл, осталось тотальное непонимание. Будь он в атмосфере Земли – замёрз бы, задохнулся... Но нет ведь, дышится, живётся!

«Как понять... Упасть? Нет... Страшно...»

Человек встал в полный рост. Колени скашивало, обуревал страх ненароком провалиться вниз. Он босыми стопами аккуратно продвинулся к краю, который нелегко было различить... Дошёл. Глянул вниз, дрогнул, кинулся назад... И сорвался. Крик замолотил кувалдой в груди, но вырваться не мог. Как две крысы, испуг и самообладание, желание умереть и желание оказаться в безопасности, оказались одни, замурованные, готовые вцепиться друг другу в плотки и разодрать их в кровь... Всё ниже и ниже, всё холоднее, темнее, страшнее... Пока не стёрлась в пыль уверенность, что человек вообще падает. Крик погиб, истлел, и пепел его облаком вырывался из носа, изо рта: тлен в трубах концлагерных печей, нагнетённый взволнованным, частым дыханием. Сердце человека замерло в темноте, в вакууме космоса, но звёзды не указывали путь. Они исчезли.

Вдруг ослепительные полосы пронзили всё и вся. Они шли откуда-то из-за спины и стремились куда-то в непроглядную даль. Человеку казалось, что он поворачивает голову, но картина стояла бессменно, словно не светом были полосы, а дырами в плотно прилегающей маске, куда врывались лучи окружающей реальности.

Раздался пронзительный вопль. Содрогнулось всё. Центр картины размылся в блёклом пятне, куда стеклись все краски. Свет полос тех звёздами проезжал мимо, давление сжало тело, дав человеку впервые почувствовать себя камбалой, совершившей прыжок-искривление. Вмиг расступилось пространство. Дыра в обоях тьмы ширилась и поглощала всё. Человек уже не мог терпеть: внутренние органы, душа и самомнение его стремились навсегда покинуть тело, оставив кожу плакать о былой целостности... Но он успел.

Тело на невероятной скорости влетело в иное измерение. Удар за ударом, оно подлетало и билось оземь, степенно замедляясь, пока не застыло без движения.

– Что за чертовщина!?! – кричал человек вслух, не в мыслях.

Тело его было цело, как ни странно. Меж пальцев теснилась трава, свежая, зелёная... красивая... неестественно... Вокруг непроглядной стеной строились стволы деревьев, словно солдаты, без единого шороха. А облака пропали. Их место занял... Глаз. Человек снова вытянулся в полный рост. Забыв обо всем, что происходило, он удивлённо смотрел на небесное Око. Оно было необычно, не таково, как у известных живых существ, совершенно непохоже.

«Что же ты такое?..»

– Я Бог твой.

Гулкими ветрами меж лиственниц было пронизано слово из уст некоего разума. Он сотрясал, однако не был осущитим обыкновенно, словно голос человека. Точно сам Господь произнёс это... Человек пошатнулся, огляделся с удивлением. Но он не верил.

– Невозможно...

– Не пытайся противиться.

– Когда этот глупый сон прекратится?!

Он сел, склонив голову. Попытки выйти из провала: смыкание век, концентрация мыслей. Но ничего не происходило, ничего не давалось.

Нежданно почва под ногами человека обезумела. Твердь вздымалась кубами и тяжёлой дымкой вертелась, вымешивалась в небесах. Кубик Рубика разбился и пытался найти себя в руках бульварного шулера. Поиски шли скоротечно, пока не выстроился земляной купол над головой человека, сокрыв небеса, оставив того в темноте и одиночестве. И снова воцарился мрак и вакуум...

Ему казалось, что глаза сомкнуты, но отличить одно от иного оказалось сложно. После нескольких попыток его вдруг ослепило. Он растёкся на бетонном полу, а вверху засияла лампа, точно пришедшая погостить из детективных фильмов с допросами. Глаза привыкли быстро.

Человек развернулся. Где он?

За пределами владений доблестной армии фотонов крылось феерическое ничто, тьма, безграничная мгла, сменой пришедшая на место кубов почвы. Человек побежал, не зная, куда, в какую сторону движется, в итоге войдя в мёртвую зону. Не успел он осознать это, как появился свет. Человек остановился и возвысил взгляд. Ему приветливо мигала уже знакомая лампа.

Взгляд принял рассерженные очертания, ноги ринулись вглубь темени, все быстрее и быстрее. Но свет был все ярче. Быстрее. Ярче. Быстрее. Жарче. Он упал, опалённый тысячей светил, взревших пламенем внутри стеклянной сферы. Лишь миг, лишь боль и бессилие, и жар испарился, рассеялся.

– Господи, что ты такое... Куда ты меня привёл?!

– Я Бог твой.

Пред лицом измученного встал пепельный образ. Человек отскочил, словно ночной кузнечик, обожжённый зажигалкой бессонного юнца.

– Но как...

Пепел стал пулей, впившейся в нейронные дебри.

Наступил сон...

Пробуждение. Белый зал. Диван и плед. Кресло. Седовласый старик. Первая мысль:

– А это рай, видимо...

– Возможно.

Комната, как собирательный образ земных стереотипов о мире святых. Быть может, это все ещё был сон, но человек о таком не думал. Не было смысла сопротивляться: не было сил. Остались лишь вопросы.

Человек некоторое время отстранённо смотрел на старика. Тот отвечал взаимностью. Но тишина все же прервалась.

– Кто вы? – прозвучал вопрос.

– Ты знаешь. – донёсся ответ. Человек незаметно закивал, хотя в глазах его оставалось неверие и непонимание.

– Как такое возможно?

– Здесь возможно все.

– Зачем было всё, что до этого случилось?

– Дабы ты смирился.

– Но я не верю! Я проснусь, наверное... Господи...

– Веришь.

Человек взглянул вопросительно.

– Веришь, но не понимаешь. Тебе нужно всё узнать. Задавай вопросы, – окончил старик.

Всё, бывшее вокруг, слепящим блеском брызнуло в глаза человеку, и тело его ощутимо воспарило над уже неразличимыми в сверкающем киселе предметами. Пустота, обволакивая человека, не существовала и существовала одновременно, разила холодом и одаривала теплом, в конце концов, с дыханием втекала внутрь и, вмешиваясь в кровь и бурля, дурманила мозг благоговением. И все вопросы, казалось, находили ответ, а те, что не нашли – трепетали в ожидании.

*Карина АСАДУЛАЕВА,
выпускница СКГИИ*

СОРОК ПЕРВЫЙ АВТОБУС

Сорок первый автобус следует по маршруту от Витязевской улицы до Красноармейского проспекта. Интервал движения – восемь минут. В 7:36 влетаю в переднюю дверь и занимаю место в проходе. В 7:52 ты появишься здесь и сядешь... каждый раз гадаю, куда тебе захочется сесть. Мы работаем в одном торговом центре около полугода, садимся в один автобус каждое утро с понедельника по пятницу с разницей в шестнадцать минут. Это уже очень много и почти ничего. Давай так: я буду выходить, оступлюсь, и ты подашь мне руку? Или так: я скажу водителю, что забыла кошелек, ты вскочишь со своего места, предложишь оплатить мой проезд, я растеряюсь, скажу, что соглашусь, только если это в долг, ты рассмеёшься «мелочь!», я стану отнекиваться, ты настоишь на своём, я растеряюсь дважды и широко улыбнусь. Ну, или автобус решат захватить глупые террористы, глупые, оттого что не проработали пути отхода, крикнут «лежать», все лягут, женщины заревут, дети закричат, или наоборот, я окажусь ближе всех к выходу, и когда через несколько минут завонят полицейские сирены, один из террористов схватит меня за волосы и станет угрожать самым ужасным образом, при штурме все пассажиры выбегут через запасные выходы, а ты – захватчиком: «Я останусь вместо неё», я ошеломлённо буду смотреть на тебя полными благодарности глазами, и дрожащие ноги уведут меня от беды. Снаружи будет целый встревоженный мир, я обернусь, встречу с тобой взглядом, ещё мгновение – и будут грохот и дым, я хочу закричать, но я не знаю, какое из всех на свете имён – твоё. Я опущусь на корточки, я хочу стать меньше, я хочу пропасть из виду. Исчезает шум, и дым, и что-то ещё очень важное вместе с этим. Очевидно, нас спасли. Я открываю глаза в нужный момент. Наша остановка. Сегодня ты сидишь напротив. Дорога была длинной и ты уснул. Ещё секунду я по-матерински ласково смотрю на тебя и, так и не решившись разбудить, выбегаю из автобуса.

*Джамия ХАДЖИЕВА,
программист, сотрудница КБГУ им. Х. М. Бербекова*

ИНКАЗУМА

Инказума всегда приходил в одно и то же время и, разложив особым образом дрова, разжигал костёр. К тому времени когда небо окончательно

но темнело, костёр пылал всюду, бросая отблески на лицо Инказумы и сверкая на его расшитой мелкими бронзовыми каплями мантии.

Когда в небе над пустыней начинали появляться звёзды, все дети знали – наступает время историй. Они мчались стайками между шатров к большому костру, там, где обычно сидел Инказума, а потом, толкаясь и споря между собой, занимали места на пёстрых коврах, расстеленных вокруг.

Никто не мог сказать, сколько Инказуме лет – он казался и древним, как луна, и юным, как только что получивший первое расписное перо гаруда. Много лун назад племя нашло его лежащим среди песков без сознания и с обгоревшими пальцами. Его выносили, и он остался жить с племенем, помогая в обычных делах и рассказывая вечерами сказки.

Инказума знал бесчисленное количество историй – придуманных им самим, другими существами, произошедших на самом деле и тех, которым только предстояло случиться. Для слушателей это всегда было игрой – угадать, откуда пришла очередная история – из зелёной страны за морем, из-за гребня Зубасто-Скалистых гор, из древнего фолианта с хрониками давних времён или напрямиком из причудливого лабиринта воображения Инказумы.

Он доставал из бездонных карманов сладости, похожие на белые облачка, и, раздав их всем, начинал рассказ. Дети слушали, раскрыв рты и затаив дыхание, а часто подходили и взрослые, оставив на время свои дела. Иногда рассказ Инказумы прерывался взрывами хохота, порой все тихонько утирали слёзы, но всегда в конце детвора гурьбой обнимала Инказуму, а он обнимал их в ответ, и им казалось, что его объятья так же огромны, как и усыпанное звёздами небо над ними.

*Диана КУПОВА,
студентка СКГИИ,
факультет «Литературное творчество»*

ПОЗВОЛЬТЕ НАРИСОВАТЬ ВАШИ ГЛАЗА

(отрывок)

1963 год. Маленькая девочка с двумя нелепыми косичками бежала по улице, не обращая внимания на лужи и на прохожих. Спешила на воскресную ярмарку, чтобы купить леденец. Она была смышлёным ребёнком. Её отец работал редактором в газете, а мать воспитывала троих детей. Наконец, заполучив желаемое, Матильда решила немного прогуляться.

На одной из улиц шла своим ходом стройка. Крошечные ножки наступили на небольшой осколок кирпича. Матильда заметила, что на брусчатке остался беловатый отпечаток. Девочка с интересом подобрала оско-

лок и начертила небольшую линию на кирпичной стене.

– Любопытно, – шёпотом произнесла Матильда, – что мне ещё такого нарисовать?

Посмотрев вокруг, она увидела высокого мужчину лет пятидесяти, с глубокими от усталости морщинами и загорелым лицом. Он был строителем. Было сразу заметно, что жизнь у этого человека не была лёгкой. Его руки от тяжёлой работы успели постареть раньше его самого.

Но девочка обратила внимание на его серые глаза. Они показались ей такими домашними и добрыми, в них не было ни намёка на подлость или злость. У неё возникло чувство, что этому взгляду можно довериться, он был как миллион сладких леденцов.

Тогда девочка нерешительно, по-детски писклявым голосом произнесла:

– Позвольте нарисовать ваши глаза?..

.. Матильда сделала небольшую паузу, пытаясь детально вспомнить тот взгляд. И через столько лет у неё почти получилось.

– Мати, а что же ответил тот мужчина? – с нетерпением спросила девочка.

.. Мужчина удивлённо посмотрел на неё.

– Прости дитя, я не понял.

– Ваши глаза. Можно их нарисовать?

– Не знаю, зачем сдались тебе мои глаза, но раз ты сильно хочешь, нарисуй. Куда мне смотреть? Не моргать?

– Нет, не нужно, – уверенно сказала Матильда, – я запомнила.

Когда девочка поднесла осколок кирпича к стене, пришла в замешательство. Она совсем не знала, с чего ей начать. Однако, помедлив несколько секунд, уверенно нарисовала овал и начала его корректировать и дополнять. В середине этого овала она нарисовала круг и неловкими движениями рук раскрасила его.

– Первый глаз готов, – подумала Матильда, – осталось нарисовать второй.

И точно такими же уверенными, но неумелыми движениями она нарисовала и второй глаз. Посмотрев на свою работу, она была весьма довольна.

Немного придав своему голосу восторженной уверенности, она громко произнесла:

– Вы можете посмотреть!

Мужчина, взглянув на рисунок девочки, мило улыбнулся.

– Очень красиво и необычно, – похвалил он Матильду.

– Вам, правда, нравится? – с радостью спросила девочка.

– Конечно, нравится, – ответил мужчина. – До тебя мои глаза ещё никто не рисовал.

Матильда довольно облизывала свой леденец.

– Мне уже пора домой. До свидания.
– До свидания, юный художник, рисуй глаза чаще, – с улыбкой сказал незнакомец.

Сидя под огромным деревом, внучка спрашивала у Матильды.

– Какие они получились? Глаза. Вот я совсем не умею их рисовать.
– До ужаса безобразные, – с лёгким смешком ответила женщина.

*Дарья ЮМАНОВА,
студентка СКГИИ,
факультет «Литературное творчество»*

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ В ЦАРСТВЕ КОЩЕЕВОМ (отрывок)

Трястись в карете по дороге, которую построили тысячу лет назад, то ещё удовольствие. А мрачный пейзаж за окном не добавлял оптимизма. Эх... Вот и почему я свой отпуск должна тратить на... ЭТО? Я сейчас могла быть на каком-нибудь пляже, тёплый песок, море, солнце... Ну, или, на худой конец, просто нежиться в тёплой постели...

Что я вообще делаю в три-тринадцатом царстве? Это просто ужасная история. Папенька проиграл в карты одному злодею (не спрашивайте, что они делали за одним столом) желание. А до этого ещё похвастал, что его младшенькая и, бесспорно, самая любимая доченька Василиса Премудрая, то бишь я, живёт не в тридесятном царстве. И даже не в сказочном мире, а вообще в другом. На Земле. Ещё и работает частным детективом. Причём успешным детективом, прошу заметить.

Так вот, прошёл год, папенька давно благополучно забыл о желании и стал жить себе дальше. Но нет, у нашего злодея, он же Царь тринадцатого Кошей Бессмертный, Князь тьмы и так далее по списку, что-то случилось, и ему вдруг срочно понадобились услуги детектива. Причем такого, который разыщет что и где угодно. Это обо мне так папенька тогда говорил, да.

Вот теперь я тряусь в карете, рассматривая пейзаж, который, кстати, не был настолько страшен, как его описывали. Просто лес, подумаешь, солнечного света там мало и живность всякая интересная бегают. Так вон, в тридевятом не лучше. Там, в отличие от местных, действительно, волки раза в три больше человека бегают и ничего.

Или всё дело в том, что я владею магией и вижу сквозь морок, который, кстати, едва ли не на каждом сучке висит?

А как вы думали, я с другим миром связь имею? Магия. Она родимая.

Под мороком лес действительно выглядел мрачно и пугающе, я не хотела тратить силы и перестала заглядывать сквозь него.

– Ауч! – карета подпрыгнула, и я вместе с ней. Приземление было болезненным.

Лучше бы на лошади приехала, право слово! Но не положено. Я же всё-таки царевна. Папенька узнает, что я вообще верхом держать могу, голову оторвёт. И мне, и сотнику своему, по совместительству брату родному. А я ведь не только это умею... Дядя меня всё детство неженским вещам обучал, от нянек сбегать помогал, из лука стрелять... Да много чего на самом деле. На Земле многие из этих моих талантов совсем негодились, но вот характер они закалили, как и нервы. Это меня не раз выручало.

Взгляд упал на окно, и я едва не вскрикнула. Лес закончился, а к карете прибавилось сопровождение в виде трёх костяных волков. Живая нечисть, как бы абсурдно это ни звучало, действительно являлась живой. По слухам, все в Кощеевом царстве имеют искру жизни. Волки, скорее всего, сопровождали меня с самого начала, но до этого прогоняли мелкую неразумную нечисть и охраняли мой покой.

Вот только напугало меня не это. А сам замок. В отличие от всего остального он действительно был большим, мрачным и очень страшным. А ещё непонятно прекрасным и притягивающим взгляд. Чёрный кирпич, высокие шпили, казалось, что даже солнце избегает освещать его. И главное, что он таким и был. Ни капли магии.

Карета остановилась перед главным входом, но встречали меня всего два скелета, сегодня я не с официальным визитом, а как детектив. Что папеньке икалось все то время, что я вынуждена провести в гиблых землях. Удружил.

*Екатерина ИЛЬИНЫХ,
ученица 11 класса СОШ п. Учебный*

АДИЛЬ
(отрывок)

Эх... Скрип колёс, чьи-то неразборчивые голоса заставляли постоянно оглядываться, иной раз встречались люди, которые очень громко о чём-то говорили. Таких лучше обходить, так как не знаешь, что у них на уме. Встречались злобные люди, которые пытались отогнать от витрин с едой. Но он не смотрел ни на что, просто бежал прямо. Только пешеходный переход заставил собачку остановиться. Однако буквально через минуту светофор поменял цвет и все ожидающие от-

правились на другой край дороги. Пёс шёл быстро, пытаясь сильно не заглядываться на новую, ещё не изученную территорию. Она не отличалась от его квартала, такие же люди, те же машины и собаки... Собаки, которым принадлежит эта территория. Он поднял голову и увидел совсем близко двух больших псин... Они были уже слишком близко, чтобы бежать... Началась драка. Визг, рычание, фырканье и острые, как лезвия, зубы вцепились в кожу. Пёс попытался увернуться, но только сделал хуже. Казалось, что вот он, конец... И история окончилась бы, даже не начавшись... Но собаки очень неожиданно перестали драться, разбежались по углам. И теперь к его шерсти прикасались не клыки, а руки очень доброго человека. Кто это мог быть? Неужели кому-то нужен простой бродячий пёс?

Холод улиц сменился тёплым помещением и запахом еды. Наверное, животное уже забыло то состояние радости, когда тебя хотят накормить, а не сжить со свету. Пёс проснулся и увидел перед собой кусочек булочки, миску, и тёплый плед. Но всё же помещение было очень тёмное, и освещалась лишь тусклой лампочкой. Пёс попытался встать, но очень болели лапы. Пёс не смог даже встать, не то, чтобы уйти.

– Вот, бери, всё свежее, кушай! – сказал человек.

Животному было непонятно, откуда еда, почему человек о нём решил позаботиться и можно ли вообще есть это? Он встал на передние лапы и увидел лицо спасителя. Борода, шапка на бок и порванная куртка...

– Неужели люди бывают тоже без дома? – думал пёс, не отрывая взгляда от еды.

– Ешь, не бойся, – пытался подбодрить его человек.

Пёс потянулся к миске и очень быстро стал глотать содержимое.

– Не бойся, я тебя не обижу, ты такой же, как и я... Братья мы, только вот ты – собака... – ласково говорил человек.

Эти слова грели душу, но пёс знал: ему надо идти. Через боль он поднялся и пошёл к выходу, но как назло там дождь, и пришлось вернуться.

– Не уходишь? А я бы тоже... остался... – улыбался хозяин.

Собака робко подошла к человеку и боязливо прилегла рядом.

– Дружить хочешь? Как бы тебя назвать? Будешь у меня Адилем, как деда моего звали. А меня просто Михалычем зови.

И это уже было второе имя в жизни собаки. А первое имя было красивее, и чувствовал он себя по-королевски, слыша его. Да и выглядел он тогда, как король: шерсть переливалась на солнце, взгляд весёлый и такое стремление жить! Теперь всё изменилось. Грязь, свалявшаяся шерсть с запутавшимися в ней репьями, тусклый взгляд... Адиль лежал на пледе, не переставая вспоминать ту, прошлую жизнь. Раны уже не так болели, болела душа.

Дождь окончился только под утро, мокрые улицы, бетон сильно остыл после дождя, но они продолжали куда-то идти, туда, где пёс ещё не

был. Оказалось, это место не так уж далеко от дома. Михалыч сел около здания и разложил пожитки.

«Может, просто устал», – подумал Адиль, но человек никуда не собирался идти.

Люди проходили мимо и некоторые бросали им какие-то железные штучки, а пёс смотрел и не мог понять – зачем.

«Может, это как раз и надо хозяину... А если ему помочь?»

Он дождался, пока подойдёт ещё толпа людей, сел на задние лапы, сложил передние, стал кланяться. И монеток становилось всё больше и больше, что явно радовало хозяина.

Вечером, когда монет набралось довольно много, они пошли за едой, но проблема возникла сразу, как только они пришли.

– С животными нельзя! – заявил охранник магазина, куда они держали путь.

– Так какое он животное, он нас всех умнее, – пытался добиться разрешения Михалыч, поглаживая пса.

– Нет, нет, нельзя!

– Адиль, посиди пока здесь, я быстро, – и ушёл...

«Неужели опять бросил? Нет... Он же обещал», – глаза Адиль наполнились грустью, он не хотел, чтобы человек ушёл от него. Пёс деловито подбежал к охраннику, сел около и стал смотреть на него.

– У меня ничего нет для тебя.

Но это Адиль не остановило, он вспомнил, чему его учил прежний хозяин и показал свои старые трюки.

– И что мне теперь тебе дать? У меня еды нет.

Пёс обнюхал его и, найдя те самые монетки, заскулил.

– Зачем тебе деньги, ты же на них ничего не купишь!

Но собаку это не остановило, она даже начала подвывать.

– Ладно, я тебе дам немного монет... – улыбнулся охранник и положил перед ним пятак. Адиль присел рядом с монетой. Прошли люди, два паренька тоже подбросили псу несколько монет, «для прикола», как они, улыбаясь, сказали... Хозяин вернулся с пакетом еды, увидел сидящую собаку и горсть монет рядом:

– Где ты их нашёл? Умница, спасибо, тебе!

Охранник, всё это время стоявший рядом, улыбнулся Михалычу:

– Да, вы были правы, очень умная собака!

Но Адиль потянул хозяина за кофту и предложил идти куда-то далеко, точно навстречу чему-то новому...

Тексты К. Ш. Кулиева, размещенные на страницах этого номера, написаны поэтом в период депортации, в Киргизии. Некоторые из них впервые представлены читателям Кабардино-Балкарии.

ЗАБОТЛИВО ВОСПИТЫВАТЬ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Киргизская письменная поэзия имеет тридцатилетний опыт. Большими тиражами издаются произведения великих акынов Токтогула и Тоголок Молдо. Их творчество в какой-то степени уже изучено. А. Осмонов, Дж. Турусбеков, М. Элебаев, Дж. Боконбаев оставили значительное наследство. Ныне в киргизской поэзии работают опытные поэты: А. Токомбаев, У. Уметалиев, К. Маликов, М. Токобаев, А. Токтомушев и более молодые – С. Шимеев, К. Акаев и другие.

Успехи киргизской советской поэзии несомненны. В ней уже сложились свои письменные традиции, накоплен достаточный опыт, на который ныне могут опираться молодые поэты. Этого не было тридцать лет назад, когда создавали свои первые книги зачинатели письменной киргизской поэзии. Им, конечно, было значительно труднее, чем молодым авторам наших дней.

Но все же многие молодые поэты Киргизии не всегда правильно используют накопленный родной поэзией опыт. Они нередко перепевают своих старших товарищей, не замечают тех недостатков, которые давно сумели преодолеть многие из писателей старшего поколения. А это губительно для творчества. Традиции и опыт нельзя повторять, их надо продолжать и развивать. Нельзя слепо подражать даже самым замечательным образцам. В этом заключается смысл учебы и преемственности. Лучшим подтверждением тому – опыт русской поэзии. Разве Лермонтов повторял Пушкина, хотя благоговел перед ним, восхищался его творчеством и учился у него? Нет. Он продолжил дело Пушкина. В данном случае речь не идет о детских опытах поэта. Творчество Лермонтова явилось новым этапом в развитии русской поэзии. То же самое можно сказать о Некрасове, Тютчеве, Блоке, Маяковском и ныне здравствующих советских мастерах – Тихонове, Твардовском и других.

Все это так. Но, к сожалению, в Союзе писателей республики не обращают должного внимания на такие большие творческие вопросы, имеющие первостепенное значение для роста молодых. В этом легко убеждаться, читая книжки стихов поэтической молодежи.

Если бы Союз, издательства, редакторы, рецензенты и опытные поэты вели настоящую работу с молодежью, относились к ней со строгой заботливостью, этим они помогли бы ей быстрее избавиться от недостатков, более успешно овладевать мастерством и скорее достичь зрелости. Но надо прямо сказать, что в этом отношении пока мало что делается. Нам нужно помнить: чем раньше молодой автор поймет свои заблуждения, тем скорее от них отделается. А такая помощь – на совести опытных литераторов.

Молодому писателю, в первую очередь, необходимо отлично знать всё созданное родной литературой, весь накопленный ею опыт, и не повторять пройденного пути, не открывать то, что давно открыто. Повторение это не творчество. Каждый художник в меру своих сил должен найти собственные краски, свои интонации. В этом сила и прелесть творчества. Об этом приходится говорить потому, что тут как раз мы сталкиваемся с одной из самых слабых сторон в работе ряда молодых киргизских поэтов. Они повторяют старших товарищей, их недостатки и промахи. И вся беда в том, что у нас об этом почти не говорят молодым писателям, этих вопросов редко касаются даже на творческих обсуждениях.

Убедительным подтверждением сказанного я считаю первый сборник стихов Абдылды Белекова «Ясный путь», выпущенный Киргосиздатом в этом году.

Прежде чем начать разговор о Белекове, хочу оговориться. Я совсем не ставлю себе целью «разгромить» и «развенчать» молодого поэта. Больше того, я нисколько не сомневаюсь в его поэтических способностях и даровитости. В этом убеждают его лучшие вещи, в которых действительно чувствуется дарование автора. Я только хочу указать Белекову на его недочёты, идущие от молодости и отсутствия опыта. ...

... Дело не только в одном Белекове. Слабые стороны его работы характерны для многих молодых поэтов Киргизии. К тому же в выходе в свет незрелой книги не столько виноват молодой автор, сколько те, кто обязан был указать ему на незрелость большинства его стихотворений. Мой разговор с Белековым не высокомерное поучение, а дружеские советы старшего товарища.

Книжка А. Белекова явно незрелая. С выпуском её надо было подождать, подсказать автору его недостатки, указать на слабость в художественном отношении многих его вещей и заставить его поработать над книгой, а не спешить издать её с портретом. Но это не было сделано ни Союзом писателей, ни Киргосиздатом. По существу, они подвели молодого поэта, дав ему возможность выступить с незрелой книгой, во многом повторяющей других авторов. Вот тут-то как раз и кроется неправильное, на мой взгляд, отношение Союза писателей и издательств к творчеству молодых. Вместо строгого отбора и серьёзной работы над рукописями, они чаще всего торопятся скорее издать книги начи-

нающих писателей, которые всегда спешат: их желание увидеть свои произведения в печати вполне естественно.

С начинающими авторами надо работать кропотливо, нужно прямо и честно говорить им о недостатках произведений, а не торопиться издавать книги. Для молодёжи куда полезнее суровая, порой неприятная правда, чем незаслуженные похвалы, которые не помогают росту, а вредят. Это также относится и к преждевременному изданию произведений отдельными книгами.

Абдылда Белеков искренне, от всей души старается говорить о светлой жизни народа, о социалистическом Киргизстане, о новом строительстве и советских тружениках. Но вся беда в том, что говорит-то он чаще всего не своим голосом. Иногда его трудно отличить от Кубанычбеча Маликова или от акына-импровизатора Осмонкула. В стихотворении «Завод в горах» читаем такие строчки:

В этих горах нашелся цемент (?)

Построен новый город.

Раздаются гудки завода и т. д.

Это ведь только фиксирование факта, что в горах имеется завод, обычная газетная информация, а не стихи. В таких случаях рифма не является спасением. Если зарифмовал строчки, это еще не значит, что они стали стихами. Без глубокой поэтической мысли нет поэзии. Подобные стихи писали еще двадцать пять лет назад и Токомбаев, и Токобаев, и Маликов. Но то, что было простительно молодым поэтам Киргизии тогда, теперь непростительно, ибо это уже пройденный киргизской поэзией путь. Повторять подобные вещи – значит идти назад...

...Отличный поэт Алыкул Осмонов как-то в беседе с одним молодым автором превосходно сказал: «Если хочешь хорошо писать, не цепляйся за старые штампы!» То же самое надо сказать и Белекову. Ему необходимо упорно искать и найти свою манеру, собственные краски.

В этом смысле самым замечательным примером в киргизской поэзии можно считать творческий путь того же Осмонова. Вплоть до 1943-1944 гг. его творчество почти не имело своего лица, ничем не выделялось. Ему также были присущи риторичность, общие места. Но молодой поэт понял это. Упорная учёба и постоянные творческие поиски привели его к настоящему успеху. Он вырос в большого самобытного поэта, его творчество приобрело неповторимые, одному ему присущие черты, он стал таким мастером, слово которого действительно «пахнет медом и плодами». Пример Алыкула Осмонова весьма поучителен. Он как бы говорит нам: надо учиться, надо искать! Белеков ещё не стал на такой путь. Разве не об этом свидетельствуют его строки:

Его название – батыр-экскаватор,

Это ворочающий горы новатор.

Так и зарифмовано в оригинале! Вот еще пример:

Этот железный богатырь находится на берегу Волго-Дона.

Увижу его, и радость моя не вмещается в груди.

Ничем эти строки не отличаются от старых стихов К. Маликова, уже не говоря об их предельной риторичности и отсутствии в них всякой художественной мысли. А вот четверостишие, которое вполне могло бы принадлежать не молодому поэту Белекову с университетским образованием, а импровизатору Осмонкулу:

Дома, в которых мы ночевали,

С каждым днем становятся все выше (?)

Ходят автобусы, паровоз,

По озеру плывет пароход.

Для киргизской поэзии все ещё важное значение имеет вопрос учобы у народного творчества и его использования поэтами, вопрос нового содержания и старой формы. При этом речь должна идти не только о стихотворном размере, как полагают некоторые товарищи. Новые стихотворные размеры не создаются в каждое десятилетие. Говоря о том, что иные поэты облачают новое содержание в старые формы, мы имеем в виду не столько метрику, сколько образную систему, изобразительные средства – эпитеты, сравнения, приёмы и внутренние ходы стиха. Когда Белеков говорит «Эр паровоз», т. е. – герой-паровоз, не желая поискать других средств, мы чувствуем, что этот эпитет не на своем месте, он здесь является чужеродным телом, мы сразу же вспоминаем «Эр-Манас». А что общего между паровозом и Манасом? То же самое надо сказать и о сравнении сборщицы хлопка с белым лебедем и «Батыре-экскаваторе». Роль же эпитетов в поэзии огромна.

Когда некоторые поэты говорят: «шахтер спустился под землю, как лев», «чабан смотрит вдаль, как беркут», «свекловичница подобна белому лебедю» – это и есть облачать новое содержание в старую форму. Пора понять, что эти сравнения и эпитеты, когда-то сослужившие свою хорошую службу, теперь не передают реальные черты советских тружеников, не в силах помочь созданию их правдивых образов, передаче их душевного мира и человеческого обаяния. Для этих людей поэты обязаны находить точные реалистические художественные средства.

В этом отношении Белекову предстоит преодолеть очень много трудностей. Надо плыть против течения. Неудовлетворенность достигнутым – первая черта художника. А Белеков вместо этого своё стихотворение об экскаваторе назвал «Железный богатырь». Это и называется использованием старых застывших поэтических средств. В таком случае поэт перестает быть творцом и работа его не является творческой.

Большинство стихов книжки Белекова очень риторичны, декларативны, состоят из общих рассуждений. А все это, как известно, не относится к области поэзии. Такие стихи молодого поэта, как «Ясный путь», «Не увидели бы», «Киргизстан», «Звёздное озеро», «Завод в горах» или «Па-

ровоз», «Чабан» и другие, являются констатацией общеизвестных фактов и истин. В них совершенно нет конкретности образов, отсутствует индивидуальность автора, нет новизны и свежести. Как в издательстве могли принять за стихи такие, например, строки:

Когда встала золотая заря,
Ты, как белый лебедь, устремилась вперед.

Или:

В соревновании победив,
Попала ты на Доску почета.

Так рассказывает поэт о сборщице хлопка Турсунхан, не находя ни одного образа для передачи её индивидуальных человеческих черт, только фиксируя факты, как в газетной заметке. То же самое получилось и в стихах о чабане:

Если будем говорить о чабане, её зовут Зурой.

Она – гордость богатого совхоза.

Чабан у Белекова такая же абстракция, как и сборщица хлопка, вообще чабан, а не живой человек, имеющий свой внутренний мир, свое обаяние и индивидуальные человеческие качества. А без этих черт искусства не существует. Поэту надо беспощадно бороться с абстракцией образов. Пора бросить цепляться за клочья и мишуру пустого красноречия, пора понять, что голое красноречие и образное поэтическое мышление – две разные вещи.

В стихотворении «Молодой поэт» Белеков высказал совершенно правильную мысль:

Самонадеянно пишет иной молодой поэт, восклицая:

Родина! Труд!

Да здравствует!

Получаются рифмованные строки.

А мыслей мало!

Это в большой мере относится и к самому Белекову. Он должен понять это и, не жалея сил, учиться у лучших киргизских поэтов и русских мастеров. Только тогда молодой поэт двинется вперед и добьётся успеха. Каждому советскому поэту, даже независимо от его опыта, постоянно должны сопутствовать превосходные слова Маяковского: «Поэзия – езда в неизвестное!».

Альманах «Киргизстан», 1954, № 2

О СТИХАХ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ

Редакция получает много стихов молодых авторов. Эти стихи разнообразны по своей тематике.

Общим пороком всех этих стихов, за редким исключением, является риторичность, декларативность, изложение голых фактов, декламация об этих фактах, что очень часто бывает с начинающими авторами.

Г. Денисов пишет:
Чтоб могла вперёд идти,
Гнать врага пехота,
Сердцем он своим закрыл
Амбразуру дзота.

Человек совершил замечательный подвиг, а в этих строчках только констатируется этот факт. Факты сами по себе, даже самые потрясающие, – ещё не поэзия, не произведение искусства. Чтобы они стали поэзией, требуется образное мышление поэта и поэтические средства.

В отличие от других людей поэт мыслит образами – в этом его сила, потому он и поэт.

Подкрепим эту мысль строфой из «Спора» Лермонтова.
...Дальше, вечно чуждый тени,
Моет жёлтый Нил
Раскалённые ступени
Царственных могил.

Изумительные по своей образности в выразительности строки! Они полно характеризуют и Нил, и страну, по которой он протекает. Но составим обыкновенную прозаическую фразу; выражающую главную мысль этих стихов:

«Нил моет ступени могил».

То же содержание, но, убрав эпитеты и образы реки в жаркой стране и могил этой страны, мы выхолостили всю поэзию из этих строк. Тускло выглядит и река, и страна. Так часто пишут наши начинающие поэты.

Но у того же Г. Денисова есть и лучшие строки:
Переполнена тоской
И народным плачем,
Песнь бродила с пастухом
По ущельям мрачным.

Так говорит он о прошлом Киргизии.

Значит, Г. Денисов может писать. Но у него не хватает поэтических навыков. Он ещё не овладел средствами поэтического выражения, что даёт нелегко и требует от молодого автора непрерывной учёбы и работы над собой.

Начинающие авторы много пишут о Советской Киргизии, но часто очень неудачно. А. Мостовой пишет:

Киргизия, край солнца золотого!
Селенья тонут в зелени густой,
Поля-моря, вершины Ала-Тоо
Чаруют исполинской красотой.

В таких общих выражениях написано всё его стихотворение. Так можно говорить и об Украине, и о Крыме, там тоже «селенья тонут в зелени густой». Это ещё не образ Киргизии, киргизского тут только Ала-Тоо, да и оно стало общим поэтическим штампом в стихах о Киргизии.

Важно, чтобы в стихах о Киргизии поэт нашёл конкретные, характерные только для Киргизии образы. А этих образов очень много.

В стихах А. Мостового нет конкретности, вещности образов, предметности.

Лучше других молодых авторов пишет о Киргизии Лидия Дементьева. В её стихах есть неподдельная искренность, чистота и прозрачность чувств. Она метко схватывает характерные черты Киргизстана:

Купаясь в небесах бездонно-синих,
Горят алмазы ледников,
В миражах знойных нежится пустыня,
Послав в безбрежность золота песков.
Альпийских пастбищ светлые уборы,
Серебряных лесов задумчивый покров,
Поля тюльпанов, Иссык-Куль, как море,
И рокот горных рек, и свежесть родников.
Не лишены образности и стихи Н. Удалова:
Ребёнок ясноглазый, мир впивая,
Чуть начиная вещи разбирать,
Слова картавя и перебирая,
Чётко говорит святое слово – «мать».

П. Удалов чувствует слово и вещи и любит их. В этом мы убеждаемся, читая его стихи «Архар».

Есть и другие болезни в разбираемых нами стихах: манерности, чрезмерная тяга к «красивости» и даже слащавость. Этим страдают стихи Кришкевича. У него есть «синие кольца», «алая жизнь губ» и т. д. Тут явное влияние других поэтов, и влияние неположительное. Автору нужно остерегаться этого.

Очень серьёзно нужно относиться к форме. Она должна соответствовать содержанию произведения, вытекать из него. Начинающие поэты часто не обращают на это внимания. Даже Н. Удалов рифмует: «боев» и «кровь»...

...Много путаницы в стихах П. Щеглова. В стихотворении «Край родной» он показывает «предрасветной черёмухи дым», а в «Возвращении» останавливается на том, как «отцвели черёмухи и зори». В этом стихотворении есть и пошлость. В стихотворении «Сын» автор говорит с новорождённым, как со взрослым: «Умей опасности смотреть в лицо». Далее он почему-то ведёт рассказ уже от второго лица, и ребёнок едва поймёт, кто его отец.

Такое «творчество» заслуживает лишь беспощадной критики.

Каждый начинающий поэт, пусть даже самый талантливый, должен критически относиться к своему творчеству. Поэзия требует сурового и справедливого отношения к себе. Поэт должен быть самым беспощадным палачом своих недостатков.

Только путём упорной учёбы, путём критического отношения к своим стихам поэт добьётся совершенства.

Газета «Комсомол Киргизии», 1948. 27 апреля

БАЛЛАДА О ГАБРИЭЛЕ ПЕРИ

Война. Глаза ночей полны крови.
Война. Сестёр и матерей ресницы
От слёз не высыхают. Скрежет стали
Наполнил дни печальные земли,
И ночи на снегу замёрзшем мира
Проходят в грохоте колёс и танков.
Проходят дни. И в них скрежест сталь.
Проходят ночи. Всё война, война!
Сапог замёрзший вражеских солдат
Стучит среди твоих ночей морозных,
О, Франция! Но прожигает след
Фашистских полчищ тайно от врагов
Пролитая слеза. Она на сталь
Бесчестного оружия упадет,
И завтра эту сталь уже сожжёт
Отвага непокорного народа.

Так ночь во Франции сменяла ночь.
В тюрьму был брошен Габриэль Пери.
Так горько проходили ночи мира.
В тюрьму был брошен коммунист Пери.
И ночью в камере открылась дверь.
Привык он видеть очерк бледных губ.
«Последний раз мы говорим, Пери, –
Услышал он, – немногого мы просим.
Лишь откажись от убеждений. Знай,
Отказ от убеждений – или смерть».
Но взгляд Пери скользнул над головой
Фашиста, он смотрел куда-то вдаль.
И свет звезды, горящей на востоке,

Упал на бледное его лицо.
Ворвался в камеру далёкий свет,
Сражений свет, что освещает ночь.
И Габриэль Пери ответил: «Смерть!»
Расширились пришедшего глаза:
«Подумайте, ведь дважды вам не жить».
Но Габриэль Пери ответил: «Смерть».

И слово «смерть» спустилось в эту ночь.
Как ворон, на плечо Пери. Оно
Взмахнуло чёрным, словно ночь, крылом
И заслонило смелый взгляд Пери,
И бледное лицо другим закрыло.
И слово «смерть», как ворон, в эту ночь.
Зловеще каркая, из стен тюрьмы
Поднялось и над Францией летало.
И, глядя на него, сжимали зубы.
Что жизнь вторично не даётся, знал
Пери, но он души своей не продал,
Как трус, который бы ушёл от смерти.

О, не дрожать перед могильной пастью.
Не трепетать перед костлявой смертью,
О, не продать души, не сделать шага
Через могилу, а войти в неё!
Священный миг решимости героя,
Нет ничего в борьбе тебя прекрасней!
Слепящим блеском озаряешь ты
Покрытые туманом ночи мира.
Великий миг, когда героя воля
Встречается со смертью на земле,
Когда герой – один и безоружен –
С трусливыми, что лишь оружием сильны,
Вступает в поединок. В этот миг,
Как говорит легенда, может солнце
Остановиться и глядеть на бой!

Так слово «смерть» взвилось из стен тюрьмы
И, каркая, над миром пронеслось.
Но вылетало в небо светлоглазым
Орлом и мужество твоё, Пери!
Оно взметнулось мощным взмахом крыльев,
Чтобы летать свободному над миром,

Чтоб силой стать защитникам свободы,
Чтоб им в глаза смотреть, внушая подвиг.
Чтобы огнём немеркнущим гореть
И освещать им тёмный час, чтоб стать
Оружьем для борцов, чтобы учить
Их жить и умирать! Да, подвиг
Питает все народы и над миром
Парит орлом с огромными глазами.
Могучий, он глядит в глаза людей
Огромными, горящими глазами
И наполняет их сердца огнём.

О Габриэль Пери, на языке,
Которого ты никогда не слышал,
Тебя я славлю у подножья гор,
Что никогда не видел ты. И ночью,
Смотря на их высокие вершины,
Я шёпотом твержу свою балладу.
Ведь мужество твоё чисто, как небо
Над этими горами. В эту высь
Подняться могут только те, кто духом
Сродни тебе. И смерть бессильна их
Свести оттуда. И с вершин берутся
Слова для песни о таких, как ты.
Ведь истинные мужество и песня –
Брат и сестра. Они глаза всего,
Что чисто и велико в человеке.

О Франция, я неба твоего
Не видел. Я не говорил, входя
В твои дома: «Да будет мир!» И все ж,
Твоя свобода – и моя свобода.
Её неувядаемая песня
И мне близка. И подвиг сына, –
Великий подвиг сына твоего,
Орёл твой гордый – он и мой орёл,
Усталости не знающий в крылах!
Людей ты поднимаешь ввысь, Пери!
Героев зноем их поишь, Пери!
Бессмертия вином поишь, Пери!
Пусть на плечо твоё сел чёрный ворон,
Что карканье его средь чёрной ночи?
Орёл сжигает блеском глаз своих

Проклятой птицы крылья. Этот блеск
Становится бессмертной песней мира.
Пусть выстреленной пулею исчезнет
Моя баллада. Но пускай горит
Твой подвиг, как развёрнутое знамя.
Да будет так. Пускай моя баллада,
Пери, исчезнет выстреленной пулей,
Пусть только мужество твоё горит,
Как знамя перед боем. Пусть оно
Сердца у тех, кто был лишён свободы,
Лазурью наполняет, той лазурью.
Что высится над снежной далью гор.

*Альманах «Киргизстан», 1949, кн. 8, с. 55-56
(пер. Е. Орловской)*

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Справа горы,
И слева – горы.
На горных вершинах – молчанье снегов.
Выше вершин – гряда облаков.
Справа – горы,
И слева – горы.

Воздух здесь – что кровь винограда,
Густого настоя чиста прохлада.
Ветер, как всадник весёлый, мчится,
Ветер – как в небе лёгкая птица.
Воздух здесь – что кровь винограда.

В этом краю, где путь был безлюден,
Качаясь в седле на высоком верблюде,
Медленно ехал когда-то акын,
Песни слагал он в пустыне один,
Сидя верхом на высоком верблюде.

Пел он, раскачиваясь в седле,
О чёрных днях на своей земле,
О звёздах, что в небе ночном стынут.
Глядя на горы, пел о пустыне

О чёрных днях на своей земле.

Песня акына в горах осталась,
Песня акына ветром стала.
Верблюда следы, что здесь проходил,
Ветер занёс и пылью покрыл
Верблюда следы, что здесь проходил.

Справа – горы,
И слева – горы.
Дорога словно кинжала сталь.
Ровным шнуром протянулся вдаль
Чёрный асфальт. Горы кругом.

Рукам, дорогу строившим эту,
Ветер, как щедрый акын, по свету
Разносит хвалу и поёт везде.
И каждый теперь, кто мчится здесь,
Славу о них разносит по свету.

Дождь, наполнявший чистой водой
Верблюда следы на тропе крутой,
Дождь, что осла следы смывал,
Из чёрных туч над уступами скал,
Вечно в горах льющийся дождь
Моеет асфальт. Отражённая в нём,
Машина летит, омываясь дождём.

*Альманах «Киргизстан», 1948
(пер. Е. Орловской)*

КОРОТКИЕ СТИХИ

Опять на гроздь винограда ложится
Из крови роса в ясный день,
На горы, дворы и на пашни упала
Побоища древняя тень.

Мы помним: не раз на ребячьи плечи
Воронье ложилось крыло.
Но непобедимы и свежесть хлеба,
И детских пелёнок тепло!

Прошли все пули стороной,
вернулся с фронта он домой,
огонь разжечь велел жене
весенним днем, сказавши: – Мне
в окопах часто снился дым
зимой над домиком родным.

Ты ясным рассветом приходишь,
И радостной вестью в мой дом,
И запахи сада приносишь
Мне зимним и ветреным днем.

И машут мне ивы ветвями,
И пахнет сиренью у нас,
И ливни проходят над нами,
И счастлив наш утренний час.

Не длинной повестью в душе твоей,
коротким пусть останусь в ней стихом,
не долгою затяжных дождей,
а горным ливнем, яростным дождем.

Пусть в миг, когда ты вспомнишь про меня,
не лошади усталый шаг в ночи,
а топот кабардинского коня
воспоминаньем в сердце прозвучит!

Альманах «Киргизстан», 1956, № 3

ЗЕЛЁНЫЙ МИР

Весна сияет за окном,
Спит тихо мальчик мой.
А тополи шумят кругом
Зелёною волной.

Весна широкою рекой

Течёт по всей стране,
И видит спящий мальчик мой
Зелёный мир во сне.

Зелёный мир, в который он
Вбегает босиком.
И влажной веткой машет сон
Над спящим малышом.

А неба синь глядит в окно
И двор. Спит тихо мальчик мой
Сады, сады шумят кругом
Зелёною волной.

Благословен зелёный мир,
Он – радость малышей.
Простор весны и неба ширь
Над родиной моей.

Газета «Коммунистическая Киргизия», 1955, 1 июня

ПЕРЕД БОЕМ

(Из цикла «Воспоминания»)

В ночном бою на вражью высоту
Не всем взойти по ледяной росе,
Но перед боем, глядя в темноту,
Я говорил: «Пусть доберутся все!»

И если обо мне заплачет мать,
То пусть не плачут матери других,
И коль меня жене не стоит ждать,
То жены близких пусть дождутся их!

И если я останусь здесь, – тогда
Пускай мой друг свою обнимет дочь,
И коль закатится моя звезда,
Пусть ваши звезды озаряют ночь!

Газета «Комсомолец Киргизии», 1946, 14 июня

КАЙСЫН КУЛИЕВ В ПАМЯТИ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

*Можно отнять землю, можно отнять богатство,
можно отнять и жизнь – но кто придумал, кто смеет
покушаться на память человека?
Чингиз Айтматов*

*Жерим, дууача, турду жюрегимде...
«Земля моя, как молитва, пребывала в моём сердце».
Кайсын Кулиев*

Память – категория нравственная, она занимает особое место в духовности народа, это, фактически, – стержень этнического бытия. Недаром тема уважения памяти, святость исторической памяти красной нитью проходит в этическом кодексе балкарцев «Ёзден адет». Издавна в народе говорят: «Ахшылыкны унутма, аманлыкны эсте тутма» («Добро не забывай, зла не помни»). Об оставленной доброй памяти говорилось как об оставленном добром следе. Нам и тем, кто младше нас, Кайсын Кулиев завещал своё воспоминание о Киргизской земле – искреннее и тёплое. Впрочем, чувства великого горца были взаимны: «... Я сохранил самые хорошие чувства к Киргизстану, его народу, культуре, литературе, уважение к его хлебу и песне».

А эти строки были сказаны Кулиевым через двадцать лет после возвращения на родину, в 1975 году, на открытии дней Советской литературы в Киргизии. Киргизия, её народ, её культура, её горы и небо остались с Кулиевым навсегда.

*Поклон земле, где в песнях жив Манас,
Земле, где выросал мой друг Чингиз,
Где звёзды он увидел в первый раз
И реки, с гор стремящиеся вниз...*

Человеческая, литературно-поэтическая дружба К. Кулиева с Киргизией началась в 1945 году. В течение одиннадцати лет (1945-56) Кайсын Кулиев прекрасно овладел киргизским языком, глубоко изучил историю, фольклор, художественную литературу киргизского народа, сдружился со многими писателями, простыми тружениками республики... И пусть годы жизни в Киргизии были тяжёлым временем, временем немоты всего, написанного на родном языке, временем, когда слово не могло дойти до глаза и слуха соплеменников, – трудности, невзгоды не помешали балкарцам сохранить мужество, любовь к жизни, веру в человека и в торже-

ство справедливости. Все по-разному проходили этот путь. Кулиеву, быть может, повезло больше других – его божественный, огромный дар был виден невооружённым глазом, привлекал людей, располагал их к нему, и неудивительно, что репрессированному балкарскому поэту помогали и кыргызстанцы.

Камбарли Бобулов – учёный, видный общественный деятель, литературный критик от имени своего киргизского народа назвал К. Кулиева «родной человек для киргизской литературы». И добавил мысль о том, что «...если талант балкарского поэта возмужал в окопах Великой Отечественной войны, то созрел, получил стальную закалку в Киргизии». И это справедливо.

*..Я ел хлеб твой, я воду пил твою,
Шёл по отрогам, в снег одетым.
Я руки в горном пожимал краю
Твоим табунищикам, твоим поэтам...*

Переводческая и литературоведческая деятельность, рецензирование и критика, консультирование молодых авторов, обязанности члена редколлегии литературного альманаха «Кыргызстан», «Литературный Кыргызстан», спецкора газеты «Советская Киргизия», председателя русской секции Союза писателей республики – вот далеко не полный обзор многогранной деятельности Кайсына Кулиева в Киргизии.

Кулиев внес заметный вклад в развитие киргизского литературного процесса, он де факто участвовал в поступательном движении киргизской литературы, как один из национальных писателей. Подтверждением тому служат статьи, эссе, очерки, литературные портреты киргизских авторов. Прослеживается это во вступительных статьях Кайсына Кулиева к сборникам «Алыкул Осмонов» (Осмонов А. Мой дом. Фрунзе. 1954), «Темиркул Уметалиев» (Уметалиев Т. Дорожная песня. Фрунзе. 1955), к роману Т. Сыдыубекова «Среди гор» (Москва, 1977), в многочисленных рецензиях на произведения киргизских поэтов, в том числе и на сборники легендарного «Ала-Тоо» современной национальной литературы, её фактического основателя Аалы Токомбаева. Во многом благодаря Кайсыну Кулиеву, его переводам на русский язык, читатель узнал многих киргизских литераторов, их произведения.

Киргизский народ бережно хранит память о Кайсыне Кулиеве. Одна из улиц в Бишкеке носит имя балкарского поэта. Популяризация, культурное эскортирование его имени – заметная составляющая нормы общественной жизни братского государства. Но многое из сведений о Кайсыне до сих пор не вошло в оборот нашего знания о поэте, хранится в архивах и библиотеках.

Мне довелось побывать в Национальной библиотеке Кыргызстана, познакомиться с её фондом, просмотреть материалы «киргизского»

периода литературной деятельности Кайсына Шуваевича. Приятно удивляет внимательное отношение к кулиевскому наследию, а значит, и к памяти поэта. В хранилищах библиотеки достаточно много малоизученных материалов, которые представляют большой интерес для будущих исследователей, и среди них – тексты за авторством самого Кулиева. Некоторые из них позволяют с высокой степенью вероятности реконструировать обстоятельства литературной биографии балкарского поэта. Например, статья «О стихах начинающих поэтов». («Комсомолец Киргизии». 1946. 27 апреля). Примечательно, что среди молодых авторов (хотя и самому Кайсыну не было и 30), чьи стихи разбирались в указанном очерке, был и Николай Удалов, впоследствии признанный мастер слова. Можно полагать, что в профессиональном становлении Н. Удалова Кулиев участвовал достаточно активно.

К слову, впоследствии произведения К. Кулиева и Н. Удалова войдут в знаковый сборник «Киргизские рассказы» (Фрунзе. 1957). Здесь были опубликованы рассказ К. Кулиева «Начало», Ч. Айтматова «Трудная переправа», а также новелла С. Сасыкбаева «Возвращение Шарипа» в переводе Кайсына Кулиева.

Профессиональной и человеческой дружбой Кайсын Кулиев был тесно связан с русскими литераторами Киргизии – Н. Удаловым, С. Фиксиным, Я. Земляком, В. Горячих, Б. Орловым, А. Кравцовым. Поэт А. Кравцов посвятил Кайсыну Кулиеву стихотворения «У гор Тянь-Шаня» (1974) и «Ответ на стихотворение» (1977).

Тем не менее – и это подтверждают скудные свидетельства самого поэта – тоска по родине, ощущение великой несправедливости, ощущение этнической бесперспективности тяжело сказывались на духовном самочувствии Кулиева. Стараясь уйти от депрессивных настроений, он работает неимоверно много, это и творчество, и черновая, подённая деятельность.

«...Работай, когда тебе грустно – это единственное, что разгонит грусть. Работай, чтобы не впасть в тоску: ничто так не избавляет от унылой пустоты, как работа. Работай, когда тебе сопутствует успех: нет иного лекарства против “головокружения”, кроме работы» – таким был кайсыновский девиз, выработанный самой жизнью.

И он трудился. «Пишу довольно много...» – скромно сообщал Кулиев из Фрунзе своему другу – литературному критику В. Ц. Гоффеншеру.

На самом деле, в 1948 году Кулиев параллельно работал над поэмой «Завещание», над несколькими знаковыми текстами, такими как «Огонь», «Стихи, сказанные в честь Киргизстана», последнее произведение он посвятил А. Токомбаеву. Тогда же в альманахе была опубликована его «Баллада о Габриэле Пери» («Кыргызстан», 1949. Кн. 8. С. 55) «...Я бы очень хотел почитать Вам свои вещи: «Баллада о Габриэле Пери», на-

писанные после нашей разлуки. Я даже задумал большой роман в прозе «Всадник» – признавался он другу.

Стихи Алькула Осмонова, Кубанычбека Маликова, Темиркула Уметалиева, Мундузбай Турсункулова, Омара Шимеева, Нуркамала Джетиикашкаева, Касымжана Тюлебаева, Насирдина Байтемирова русскоязычному читателю впервые представил именно Кайсын Кулиев. («Киргизстан», 1950. № 1; 1952. № 1, № 3). О том, насколько глубоко балкарский поэт вникал в вопросы перевода, можно судить по его статье «Художественный перевод – высокое искусство» («Киргизстан», 1953. № 2. Сс. 90-95.)

Статья «Заботливо воспитывать молодых литераторов» («Киргизстан», 1954. № 2) характеризует Кайсына Кулиева как настоящего наставника новой генерации писателей. Он прекрасно разбирался и в творчестве больших мастеров, так, обстоятельную оценку текстам трёх видных киргизских поэтов (А. Токомбаев, А. Усенбаев, А. Осмонов) Кулиев-критик даёт в аналитической статье «Путь поэтов» («Киргизстан». 1954. № 3. Сс. 85-95).

О тружениках горного колхоза «Чолпон» написан рассказ Кайсына Кулиева «Весна» («Советская Киргизия». 1955. 7 апреля). Материал – о делах и буднях, заботах и надеждах жителей обширного хозяйства, где автор был с редакторским заданием. Подобных тем достаточно много в «киргизском» периоде творчестве Кайсына.

Поэт находит время и для стихов, судя по многочисленным публикациям этого этапа. Что видится в высшей степени показательным – его творчество привлекало авторов Киргизии ещё до того, как всесоюзная слава подняла его к высотам официального признания. Поэтому можно быть уверенным в том, что произведения К. Кулиева в переложении на киргизский язык – это дань искренней, незаинтересованной памяти балкарскому стихотворцу. Достаточно назвать авторов, переведивших его и пишущих о нем сегодня: А. Белеков, А. Токомбаев, М. Сырдыбаев, К. Бобулов, Ч. Айтматов, Т. Сыдыкбеков, У. Абдукаимов. А. Рыскулов. Примечательно, что материалы о Кулиеве киргизских авторов, независимо от места и года издания, чаще всего имеют подзаголовок: «Наш Кайсын».

Кайсын Кулиев в равной степени любил и древнюю землю Манаса и свою колыбель – Чегем, Балкарию. Он признавался: «Мои кости – балкарские, но плоть – киргизская». И эта тема – как в силу её духовной и культурной значимости, так и ввиду малой степени изученности, ещё ждёт своих разработчиков и монографий.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ К. КУЛИЕВА

Калькированные поэтические схемы большинства балкарских поэтов 20-х – 30-х годов прошлого века были достаточно примитивны и не сохраняли образных структур русской поэзии, вопреки распространённому мнению о массивированной подпитке новописьменных литератур доносными. Жёстко заданная целевая установка при отсутствии традиционного набора поэтически осмысленных явлений и объектов провоцировала употребление аффектно-эмоциональных и рапсодических единиц, во многом лишённых отпечатка индивидуального авторского «Я», что облегчало вхождение в эстетическое сознание народа абстрактных понятий нового бытийного окружения. То есть база будущей национальной поэзии действительно закладывалась русской литературой, но структурные единицы заимствовались выборочно, освоение реальности не могло быть аналитическим, тканевые образы отражали лишь частные, актуально значимые аспекты реалий.

И, естественно, школа поэтической декламации, господствовавшая в 20-30-е годы на Северном Кавказе, не могла не оказать влияния на мышление К. Кулиева, но оно было поверхностным, и, как оказалось, уже тогда неоформившееся «Я» поэта, структура его мировосприятия являли собой самостоятельную величину. Н. Байрамукова пишет: «...Он не испытал «болезней» поэзии 20-х годов... На него воздействовала русская литературная среда, которая к середине 30-х годов в основном освободилась от формалистических и вульгаризаторских издержек 20-х и начала 30-х годов». Действительно, годы учёбы в ГИТИСе многое дали Кулиеву, но Н. Байрамукова считает, видимо, что поэт вернулся на родину с заложенным фундаментом индивидуальной структуры поэтического отражения: «...Высокоинтеллектуальная атмосфера... школа Станиславского обогатили дарование молодого поэта, дали ему высокую культуру и спасли от провинциализма поэтического мышления... Кулиев проходил науку образного мышления».

На самом деле эволюция Кулиева-стихотворца была иной. Впервые, он принадлежал не к первому поколению поэтов, ему предшествовал некоторый опыт старших товарищей: С. Шахмурзаева, К. Отарова и других. Для представителя литературы, развивавшейся форсированными темпами, это было не так уж мало. Но особую роль в формировании Кулиева-поэта сыграло знакомство с Кязимом Мечиевым; и дело даже не в том, что основоположник балкарской литературы писал, исходя из собственного опыта, житейской мудрости. Молодой поэт, до тех пор сталкивавшийся в основном с ремесленническими подражаниями и прямыми кальками, почувствовал, как пишутся стихи на балкарском языке.

Вещный образ Кулиева выводился не из развитой в структурном отношении русской поэзии. Взаимовлияние разных поэтических сред на этапе тканевых образований невозможно вне поэтического индивидуума, органично соединяющего в себе эти среды на всех уровнях, и прежде всего – на языковом. Кулиев мог научиться у Лермонтова и Тютчева широте взгляда на мир, мог каким-то образом заимствовать набор поэтически осмысляемых реалий, но не более. Что же касается болезни поэтической незрелости, то Кулиев прошёл всю дорогу до вершин поэтического мастерства. Его первые стихи – в сущности, те же агитки; декламационны и прямолинейны его ранние лирические произведения. Но тут же, в одной строфе с сугубо рационально-условными формами сосуществуют эстетически осмысленные зримые, сенсорно насыщенные образы материального, предметного отражения мира.

В принципе, при анализе фольклорных балкарских текстов выясняется, что им присуща та же невыдержанность гносеологической нагрузки тканевых образований. В народных песнях, сказаниях балкарцев понятийное описание при подаче одних объектов тут же сменяется полновесными объёмными реалиями из плоти, запаха и цвета. Подобное явление – следствие сложного взаимодействия многих факторов, разбор его требует специальных исследований, нам же важно другое: поэтический язык Кулиева есть точная копия модели национальной рефлексии: «...Шлю вам привет, облака, // В Грузию уплывающие. // Мнущие травы девушки // В росах бахчи, привет!..»

Написанное, вероятно, в минуту душевного порыва и никак не согласованное с указаниями РАППа, стихотворение это, тем не менее, представляет из себя идеологическое клише, насыщенное риторизмом, поэтическими штампами и вторичными оборотами. Но в приведённом отрывке, словно полномочный представитель Кулиева-мастера, возникает «бахча, покрытая росными травами» и «девушки, мнущие их». Приблизительно на таких же конкретных ощущениях выстроена модель переживания стихотворения «Во дворе», где рядом с расцветшим в саду «красавцем-абрикосом» и «порозовевшими в небе облаками» полнокровно живёт похожий на «глыбу льда» «чуть запотевший глиняный кувшин».

Формирование поэтического сознания Кайсына Кулиева было чрезвычайно сложным процессом, в конце концов, приведшим его к созданию многоуровневых ассоциативных комплексов (о них речь пойдёт ниже). Но тогда, в 30-е годы, материализованные выражения его поэзии представляли собой явления национального языка, национального искусства.

Включение «бахчи», «рогов буйвола», «кряхтящего кузова арбы» в стихи требовало от Кулиева определённой смелости лишь по отношению к русскому читателю, для которого существовавшие уже тогда в русской поэзии исконно «неэстетичные» объекты имели право бытования только в каких-то определённых текстах; для балкарцев (и подавляющего боль-

шинства горских народов Кавказа) понятия собственно эстетического и прагматического во многом оставались равноправными, причём не потенциально, в каком-то контексте, а в нерасчлѐнном сознании народа. Поэтому, в отношении раннего Кулиева, абсолютно справедливо будет утверждать, что на начальных этапах его творческого пути он являлся одним из представителей той волны поэтов Северного Кавказа, для которых объѐмом воплощения «Я» оставалась модель сопереживания, тканевые же единицы отражали скорее структуру информационно-эстетического пространства региона, структуру эстетического мышления этносов, в конце концов – характер языкового материала с его конкретностью и вещным характером. Может быть, из-за того, что некоторые конструкции образов были типичны для Кулиева на протяжении всего его творческого пути, многие исследователи неверно анализируют и оценивают характер эволюции Кулиева-поэта. Существует тенденция изображать его творческий путь как постепенное изменение мировоззрения, постепенную замену одних концептуальных положений другими – это такое возмужание души и разума, непроявленное на структурном уровне. В самом деле, смена каких-то положений индивидуальной философии на практике в поэзии реализуется в модели лирического сопереживания, в целевой установке стихотворения, структура же образов может оставаться постоянной, ибо классическая конструкция «объект-ассоциативная связь-поэтический объект» вполне удовлетворяет требованиям любых, самых неожиданных философских (рационально-понятийных) положений. И поэтому не кажется неверным: «...Это обилие слов, выражающих предметы мира видимого, мы найдѐм едва ли не у каждого поэта, не чуждого традиций Востока. Таков и Кайсын Кулиев – ранний: «Леса. Холмы. Вершины. Облака. Деревья. Мы!»». И поздний (выделено мной – *Т. Т.*): «Травы зелёные. Черные буйволы. Жѐлтый подсолнух. Ущелье. Река». Беда критики в том, что взросление Кулиева, изменения его «Я» представляется как постепенное формирование новых черт и такое же постепенное отмирание старых. Иначе говоря, предполагается, что информативная ёмкость Кулиева-субъекта отражения приблизительно постоянна, структура его рефлексии, его сознания, может быть, становится всё строже, всё последовательней и чѐтче выражает те или иные концептуальные положения, но никак при этом не усложняется. Однако, на наш взгляд, эволюцию Кулиева – поэта и человека – правильней представлять как постоянное наращивание частных аспектов его «Я», когда каждое прожитое им мгновение отшлифовывало новую грань совокупности души и разума, не стирая при этом старых.

Именно в таких условиях обязательно усложнение структуры тканевого образа, ибо возрастает количество информации, бессознательно вкладываемой в слово. Истоки процессов личностного развития такого рода кроются в основах жизненной позиции и достаточно верно опре-

деляются выражением «жизненный максимализм». Он (нежелание отказать от чего-либо, приобретённого в духовном, а следовательно – в информационном плане) приводит к углублённому пониманию мира, когда под каждым осознаваемым объектом или явлением в несколько этажей располагаются разноэмоциональные философские конструкции этого объекта или явления, то есть сила и особенности поэзии, эстетического, познавательного потенциала произведения – в степени сложности осознания окружающего бытия, в структурной сложности виртуально-эстетических моделей среды. Освобождаясь от рапсодических кодов и аффектно-эмоциональных образов, господствовавших в 30-е годы в поэзии Северного Кавказа, Кулиев мог прийти к классическому, ясному стиху с доминированием трехкомпонентных единиц – во всяком случае, это было бы логично. Однако классические структуры не могли удовлетворять мышление поэта.

Сформированные в любовной лирике, они тяготеют к так называемой «высокой лексике», служат для выражения наиболее зыбких, субъективно воспринимаемых объектов. В силу этого классическая поэзия оперировала объектами-понятиями, приобретающими эстетическую выразительность в конкретной культурной среде, и часто – только в ней.

Гипотезируемые объекты антропогенного происхождения при этом не обладают выразительностью чувственного характера, их выразительность созерцательно-эмоциональна. Кайсын Кулиев, со своим мышлением, будучи носителем материально-конкретного общественного сознания, не мог довольствоваться выражением интеллектуально-эмоциональных аспектов своего «Я». Поэтому, параллельно с усвоением модели целостной, гармоничной рефлексии, в его поэзии постоянны фактурные тканевые образы, провоцирующие движение информационных массивов на сенсорном уровне отражения.

К концу 30-х годов эти структуры были обычными для многих авторов, но, пожалуй, только у молодого Кулиева образная система, принявшая и классические элементы, сохраняла пластические картины не в языковом, субстратном качестве, а в роли равноправных эстетически-значимых элементов ткани стихотворения.

В окружении классических условно-понятийных образов подобные включения (в том случае, когда они предстают в качестве моментов реализации эстетического мышления автора, как это происходит у Кулиева) приобретают особую структуру. Если компоненты классических конструкций тяготеют к горизонтальным связям по соответствующим уровням отражения, то фактурные образы обладают возможностью операций с информационными массами на различных ярусах сознания единовременно.

Двухуровневое использование «фактурных», материализованных представлений, как правило, носит случайный характер; в основном же

их можно признать элементами стихотворной ткани, переход к употреблению которой является одной из ступеней более общего процесса повышения информативной значимости поэтических единиц.

Этот период отмечен у Кулива многими прекрасными стихотворениями. Сюда можно отнести «Стихи, написанные весенним днем», «Белый башлык», «Кавказ», «Зимний эскиз», «Ночь в горской сакле», «Дождь застал нас в дороге», «О, жизнь! Тобой сердце полно», «Девушки собирают виноград», цикл стихотворений «Мои соседи» – в основном, всё это тексты 1938-1940 гг. И, несмотря на краткость, этот этап имеет особое значение в творческой биографии Кулиева.

Его стихи довоенного периода – произведения, созданные человеком, твёрдо верящим в ясность и красоту жизни, и модели их представляют собой сильные, но одномерные конструкции, не допускающие каких-либо значительных отклонений от первоначально взятого направления. Если это добрый, спокойный юмор стихотворения «Сапожник Мухаммат», то читатель может быть уверен, что Кулиев не собьётся с взятой интонации, так же, как не изменит радостному беспокойству «Горской баллады» или тяжёлому чувству последних стихов «Из тетради «В Старой Руссе». Включения фактурных образов в этих текстах воспринимаются некими аргументами выражаемой модели сопереживания, то есть элементами, «приземляющими» эстетизированную классическую ткань, придающими достоверность сказанному.

Новый этап в творчестве поэта открывается стихотворением «Перед боем», написанном в 1941 году. Для человека, жадно любившего этот мир, впервые, может быть, реально открывшаяся возможность уйти из жизни высветила и всё несовершенство бытия.

Причём именно «Перед боем» указывает нам на характер того перелома, что произошёл в мировоззрении поэта. Скорее всего, он не был осознан самим Кулиевым, так как два понимания мира, представленные в тексте – мира «круторогих туров», ласкового взгляда матери и мира боя, сражения, в котором обязательно поражение одной из сторон – не реализованы в едином органичном комплексе в тексте. Мир гармонии, детства, сливающийся с миром будущего нереален в сознании поэта. Присутствие светлого в стихотворении – мечта или реминисценция, бой же идёт сейчас. Кулиев не пытался совместить добро и зло в одном пространственно-временном объёме. Экстремум внешнего давления оказывается губительным для выработанного стереотипа восприятия мира; Кайсын Кулиев же, будучи «поэтом объективного склада» (выражение М. Арнаудова), никоим образом не стремился к фиксации изменений структуры своего «Я», тем более, не способствовал этим изменениям.

Для него менялся мир. Другими словами, к этому моменту поэт в гносеологическом отношении уже перешёл к реалистичному восприятию и отражению, и это, несомненно, ускорило процесс его перехода на

новую структуру тканевых поэтических единиц, узаконило (в субъективных нормах его творчества) массированное внедрение в поэзию фактурных, материальных картин и представлений.

И надо сказать, что иллюзия реальности поэтического объекта, вернувшаяся в поэзию вместе с передачей ей функций инициатора психомоторных реакций, позволяла сформироваться двухуровневой ассоциативной связи, где первый уровень представлял собой ассоциативную связь между первичным и вторичным объектом в его традиционном осмыслении, а второй уровень ассоциативной связи возникал уже внутри поэтического (вторичного) объекта, точнее, между его изобразительностью, вещностью (психомоторная функция) и тем содержанием, которое апеллирует к освоенным уже фондам ассоциативных связей; или же – к первичным объектам. В образ, как бы, вводится дополнительная материальная субстанция, дополнительная реалья, позволяющая с помощью новой, неожиданной ассоциации познать до того неведомую грань первичного объекта. В поэтической практике это чаще всего осуществляется с помощью введения не самого дополнительного объекта, а какого-то его качества.

Однако создание и массовое использование структур подобного рода – явление, которое не может быть увязано с довоенным периодом развития поэтических систем Северного Кавказа. Даже Кайсын Кулиев, вплотную подошедший к употреблению новых структур, ввиду очевидной невозможности работать в полную силу, освоил их в качестве стилиобразующих уже в 60-х годах. В основном же, мы можем констатировать, что довоенный период, 40-50-е годы – эпоха доминирующего бытования классических условных структур и фактурных тканевых образований.

Трагедийно-оптимистический реализм философского осмысления бытия должен был подвести образную систему Кулиева к соответствующему осмыслению отдельных конструктивных элементов. Говоря другими словами, поэт, так или иначе, изменял привычную для сознания «западного» типа структуру языкового мышления, характерной особенностью которой можно, по всей видимости, признать чётко прослеживаемую однонаправленность систем «чувственно воспринимаемый объект – слово». Во всех подобных случаях весьма остро встаёт проблема инерции восприятия читателя, но Кайсын Кулиев, очевидно, так и не столкнулся с ней.

Во-первых, немалую роль сыграл авторитет поэта, к 60-м годам ставшего бесспорным лидером и, так сказать, «законодателем» в сфере эстетического сознания своего народа, а во многом – народов Северного Кавказа вообще.

Во-вторых, и это самое главное, Кулиев использовал, в основном, имевшиеся типы отражающих структур, и первоначально речь шла,

скорее, не о создании двухъярусных тканевых единиц в полном смысле этого слова, тем более – не о привнесении их извне (как в большинстве случаев употребления классических понятийно-эстетизированных структур в 30-е годы), а скорее о новом понимании уже имевшегося в наличии материала.

Явление это обнаруживается в той или иной форме у многих поэтов и чаще всего принимает характер активного подключения рудиментарных образцов древних форм мышления в виде антропо- и зооморфных включений.

Однако Кулиев пошёл не по этому наилегчайшему пути; и, возможно, объясняется это большей сохранностью в балкарском языке вообще, в национальном (фольклорном и авторском) литературном остатков архаичных типов мышления. Упомянувшееся уже нами тяготение балкарской образности к конкретике, к пластике, по нашему мнению, не что иное, как влияние глубинных пластов человеческого мышления, его предабстрактных иррациональных стадий развития.

Мера таланта Кулиева-поэта видится именно в том, он смог впитать весь потенциал национального устного творчества, раскрыл гносеологические возможности буквально всех структур балкарского фольклора и языка вообще. Как правило, в его стихах сопряжены поэтические приёмы самого различного плана, использованы разнохарактерные методы выражения лирического самосознания, присущие народному творчеству, но развитые до нового качества:

В ночном ущелье рыси,

Рыси плакали.

В ущельях ночных

Мглою наполненных (до краёв) – рыси!..

В горлах ущелий туман разбросан (расшвырян)... (здесь и далее подстроичный перевод наш – Т. Т.)

В данном примере можно отметить и эмоциональные рефрены, и прямой параллелизм, и антропоморфизацию – все макро- и микроконструктивные образования, столь характерные для народной поэзии, но нас в данном случае интересуют элементы структурно-содержательного характера – тканевые поэтические образы. «Мгла, до краёв наполняющая ночные ущелья», и «Туман, разбросанный (расшвырянный) в горлах ущелий» – и в том, и в другом случае очевидно включение в описание базового объекта (соответственно «мгла» и «туман») изначально не присущих ему качеств.

Материальность словесных представлений, повторимся, была свойственна Кайсыну Кулиеву и на более ранних этапах творчества, но теперь это явление приобретает иную степень эстетической достоверности. В стихотворении мы вновь сталкиваемся с материализацией нематериального, то есть феноменом, никак не могущим быть гене-

рированным общественным сознанием народа, оперирующим, в силу своего практического действенного характера, объективно воспринимаемыми понятиями и образами.

Перед нами то, что часто называется «авторским видением», «проявлением творческой индивидуальности» и т.п. Двусложные структуры с началом 60-х годов и далее становятся главными в поэтике Кайсына Кулиева. Они, по нашему мнению, определяют его стиль на уровне тканевых образов, образов в узком значении.

Однако в рассмотренном нами стихотворении надстройка образа выполняет, в основном, чисто гносеологические функции, активизирует иннервационные механизмы воспринимающей системы реципиента. Аксиологическая же нагрузка падает на модель сопереживания в целом. Кулиев всё ещё рассказывает о своих переживаниях с помощью зримых, осязаемых элементов воссоздаваемой им картины мира, его личностное отношение локализовано за их границами, и структурные составляющие произведения, как правило, получают эмоциональную нагрузку лишь на фоне всего стихотворения или каких-то его целостных фрагментов.

Последующее развитие поэтического таланта Кайсына Кулиева свело на «нет» разрыв в глубинных порядках его поэзии. Но это, естественно, произошло не вдруг. Поэтом были испробованы многие средства повышения информационно-эстетической ёмкости произведений, например, подчёркнуто синтагматическая разбивка на строки или усиленное подключение местных и общих рефренов, использование обыденной лексики, прямой речи, звукоподражательных слов и т.д.

Эстетическую значимость произведений этого этапа никоим образом нельзя умалить, а лучшие стихи Кулиева данного периода можно причислить к вершинам его творчества; и здесь можно назвать «Къачыу» («Побег»-«Бегство»), «Кече арада» («Ночью»), «Эски жыр эшигими къагдады» («Старая песня стучится в мою дверь»), «Къар юзюлгени» («Лавина»), конечно же «Кечеги жолда» («На ночной дороге»), многие другие. И все же эту стадию эволюции Кулиева-поэта следует, по всей видимости, считать переходной, так как зачастую стихи 1944-1955 годов неровны по силе и глубине эстетического содержания, а набор используемых структур отличается большой пестротой.

Начало истинного расцвета таланта Кулиева хронологически может быть увязано с 60-ми годами, с пришедшим к нему ясным осознанием всеобщей связанности реалий и явлений объективного мира, с чётким ощущением течения времени, что, в сущности, было главной ценностью его поэзии и раньше, но теперь приобрело доминирующий характер в гносеологической потенции образной системы, нёсшей к этому времени окончательно сформировавшийся мощный и устойчивый заряд эмоционально-оценочного характера.

Трагизм мироощущения Кулиева, резкая дисгармония веры в жизнь и знания о её конечности уже проявлены и зафиксированы в его стихах:

*(Знаю я
Вкус соли твоей и мёда,
Иду, земля моя,
Топча травы твои и снега.
Приветствуя каждый камень,
Хвалю (возношу хвалу) сырой (чистый) твой мёд,
Сохи твои
С налившими комьями влажной глины!..)*

(Подстрочный перевод наш.)

В некотором отношении это стихотворение и ряд других («Нальчикде кюз арты» – «Осень в Нальчике», «Сют келтириучу кьыз» – «Девушка молочница», «Алмала» – «Яблоки») могут показаться аналогичными ранним стихам Кулиева с их «конкретно-пластической» выразительностью.

Но мастерство поэта в передаче ощущений сенсорного характера достигло столь высокого уровня, что можно говорить о реализации оппозиций различных информативных пластов, когда чувственная значимость исчезающих мгновений, уловленных Кулиевым, противопоставляется эстетическим структурам других уровней рефлексии – чаще всего безразличному величию неупомянутой, но подразумеваемой вечности, недоступной человеку. Здесь, на уровне эмоционального обобщения модели сопереживания, и находит полноценное эстетическое воплощение двусложность структуры тканевых образов поэта.

В последующие годы именно этот алгоритм развития мысли становится главным в стихах Кулиева, так или иначе всегда обращавшегося к вечной теме противостояния Человека и Времени, для него, по всей видимости, равнозначной и соположенной теме Добра и Зла.

С годами мысль Кулиева не теряет своей экзистенциальной направленности, лишь убедительней становятся его эмоциональные аргументы, последовательней и чётче поэтическая логика:

*...Влажной земли тугой ком
В руке держу. Хлебным запахом
Бьёт от него. Выйдя на дорогу тревог,
Сгнули (полегли) за эту землю...
...Тугой ком земли вместе с травой
Лежит в моей руке, нагретый солнцем.
Во веки веков никто не уверит меня,
Что бомбы сильнее его!..*

Понятно воспринимаемое содержание приведённых строф (и всего стихотворения) как нельзя более доходчиво и просто. Тканевые элементы полностью гомотетичны стихотворному алгоритму. Уже первые содержательно-выразительные единицы определяют дальнейшее раз-

витие модели сопереживания. «Тугой ком земли» – погибающие люди и запах хлеба – образ, концентрирующий в себе суть жизни с добром и злом, фактически олицетворяющий её. Это – структура, первоначально рассматриваемая изолированно, но последующие строфы разворачивают её смысловую и чувственный строй, заполняют дистанцию между погибшими солдатами и запахом хлеба – крайними границами бытия, сошедшегося в ком земли на ладони поэта. Правда – в качестве дани прошлому опыту – заключительная строфа представляет собой декларированный и, во многом, чисто логический вывод всего произведения.

Можно заметить, что конвенционально обусловленная эмоциональная область «запаха хлеба» выражает также и отношение автора, то есть функционирует в структуре в качестве аксиологической составляющей. Таким образом, происходит совмещение различных сторон деятельности индивидуального сознания поэта в единое целое на всех уровнях восприятия, от рецепторного до абстрактно-понятийного.

Данное стихотворение предстаёт перед нами как образец цельного и, в основной части своего информационного объёма, гармоничного в своём эстетическом качестве произведения. Кулиев в своей эволюции оказался в той точке, в которой гносеологическая составляющая его тканевых структур оказалась полностью задействованной в рамках конкретной модели сопереживания. Однако двусложные ассоциативные комплексы могут реализовываться и несколько иным способом – воплощая, например, различные этико-эстетические системы в одном алгоритме. Шаги Кулиева в этом направлении также относятся к 60-м годам.

Его стихи часто представляют собой сочетание фактурных и двусложных тканевых образов, с доминированием односложных единиц, но модель сопереживания оказывается двухпластовой, где под поверхностным (часто зрительным и сенсорным) сопереживанием происходит эволюция эмоциональная. В этих случаях стихотворение обычно заканчивается концовкой, раскрывающей подспудное содержание:

*Я воду пил, текущую меж скал,
Что пахнет мокрой ягодой в ущелье,
И, стоя над водою, замечал:
Горели искры на боку форели.
Текущую меж скал я воду пил
И ощущал мороз ее истоков.
Я воду пил и набирался сил,
И приобщался к мудрости высокой...*

Позднее поэт в своих двухпластовых моделях сопереживания, как правило, использует двусложные ассоциативные комплексы, и в этих моментах односложные тканевые образы со смещёнными функциями базовых объектов в контексте играют роль двухъярусных ассоциативных конструкций. Так выстроено стихотворение «Погонщики мулов»:

*Все им доступно, подвластно их силе,
Не обманула надежды судьба,
Блиzkих и милых года не скосили,
Как никогда, уродились хлеба.
Будто их жены красивей всех женщин,
Будто их овцы жирней всех овец,
Будто все знанья – у них, деревенщин,
Что ни старик – то знаток и мудрец...*

Признанным шедевром К. Кулиева считается стихотворение «Женщина купается в реке», и это вполне справедливо по отношению к тексту, в котором поэт достигает необычайно чёткого прочтения обоих планов модели лирического сопереживания:

*Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,
Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.
Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень береговой листвы.
Затишают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.
Плещется купальщица в воде, –
Нет у зла и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке:
Женщина купается в реке!..*

Противопоставление сиюминутности, зыбкости, мгновенности человеческого счастья и вечности трагического проходит не только в алгоритме мысли модели. Можно сказать, что «Женщина купается в реке» – стихотворение, полностью построенное на двухъярусных тканевых структурных единицах. Поверхностная ассоциативная связь с введением дополнительных объектов (например: «руки золотых своих лучей» – дополнительный объект «руки»), ориентированная на психомоторное восприятие комфортных ощущений, несёт положительный эмоциональный заряд. Иначе говоря, поразительная находка К. Кулиева – «мокнет тень береговой листвы» действует следующим образом: «тень береговой листвы» со всем своим традиционным фондом внутренних ассоциаций лежит в «глубине», реализуясь в трагическом пласте модели, «мокнущая» же «тень» – полуодушевлённая, доброжелательная к женщине, к человеку вообще, своей осязаемостью, плотностью подтверждает наслаждение, получаемое от природы, мира в данное мгновенье.

И «тень береговой листвы», и «мокнущая тень береговой листвы», впрочем, одинаково нейтральны вне контекста, но в этом стихотворении

эти два уровня одного и того же тканевого образа полноценно «работают» на разных пластах модели лирического сопереживания. Глубинная сторона модели, как сказано, в основном базируется на образах – носителях психомоторных реакций, внешний же пласт, составленный из традиционно осмысляемых «женщины», «реки», «солнца», «тени», «трав», «каменной», «зла», «смерти», «выюги», «зимы», «тюрьмы», «сумы», «войны», представляется нам некой системой с постоянным возрастанием трагизма. «Нет тюрьмы на свете, нет сумы» – принадлежность второго яруса модели с его одушевлённым и нежным солнцем, с его мокрыми камнями, загнивающими травами, материальной тенью, касающейся головы купальщицы; на первом же ярусе есть тюрьма и сума, есть просто солнце, есть просто камни на берегу, травы и тень. Но удивительно, что и «счастливый» пласт также набирает мощь в конце стихотворения; в силу этого последняя строка осознаётся как кульминация, как крайнее выражение трагизма и счастливого начала человеческой жизни.

Возможности подобного параллельного построения двух алгоритмов сопереживания в рамках единого акта восприятия при применении структур более низкого уровня организации весьма сомнительны. Во всяком случае, автор не знает подобных примеров, и это с определённой степенью вероятности позволяет нам утверждать, что конструкции подобного рода на сегодняшний день, как и сорок лет назад, – пиковый этап эстетического сознания региона, быть может, являющийся отправной точкой в дальнейшей, качественно иной эволюции информационного пространства поэзии Северного Кавказа.

Информационный минимум двусложных структур фактически представляет собой совокупность информационных потенциалов двух самостоятельных образных конструкций, а при учёте необходимых идентификационных связей между всеми элементами системы мы наблюдаем своеобразное «скачковое» увеличение показателей информационной значимости.

Касаясь оценок специалистов творчества поэта в целом, отметим, в качестве общепризнанного, что поэтика зрелого К. Кулиева, образный строй его текстов базируется на так называемых «пластических» (или иначе – «фактурных») представлениях. С этим действительно трудно спорить, но, быть может, повторяясь, приходится констатировать, что в многочисленных исследованиях творчества поэта практически отсутствуют моменты анализа эволюции образного мышления Кулиева; то есть материализованные представления его поэзии довоенного, например, периода воспринимаются полными аналогами структур 70-х – 80-х годов.

Подобный подход своим логическим завершением имеет несколько итогов, в числе которых – неизбежное признание сенсорной насыщенности стихов Кулиева едва ли не единственной отличитель-

ной чертой его стиля и столь же закономерный вывод (к чести исследователей – так, никем, по всей видимости, не сделанный) о неизбежной исчерпанности эстетического потенциала автора.

Однако эволюция Кулиева-поэта очевидна, и движение это тем более интересно, что каузальным основанием его служил целый ряд факторов, образовавших действительно уникальный комплекс, и по крайней мере два из них представляют для нас особый интерес.

Во-первых, эстетическое сознание К. Кулиева сочетало в себе черты трёх различных культурных систем – традиционной европейской (русской) с её ориентацией на ассоциативное определение объектов, национальной балкарской с доминацией конкретно-материального отражения и, в меньшей степени, восточной, характеризующейся рационально-понятийной рефлексией.

Во-вторых – характер поэтического дарования К. Кулиева. Оставляя в стороне механизм формирования мышления поэта, мы утверждаем, что эволюция Кулиева есть процесс постоянного повышения информативной ёмкости его образных выражений, процесс постоянного усложнения смысловых структур текста. В этом плане нет и не может быть никакого знака равенства между материальными номинациями его стихов 30-х годов и сложнейшими двухъярусными структурами зрелого периода творчества.

Можно предположить, что информационно-эстетический объем бытия поэта остро нуждался в полностью толерантных структурах, которые должны были бы снять для Кулиева проблему сочетаемости-несочетаемости различных типов образных конструкций и при этом сохранить высокую степень информативной ёмкости.

Именно эта чисто эргономическая потребность его эстетического сознания и явилась причиной постепенной трансформации некоторых постоянных объектов поэтического бытия Кулиева. Например, «веточка алычи» (или просто «алыча»), «кизил», «арбуз», «яблоня», «форель», очень часто обыгрывавшиеся в его стихах.

Если в текстах 30-х-50-х они выступают в качестве элементов образных блоков, иногда даже имеющих сюжетный характер («...Люблю арбуз я с треском взрезать...», «...И, сплюнув на руки и взяв лопату, он яблони сажает, как когда-то...»); если в стихах 60-х-70-х годов это системы алгоритма сопереживания («...и жёлт балкон, и в цвет луны одет сияющий арбуз...»), то уже в 80-х наблюдается повышение роли внеконтекстуального значения этих образов, и, в конце концов, в некоторых стихах Кулиева они преобразуются в информативные структуры особого типа – замкнутые (или изолированные) системы, смысловое наполнение которых практически не зависит от конкретного текста.

Тяготение Кулиева к подобным структурам проявилось в последние годы его жизни и в увеличении количества употребляемых рефренов

(рефрен, поначалу являющийся связанной частью текста, по ходу реализации алгоритма сопереживания зачастую настолько отходит от общей смысловой канвы, что фактически начинает играть роль замкнутой информационной системы), и в частых апелляциях к самодостаточным единицам инокультурной среды («Твоё лицо – лицо весны», «О, краса моя», «Две газели», «Белый парус в морской показался дали», «Где покой?», многие другие).

Можно сказать, что в своей творческой эволюции К. Кулиев пришёл к созданию образных единиц, обладавших именно теми качествами, которые были наиболее функциональными для поэта его склада. Это полная лояльность замкнутых систем ко все типам смысловых структур, во-вторых – сохранение в полном объёме специфики национального мироощущения и, конечно же – замкнутые образные системы – образования с огромным информационным потенциалом (относительно последних качеств – справедливо будет утверждать, что замкнутые системы – оформленные комплексы национального информационного пространства).

Наиболее яркий пример подобного подхода – творчество Ф. Гарсиа Лорки, почти полностью базирующееся на замкнутых эмоциональных ассоциативных комплексах, что подводит нас к мысли о системном совпадении поэтического мышления великого испанца и балкарского поэта – напомним, уроженец В. Чегема, весьма часто признавал их эстетическую и философскую близость. «Фольклорность» Лорки, столь часто отмечавшаяся исследователями, приобретает для нас особое значение именно в свете структурных характеристик его тканевых образов. При разборе его произведений выясняется, что они практически целиком и полностью основываются на замкнутых эмоциональных конструкциях как в виде циклических рефренов, так и в виде отдельных «выпадающих», нечленимых контекстуально ударных образов:

Я в этом городе раздавлен небесами.

И здесь, на улицах с повадками змеи,

Где ввысь растёт кристаллом косный камень,

Пусть отрастают волосы мои...

Чёткая экспозиционная картина (первые три строки) в целом исчерпывает диапазон сопереживательных движений, но ударным, резко усиливающим образом является именно третья строка – нерасчленимый образ, апеллирующий к «внелитературной» памяти и внеконтекстуальному осмыслению информации – в данном случае обыгрывается обычай не стричь волосы при большом горе.

Подводя краткий итог, хочется сказать несколько слов о характере информационной эволюции поэта Кайсына Кулиева вообще. Чисто внешне это было движение от эмпирической образности и лозунговых стихов к двусложным структурам фактурно-эмоционального типа. Правильным будет и утверждение, что это был путь к реализму, ибо

Кулиев, в конце концов, пришёл к действительно целостному видению мира, когда большинство осознаваемых граней бытия так или иначе реализованы в стихотворениях (вернее – в отдельно взятом тексте).

И все же, на наш взгляд, и та, и другая версия выявляла бы частные черты развития и прогрессирования Кулиева-поэта. Рефлексия автора двоякообусловлена, она и общественна, она и индивидуальна. Зафиксированные в образах информационные структуры входят в общее информационное пространство региона и – шире – мировой литературы в силу объективной зависимости от него.

Поэтому определение «реализм» в отношении столь своеобразного художника, как Кулиев, должно восприниматься чисто классификационным, а «пластика» его образов не имеет ничего общего с сенсорной насыщенностью вновь осваиваемых объектов. Сенсорно-информативная насыщенность образных единиц Кулиева глубоко специфична и аргументирована, прежде всего, на структурном уровне.

Мы ещё раз утверждаем, что эволюция поэтического мышления поэта может быть определена как восхождение ко всё более и более информационно насыщенным единицам, и в этом смысле она в концентрированном виде воплощает в себе черты развития поэзии вообще.

Информативность эта носит ярко выраженное эстетическое направление (в отличие от информативности, например, урбанистических образов, появление которых обусловлено лавинообразным расширением сферы используемых в поэзии объектов), и основной ценностной характеристикой её является сохранение на конечном этапе восприятия и обработки информации всех сведений, поступающих от рефлексивных систем сознания.

Кулиев двигался от осязания, зрения, слуха, вкусовых и обонятельных ощущений к философским абстрактным обобщениям, не отбрасывая при этом информации, зафиксированной на первых ступенях познания. Всё это в полной мере присутствует в стихах зрелого Кулиева, составляет единую и мощную систему воздействия на читателя

Байрамукова Н. Кайсын Кулиев. М. 1975. С. 40.

Байрамукова Н. Указ. соч. С. 42.

Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. М. 1974. С. 94.

Арнаутов М. Психология литературного творчества. М. 1970. С. 70.

Осват Л. Трагическая гармония Федерико Гарсиа Лорки // Вопросы литературы. 1973. № 7. Сс. 184-204.

Лорка Ф. Г. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М. 1975. С. 7.

ЗОЛОТАЯ ПЛЕЯДА

К 85-летию со дня рождения Лиуана Губжокова

Лиуан Губжоков

Когда говоришь о талантливом человеке, не можешь не вспомнить о тех, кто его окружал. С кем общался, с кем дружил, что ставил во главу угла, чем дорожил, в чём полагал смысл жизни? Ответы на эти вопросы всё ставят на свои места.

Лиуан Губжоков при жизни обрёл славу: его поэзию и прозу читали, его песни пели, а книги его с нетерпением ждали, и каждая по праву оказывалась событием в литературной жизни нашей республики.

С Лиуаном считались, с ним дружили писатели разных поколений. Это А. Кешоков, К. Кулиев, И. Кашежева, Т. Зумакулова, М. Кештов, И. Бабаев, З. Тхагазитов, А. Байзуллаев, Э. Мальбахов, А. Бицуев, К. Эльгаров, Х. Тхазеплов и многие-многие другие. По-другому быть не могло, потому что у них у всех был один хозяин. Это было слово. Все они служили слову беззаветно, ревностно, страстно, а взамен ничего не ждали. Поэтому Губжоков мог сказать: «Живу для живых» или «После меня пусть всё цветёт, как прежде».

Мне однажды улыбнулась удача работать вместе с Лиуаном Губжоковым – в 1983 году, когда под началом Петра Шевлокова стали выходить объединённые журналы «Эльбрус», «Ошхамахо», «Минги Тау». Лиуан заведовал отделом критики в «Ошхамахо», а я отделом поэзии в «Минги Тау». Нам обоим, как самым молодым, поручили купить новую мебель в новые кабинеты. В те годы царил тотальный разгул дефицита, когда деньги есть, а покупать нечего. Но мы с Лиуаном справились с задачей: заслужили похвалу, даже получили премию от руководства.

В ту эпоху поэты читали друг другу свои стихи, рассказы и от души радовались новинкам, переводили удачные работы друг друга на родные языки. А у Лиуана была ещё одна особенность – он переводил русские народные песни на кабардинский язык и очень складно и величаво пел. А это ещё раз подчёркивает только ему одному свойственный божий дар.

Такие были времена, каждый старался делать добро. Как некогда в армии учил командир: «Делай как я, делай лучше меня...».

Был случай, когда Зубер Тхагазитов перевёл на кабардинский язык Кязима, а издательство «Эльбрус» в тот период не имело возможности издать книгу нашего классика, Зубер отложил в сторону свою издаваемую рукопись и издал Кязима Мечиева вместо себя. Разве это не поступок?!

А вот ещё другая история... Все знают, каким заядлым охотником был незабвенный Эльберд Мальбахов. Он лет пятнадцать не был на охоте, не был в горах. Вдруг ему предложили пойти на охоту, выбрали лицензию, о которой он долгое время мечтал. Но Эльберд отказался. Сказал, что работает над переводом романа Алима Теппеева «Мост Сират». О походе на охоту больше никто так и не заикнулся. Переведённый роман был удостоен Государственной премии, а в книге мелким шрифтом где-то было напечатано: «Роман издаётся в переводе Э. Мальбахова». Таких примеров в нашей литературной жизни достаточно много.

Время было такое. Время добра, время добрых людей, людей слова, а самое главное, время веры друг в друга. То было время золотой плеяды, золотого поколения.

Принадлежал к этому поколению и первый Президент КБР В. М. Коков, который сказал крылатые слова: «Власть должна служить народу, а главная её опора – человек». Пускай об этом знают молодые... Да, какие времена – такие люди, но точь-в-точь можно сказать и обратное: какие люди – такие и времена. Я думаю, так будет вернее. А если это так, время нам подвластно. Изменимся мы, мы изменим и время. Но изменим его в лучшую сторону. У нас всё получится, если мы будем читать и черпать у этого золотого поколения добро. И, как Лиуан Губжоков, будем «жить для живых», но помнить и не забывать об ушедших...

Лиуан ГУБЖОКОВ

КОНОВЯЗЬ

Лёгок всадник лихой на помине,
Держит с прошлым днём нынешний связь.
В кабардинском дворе посредине,
Как ведётся, стоит коновязь.

Искони повелось на Кавказе:
Гость проскачет ли в дом, иль гонец,

Во дворе на зубец коновязи
Он поводьев набросит конец.

И какого б тавра его лошадь
Ни была, ей оказана честь.
Обойти коновязи не сможет
Ни плохая, ни добрая весть.

И в горах довелось коновязям
Провожать на войну седоков.
Сколько всадников рухнуло наземь?
Сколько славой покрылось клинков?
Грозно ветер трубил с перевала,
Знал джигит, умереть не страшась,
Вражий конь оскорбил бы немало
Посредине двора коновязь.

Перевод Я. Козловского

ИСЧЕЗНУВШЕЕ ДЕТСТВО

– Эй, рыбаки,
Знакомы реки вам в горах,
Форель вы ловите
На дальних берегах.
Не в Жемталу ли,
Над которою бродил,
Я детство
Рыбкой золотою уронил?
Не приходилось ли
Хоть раз встречать его?

– Нет, мы ни разу
Не видали ничего.

– Эй вы, охотники,
Немало тайных троп
Вы исходили
В глубине лесных чащоб.
Турёнок белый детства
Здесь гулять любил.
Его случайно я

Из виду упустил...
Не приходилось ли
Хоть раз встречать его?

– Нет, мы ни разу
Не видали ничего.

– Эй, ребятня,
Дорога в школу здесь идёт,
Знаком на ней вам
Каждый шаг и поворот.
Вот здесь, где встарь я,
Словно ветер, пробегал,
Босое детство
Я однажды потерял.
Не приходилось ли
Хоть раз встречать его?

– Нет, мы ни разу
Не видали ничего.

Перевод В. Алейникова

ЖАМТХАЛА

Присев на колени горам, что умыты Светилом,
Сквозь заросли бука село моё, радуя глаз,
Виднеется издали. Слов бы воспеть мне хватило
Просторы родной Жамтхалы и любимый Кавказ.

Чтоб в гости приехать, искать провожатых не надо:
Мой край, вы поверьте, найдёте легко, без труда.
Приезд ваш покажется нам долгожданной наградой,
Здесь рады гостям – нараспашку душа и врата.

Деревья, пригнувшись под тяжестью слив, как в поклоне,
Очнутя от дрёмы, до сельских ворот доведут.
А птицы порадуют вас голосов перезвоном,
Приветствуя, лучшие песни свои пропоют.

Сорвётся вдруг с гор, расцелует вас ветер прохладный,
Как брата родного в объятиях крепко сожмёт,

Из нашего детства историй о «подвигах ратных»
Река Жамтхала вам нашепчет тайком в свой черёд.

Не ставьте в упрёк, что мы так далеки от столицы.
Ведь схожие души просторы смущать не должны.
Недаром Москве суждено в Жамтхале повториться:
Ей тёзкой колхоз наш. Ещё аргументы нужны?

Перевод Р. Агоевой

КУКУШКА

(По кабардинским толкованьям...)

По кабардинским толкованьям,
Ходить обманутым весь год
Тому, кто слышал кукованье
Твоё голодным. Ну, так вот

Причина, что боялся встречи
Я натошак всегда с тобой,
Предвидя звук лукавой речи,
Мне предназначенной порой!

Теперь, кукушка, сколько хочешь
Кукуй ты, хоть до хрипоты!
Меня уже с тех пор не гложет
Такая чушь, когда мечты

О той, что полюбил всем сердцем,
Рассыпались неожиданно в прах,
Когда она к другому рвётся,
Меня оставив в дураках!

Перевод Р. Агоевой

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО АМИРА МАКОЕВА

(на материале сборника «Возвращённое небо»)

По нашему наблюдению, в целом, национальная критика склонна проявлять несколько нигилистическое отношение к «русскопишущим» авторам: мол, «не может быть кабардинской литературы на инонациональном языке». Пожалуй, исключением в этом вопросе является А. М. Гутов, убеждённый в том, что «литература – не только слова, но ещё и способ эстетического освоения действительности, имеющий весьма широкий спектр областей проявления». Измерение творчества Амира Макоева по гатовским меркам (тема, содержание, идея, фактический материал, стилистика изложения, художественные традиции) позволяет довольно точно определить географическую «прописку» героев молодого автора – это Кабардино-Балкария второй половины XX в. с преимущественным вниманием писателя к адыгской «деревне» (хэкуж) с её вековыми устоями и архетипическими основаниями. Это мир детства каждого современно-го «пятидесятника» (и старше), который по вечерам наблюдал за стадом коров, неспешно возвращающимся из леса; это полузабытый сельский промысел откармливания гусениц шелкопряда тузовыми листьями для пополнения семейного или школьного бюджета; это древнейший обряд вызывания дождя хэнцигуашэ; это чисто южнороссийское пристрастие к мощным кованым воротам, органически дополняющим каменные заборы-крепости. К этномаркированным элементам относятся элементы национальной кухни (пшённый суп), «грушевый лимонад», ставший культурным брендом региона; легко узнаваемый предгорный ландшафт; специфический антропонимикон и, бесспорно, тонко разлитые по всему гипертексту особенности коммуникативного поведения адыгов. Среди них манера беззлобно подтрунивать над супругой; аскетизм в отношении родителей к детям; выраженный культ соседа, судя по актуальности вопроса, который волнует сельчан того времени: «богоугодно ли прерывать чтение Корана, если зашёл сосед?» и т.д.

В этом отношении А. Макоева с полным на то основанием можно назвать писателем-кавказоведом. При этом, естественно, он не этнограф, а художник, по-фолкнеровски обстоятельно стремящийся через клочок родной земли, «величиной с почтовую марочку», исследовать глобальные и актуальные проблемы движения всемирной цивилизации.

Вся мировая культура второй половины XX в. пронизана идеей поиска этноидентифицирующих корней. Достаточно вспомнить роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», где фигурирует «мешок с

костями родителей», от степени почитания или непочитания которых зависит благополучие рода Буэндиа. Без корней нет дерева, без корней нет народа – эта же идея наглядно изображена в романе афроамериканской писательницы Тони Моррисон «Возлюбленная», где одна из героинь на собственной спине носит рубец-силуэт тотемного дерева, нанесённый калёным железом.

Процессы, связанные с глобализацией, угрожающей полностью «конфисковать» этнокультурный слой земли, чрезвычайно обострили интерес каждого народа к своим историческим корням, особенно на Северном Кавказе. Кстати, на это обратил внимание редактор одного из московских журналов, который отмечает, что «едва ли не каждый автор Кабардино-Балкарии, выстраивая свой культурологический дискурс, в той или иной форме апеллирует к общекавказскому эпосу «Нарты», к его образно-смысловому и символическому миру».

Для современной кабардинской художественной культуры чрезвычайно характерна объективизация идеи возвращения неких эталонных моделей духовного, практического, коммуникативного бытия, которые остались в далёком прошлом. Отсюда – у значительной части этнофоров безудержное желание писать фамилии на старинный лад, переименовывать улицы, реанимируя полузабытые имена исторических лиц, возрождать древние ремесла, учреждать дни национального костюма, флага, языка и т.д. Даже на уровне заголовков можно проследить лейтмотив ностальгии по былому. Весьма показателен в этом отношении эпизод из повести М. Емкужева «Всемирный потоп», посвящённый каменной плите под названием «Возвращающаяся Асият». Речь идёт о том, что когда-то «в час сурового испытания» женщина по имени Асият спасла Родину от иноземцев, и народ воздвиг памятник национальной героине. Автор пишет: «Каменотёс прошлого поставил плиту таким образом, что, если смотреть из села, кажется, будто какая-то женщина появилась из-за курганов – ещё мгновение, другое и она, Асият, спустится в селение. Оттого и зовут её «Возвращающаяся Асият», видя в ней своеобразный «навигатор» для народного сознания.

В этот же мировоззренческий ряд вписывается сборник А. Макоева «Возвращённое небо», где самим заголовком подчёркивается актуальность восстановления утраченных или утрачиваемых духовных ценностей.

Амир Макоев изображает проблемный Кавказ, который переживает крайне болезненный процесс этноонтологического самоопределения перед лицом глобализации. Эта точка бифуркации в каждом из семи произведений отзывается двоemiрием, расколом, распадом некогда гомогенного социума. Распад обусловлен возникновением двух разнонаправленных силовых линий – патриархального и авангардного. Судя по «Возвращённому небу», линия разлома больше и сильнее всего про-

шла по институту семьи, обострив до чрезвычайности извечную проблему «отцов и детей». Традиционные адыгские стандарты сурового, аскетичного воспитания сыновей уже «не работают», родилось целое поколение «недолюбленных» детей, лишённых психологической отцовской или родовой защиты. Трагическую ситуацию коммуникативного антидиалога между поколениями автор мастерски изображает посредством образа «телефонной будки, наполовину засыпанной песком» и «ржавым наборным диском с неразличимыми цифрами». Та же идея содержится в образе трещины на земле, которая привиделась мальчику в «Золотых апельсинах».

В повести «Возвращённое небо» желание Лиуана совершить культурную революцию в архаических предписаниях прорывается в отчаянном жесте: до крови изранив кисти рук, он разносит до основания старинный, «неповоротливый шкаф», который никак «не хотел покидать» территорию дома, «укрывшись брезентом» и спрятавшись в дальнем углу навеса. Как альтернатива морально устаревшему шкафу воспринимается с любовью выстроенная хозяйном в саду «беседка» – образ, в котором прочитывается новая модель более свободного, открытого общения, в том числе, между родителями и детьми.

Ещё более чётко две линии кабардинской (кавказской) национальной истории обозначены в рассказе А. Макоева «В пору голых деревьев». Один из братьев воплощает прогрессивное, современное, урбанистическое начало. Это тип своеобразного кабардинского Фауста, в своём стремлении к вечному движению вперёд, строящего новый дом, избавляющегося от старья, сажающего новые сорта деревьев. Его архетипическим антиподом является младший брат НаDIR, который, повторив судьбу «блудного сына», через много лет возвращается в отчий дом и с фанатичным упорством восстанавливает не только сам древний отцовский домик, но и всё его прежнее убранство, вплоть до «ковра с оленями» и прочих артефактов, отвоёванных у мусорной свалки (умывальник, железная кровать) и понятливых соседок. Примечательно, что с постоянством метакода несколько раз в повести повторяется выражение «на прежнее место».

Для того чтобы подчеркнуть зашкаливающую преданность Надира «отеческим ценностям», автор удачно использует два гротесковых образа. Первый – «грот», который, интертекстуально увязываясь с эпохой первобытнообщинного строя, первовременьем нартов, выстраивается НаDIRом прямо посреди сада. Если бы А. Макоев поставил точку на этом архетипическом образе, то можно было бы усмотреть в авторе закоренелого догматика и ретрограда. Но, к счастью, писателю не изменяет его диалектическая интуиция, и он использует ещё один утрированно гротесковый, даже карикатурный образ «мешка денег», который из дальних странствий привёз «дезориентированный» НаDIR. Важная

деталь: деньги девальвированы банковской системой государства, историческим временем, купюры изъяты из оборота и, тем самым, из сокровища превращены в бытовой мусор.

Таким образом, в подтексте произведения звучит важная мысль: именно «золотая середина», равноудалённая как от отжививших свой век социальных стереотипов, так и от новомодных инокультурных влияний, является оптимальной формой социального бытия для современников.

Кабардинский философ Х. Г. Тхагапсоев, исследовавший специфику общекавказской экзистенции, дал ей типологическое имя «лектоническая цивилизация» (от греч. «лектон» – изреченное). Как отмечает учёный, «данный тип коммуникации тем и характерен, что, как бы компенсируя отсутствие писаных законов, общими усилиями всего социума непрерывно переводит регулятивные потенции «горских кодексов» (хабэз, намыс, адет, нумус, и т.д.) в операционально-функциональную деятельность социума и индивида».

Что делать современному кавказскому горцу, который ежедневно убеждается в исчерпанности лектона, но никак не приносится к требованиям нового тысячелетия? Кроме указанной нами «золотой середины», А. Макоев даёт ещё один ответ, полученный из онейрической (сновидческой) сферы – «пой сердцем навстречу». В этом, на первый взгляд, мистически-загадочном метакоде содержится важная «инструктивная» мысль: идти вперёд, распознавая должное и недолжное не столько рациональным умом, сколько интуицией, подсознанием, голосом сердца.

Одним из признаков качественного художественного текста является его системный, даже концентрический характер, где в качестве ядра выступает некая центральная философская идея, на которую зримо или незримо «работают» все без исключения периферийные элементы текста. Это своего рода служебные или «серверные» экспрессивные средства в виде архетипов, мифологем, номинологических, нумерологических, цветовых символов, сравнений, метафор, интертекстом и т. д.

Начнём с того, что сама ситуация двоемирия как в онтологическом (небо и земля), так и социальном («новые» кабардинцы и «простолюдины») смысле, поэтологически поддержана в тексте числом «два» – нумерологическим символом распада, раскола, контраста, конфликта и т.д. Прежде всего, это две лодки, смысл которых далеко не исчерпывается интерпретацией самого героя-протагониста в повести «Натюрморт с чайкой» (жизнь и смерть), но и означает множество других бинарных понятий – свободный выбор (море) и ответственность (берег); импровизацию и канон; традицию и модерн; борьбу и покой и т.д.

На наш взгляд, весьма прозрачно в гипертексте А. Макоева представлена и гендерная картина мира через два ключевых символа: петух (маскулинное) и корова (феминное). Симптоматично, что хозяин дома

Лиуан в повести «Возвращённое небо» однажды утром обнаруживает собственного петуха, распятого на воротах. Типологически сходное рукоприкладство (мысленно) производится и по отношению к корове («Сады Масират») – и тот, и другой случай являются неким художественным уведомлением о том, что традиционные гендерные ролевые стереотипы (мужские и женские) уже изжили себя и требуют разумной, социально оправданной трансформации. И эту истину следует принять как данность, учитывая, что мир патриархальных ценностей уже потерял свою былую целостность.

Для «ностальгической» поэтики А. Макоева характерно противопоставление идеального «вчера» и негативного «сегодня». Иллюстративных примеров на эту тему можно привести множество. Но среди них особо выделяются две перекликающиеся зооморфные картинки, претендующие на звание эмблематического знака всей «исторической антропологии» автора. Первая из них связана с шелковичными гусеницами, которые по легенде, дарованы Всевышним в помощь человеку и символизируют цикличность, творческий потенциал и бессмертие. Мальчики и девочки, собирающие тутовые листья для откармливания «шелкопрядных червей», по логике проективной идентификации не только в «шелкопрядах», но и в самих себе взращивают указанные качества, выплетая нити собственной судьбы, судьбы народа и всего человечества. Абсолюту «шелковичных червей» противопоставлены «черви, которые завелись в родниковой воде» – как знак последней стадии регресса в нравах людей. Мысль о катастрофичности появления червей в священном роднике дополнительно подчёркивается и фоносемантическими средствами: «За молнией, немного припоздав, прозвучал гром такой силы, что от испуга она опустилась на одно колено». Звук «о», пятнадцатикратно повторенный в одном небольшом предложении, своим очертанием вызывает в сознании читателя знаменитую картину норвежского художника-экспрессиониста Э. Мунка «Крик», и интенсифицирует мысль о необходимости экстренной экологической помощи человеческой душе.

Интенсификации мировоззренческого двоemiрия служит и цветовая символика. Небесно-астральными цветами маркированы маленькие очаги света на земле. Это «белая рубашка» великомученика Мурата, его «синий мотоцикл», «длинный светлый плащ Масират» – учительницы родного языка, «голубенькая майка Тимура», совершающего первый в своей жизни серьёзный квест и др. Амир Макоев – из тех «писателей-дизайнеров», для которых «костюмный облик» является «способом конкретизации идеала». Так, описывая любимую девушку Мурата («Возвращённое небо»), автор пишет: «На ней серое платье, то ли с огромными синими цветами, то ли птицами». Здесь все важно: синева, побеждающая серость; цветы, стремящиеся преодолеть земное

тяготение и превратиться в крылатых существ, – а в сумме выводится «индекс» одухотворённости молодой героини и её избранника. Нижний поднебесный мир отмечен в художественном мире прозаика цветовой пестротой: это «чёрный ягнёнок», «зелёный чайник», «фиолетовое пятно», «тёмно-буро, бледно-зелёное, красно-коричневое облачко, «цветная простыня» и так далее.

Давно замечено, что среди объектов мироздания числятся отдельные предметы, которые могут быть «добром» или «злом» только в зависимости от нравственного сознания, разума и воли человека: к примеру, огонь, холодное оружие (кинжал), яд. В мировой литературе многое сделано для того, чтобы раскрыть внутреннее противоречие подобных двуполюсных предметов и явлений. В кавказской поэзии особенно «повезло» кинжалу. Литературовед Х. И. Баков в одной из своих работ провёл сравнительно-сопоставительный анализ трёх одноименных стихотворений Р. Гамзатова, А. Кешокова и К. Кулиева, и в качестве «общего знаменателя» выявил «два противоположных чувства, вызываемых у лирического героя» образом кинжала. Здесь же автор приводит яркие примеры диалектически маркированных строк:

*«Для дружеской руки – вот рукоять моя,
Для вражеской груди – сталь остряя»*
(Р. Гамзатов).

*«Два лезвия кинжала одного,
Они спиной обращены друг к другу.
И меж собою делят оттого
Один позор или одну заслугу»*
(А. Кешоков).

*«Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был»*
(К. Кулиев).

Далее интересно наблюдать за тем, как чрезвычайно «экономный» в художественных средствах А. Макоев всю эту мощно развёрнутую кавказскими поэтами «кинжалную философию» сворачивает до размера крохотной архетипической матрицы. Для этого ему достаточно одной-единственной контекстуальной антитезы – «острый нож, завернутый в детскую велюровую юбочку («Масират»). Даже на тактильном уровне, кажется, сложно было бы найти два более контрастирующих предмета: велюр и сталь. Логика взаимоотрицания предметов протянута и дальше через совмещение несовместимых образов: ребёнок и орудие насилия, женское и жестокое, жизнь и смерть.

Приведённый нами пример соседства «велюровой юбочки» с «ножом» «выдаёт» в Амуре Макоеве поэта. И такого рода «поэтизмы» (в хорошем смысле этого слова), сотканые из метафорических микротекстов, разбросаны по пространству всего сборника. Например: «тихий омут её безрадостного существования», «выражение двух окон», «загонять шаловливый осенний ветерок себе в карманы и верить, что теперь ему оттуда не выбраться», «задышать так шумно, как будто воздух всей планеты хотел вдохнуть», «выключить луну».

Интертекстуальные переключки Амуре Макоева не ограничиваются диалогами с Р. Гамзатовым, К. Кулиевым и А. Кешоковым, – решая чисто кавказские проблемы, писатель «поднимает на ноги» всю мировую литературу. Среди его единомышленников, бесспорно, Уильям Фолкнер, подаривший миру «поток сознания» как художественный метод. Надо видеть, как А. Макоев с его креативным подходом, утончил, убыстрил и разнообразил его, учитывая специфику кавказского темперамента, помноженную на невероятную скорость клипового мышления человека XXI века.

В этом есть выраженное качество уважения к современному читателю, который мгновенно «соображает, что к чему», которому «достаточно намекнуть». Оттого макоевские внутренние монологи отличаются максимальной информационной плотностью, вбирая в себя прошлое, настоящее и сиюминутное. Вот пример такого «ультра-экономного» письма из повести «Натюрморт с чайкой»: «Да, все ведёт к худшему, к тому же он и в письме намекнул, что должен уйти навсегда. А тут ещё и Артур: «Можешь поверить: этот малый уже лежит покойником». Тогда она заметку не дочитала – Лора не любит новостей такого рода. Сейчас нужно остановиться у ближайшего газетного киоска и купить этот номер. Здравствуйте, будьте добры, вчерашнюю «вечёрку», спасибо, вот эта колонка, на седьмой странице». Как видим, в одном маленьком отрывке спрессован целый информационный поток, начало которого в прошлом, а конец – в сиюминутном настоящем, «без предупреждения» плавно перетекающем «прямо в газетный киоск», на ходу переоформляясь в диалог с продавщицей.

Автор мастерски использует экспрессивно-стилистические возможности «потока сознания» для объективизации скрытых, порою даже «замурованных» чувств и мыслей кавказских горцев, которым «выход в эфир» запрещён, согласно строгим законам адыгэ хабзэ и адата. В особенности это касается женщин, которые, намекая на вынужденную интровертивную жизнь, по свидетельству историка-гендеролога М. А. Текуевой, пели «Уа, о наших печалях ни нана, ни дада не знают». Именно благодаря «поток подсознания», впервые выносящему на белый свет боль, скрытые желания, психологические комплексы молодой закрепощённой женщины, многослойный

образ Масират производит на читателя столь сильное художественное впечатление.

Не в меньшей мере данный приём эффективен при декларации истинных чувств к детям (особенно к сыновьям) типичного кавказского отца, который в рамках этических предписаний не балует ребёнка, публично не проявляет к нему сентиментальных чувств, держит его в строгости (как узнаваемо точно в этом отношении поведение Лиуана, выгоняющего из-за обеденного стола семилетнего (!) сына с недоеденным пирожком, и дождливым вечером хладнокровно отравляющего его в поле искать пропавшую корову). Это социальный норматив для Северного Кавказа. Следует отметить, что «детские страницы» макоевской прозы представляют собой «неоценимый источник для изучения основ народной педагогики и психологии». Новаторство Макоева-художника в том и заключается, что он, может быть, впервые в кабардинской литературе, отодвигает в сторону «социальное» и рассматривает «биологическое» в антропологии отца, тем самым обнажая душераздирающую историю об истинных родительских чувствах, столетиями оставшихся табуированной «территорией». Естественно, этому способствовал тонко разработанный автором механизм «потока сознания».

Кавказский регион весьма болезненно пережил в 1990-е гг. приход капитализма, который перевернул складывавшиеся веками представления о должном и недолжном, исказил привычные отношения между родственниками, соседями, поколениями, превратил в предмет торга любовь, дружбу, семью, искусство. Представителями русского и зарубежного критического реализма XIX века блестяще описан аналогичный тектонический сдвиг в России, Западной Европе. Особенно впечатляюще в этом вопросе творчество Оноре де Бальзака (1799-1850).

В кабардинской прозе Амир Макоев – один из самых талантливых авторов, который со всей объективностью исследует данный пласт национальной истории, отмеченный деградацией человеческих нравов, духовным обнищанием, фатальной «потерей небес». Тем интереснее отметить удивительные переключки современного кавказского писателя с собратьями по перу, отстоящими от него почти на два века назад. При этом, естественно, у А. Макоева нет времени «долго топтаться на месте», XXI век требует других скоростей – отсюда лишь «точечные» пересечения с произведениями великих классиков. Приведём один характерный пример. В рассказе Бальзака «Гобсек» главный герой, по-своему вершащий суд над аморальными людьми, придя во дворец графини де Ресто Анастаси, намеренно прошёл, «наследив грязными подошвами на ковре, устилавшем мраморные ступени».

Бальзаковский архетип «грязных подошв» на секунду оживает в повести А. Макоева «Возвращенное небо», где главного героя на веранде своего роскошного особняка встречает сконфуженный хозяин (из

числа «новых» кабардинцев), нечаянно «наступивший на помёт своего породистого щенка». Одним-единственным образом автор приводит в движение весь шлейф мировой критической литературы, попутно выполняя и дополнительные текстовые задачи – дать социальную оценку целому классу кавказских нуворишей, погрязших в «дерьме», а также изобразить скрытую печаль незадачливого отца, наступившего на «помёт» своего дурно воспитанного отпрыска, совершившего тяжчайшее преступление – убийство невинного человека.

Такого рода переключки с Маркесом (элементы магического реализма), Дж. Сэлинджером (детская психология), русской классикой (духовность), в высшей степени интеллектуализируют произведения А. Макоева и подчёркивают их настроенность на культурный диалог со всем миром.

Морской комплекс

Выдающийся отечественный философ, культуролог, литературовед Г. Д. Гачев, в своё время, исследуя сущностные черты понятия «этническая ментальность», вывел закон соотносённости между космосом, психеей и логосом народа. Согласно этой теории, можно предположить, что определяющей чертой кабардинской ментальности является «водный (морской) комплекс», находящий отражение в истории, этнографии, языке, фольклоре и профессиональной литературе адыгов. Бесспорно, этот вопрос требует серьёзного, фундаментального исследования, но даже беглый взгляд на художественный мир А. Макоева полностью подтверждает наше предположение о значимости водного (морского) начала в мыслительных координатах кабардинцев. В первую очередь, об этом свидетельствует обилие водных концептов в его «гипертексте» – река, озеро, море, остров, берег, ручей, лодка, рыба, рыбак, чешуя, улов, чайка, поток, утопленник, песок, омут, шлюз, родник, умывальник, русло, водяной насос, канавка, орошение, дождь, шланг, слезы, ил, рыба, капля и др.

«Вода» в художественном мире А. Макоева почти всегда выступает с отрицательной коннотацией. Бросается в глаза её связанность с мортальными мотивами, учитывая, что трагический уход из жизни главных героев в «Возвращённом небе», «Натюрморте с чайкой», «Лунных мальчиках» роковым образом предопределяется водной стихией. Тому есть два ассоциативно-логические объяснения. Во-первых, в макоевском мире небо и море (вода) выступают как верх и низ, духовное и материальное. Отсутствие или дефицит небесного-высокого-духовного оборачивается избытком, усилением, превалированием материальной, низменной, водной субстанции, тянущей человека вниз. Отсюда столь пронзительная идея, сквозной линией проходящая через весь подтекст книги, и запечатлённая в её названии – вернуть небесный уровень духовной высоты. Во-вторых, объясняя ситуацию с «морским комплексом», обязательно следует при-

нять в расчёт и исторический фактор, связанный с Кавказской войной, с трагедией вынужденного переселения на Ближний Восток, с утонувшими в Чёрном море мухаджирами. Естественно, эти факты не могли не оказать влияние на индивидуальную поэтику, стилистику, образную систему прозаика. Надо отдать должное мастерству автора, который, касаясь этой темы, не скатывается на публицистические или историографические рельсы, а тончайшим образом вплетает её в картину сновидения.

Много горечи и боли за изломанную женскую судьбу содержится в коротеньком онейрическом (сновидческом) тексте, откуда Масират узнает истинную причину своих гендерных злключений: «Вот он, стоит и тебя дожидается. Он единственный, кто во все времена определён был мужем твоим, быть и возлюбленным. Там вы почему-то не находите друг друга. А он оказался здесь в годы переселения нашего народа за море. Много лет назад это было, ушёл на дно морское вместе с другими». Это тот трагический случай, когда «предначертанное не предначерталось» из-за Кавказской войны, судьба пошла наперекосяк, и, вместо истинно наречённого «высокого, худощавого, с красивыми усами, одетого в черкеску» молодого человека, Масират выходит замуж за «чужую половинку», с которой жизнь так и не сложилась.

Как видим, вновь в этом крохотном эпизоде оказался сконцентрирован целый смысловой комплекс: национальная история адыгов; обречённость браков, совершающихся не на небесах, а в морских глубинах; опасность проживания чужой судьбы и др. В заданном контексте и Адальби уже оказывается без вины виноватым, – ведь и он вынужден проживать жизнь с «чужой» женой из-за искривившихся дорог всемирной и этнической истории. Такова глубина образов А. Макоева, в которых национальное, онтологическое, гендерное взаимообъясняют и дополняют друг друга. Прежде чем поставить точку на «водном комплексе» исследуемых произведений, отметим и фактор профессиональной ментальности: автор – дипломированный мелиоратор. Вне всякого сомнения, этот небезынтересный факт также добавил несколько «капель» в специфику художественного языка Амира Макоева.

Попутно отметим ещё несколько моментов из «мастер-класса» Амира Макоева. К примеру, здесь есть чем поживиться гендерологам, которые, несомненно, обратят внимание на специфические «женские жесты». Среди них такое чисто феминное сравнение – «точно разрезаешь тесто»; инстинктивная, идущая от прабабушек, манера «кидать вещи в цветную простыню и завязывать узлом», а не складывать «в дорожную сумку»; тайный поход студентки перед экзаменом к магическому деревцу. Как много «женской эмансипации», нарушающей все «синтаксисы», вложено в аномальное с грамматической точки зрения предложение – «вступила в разговор зелёный чайник». За простой несогласованностью подлежащего со сказуемым проглядывает внутрен-

нее стремление женщины («зелёного чайника») к самоидентификации, маркировке своего личного жизненного пространства, отказ слепо подчиняться всякого рода предписаниям, в том числе, и лингвистическим.

В макоевской прозе нашлось место и для юмора, также отмеченного двуполусным характером. Прежде всего, это циничный «рэкетирский юмор», направленный на ещё большее унижение «маленького человека». Ярким примером служит эпизод, где группа вымогателей на месте преступления встречает безутешного родителя с приветственными словами: «Во, отец приехал, сына из садика забирать». Автор с горечью фиксирует горькую приметку времени, когда вместо освящённого веками «Салам алейкум!» молодёжь использует столь оскорбительную форму приветствия с угрожающим подтекстом.

Носителями другого «интеллектуального» вида юмора в творчестве Амира Макоева выступают интеллигенты, представители мира искусства. Все содержание повести «Натюрморт с чайкой» пронизано тонкой материей именно такого «белого» юмора, основанного на игре слов, иронии, перифразах, иносказаниях, беззлобных розыгрышах, парадоксальных выражениях, постмодернистских шутках над «стариками». Кажется, самозарождению подобной смеховой культуры содействует сама атмосфера: юг, море, романтика и предвлюблённое состояние двух главных героев.

Таковы основные итоги полиаспектного анализа прозаического сборника А. Макоева «Возвращённое небо». Как любой подлинный художественный текст, он двулик по своей природе, поскольку одной стороной обращён к конкретной этнической (региональной) почве, его породившей, а другой – ко всему разноплеменному человечеству, к каждому читателю.

Отмечая ситуацию трагического отставания «highhum» (высокой гуманитаристики) от «hightech» (высоких технологий), российский лингвокультуролог У. М. Бахтикиреева пишет: «Стало очевидным, что без учёта гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений грядущий качественный технологический скачок способен изменить природу человека, его онтологию, похоронить человечество как вид». В этом контексте особое значение приобретает проза Амира Макоева, где в иносказательной форме изложены выстраданные автором уроки по сохранению «голубых небес» и «чистых родников».

Княз Гочаг – российско-азербайджанский поэт, литературовед, критик, стихи, рассказы, статьи которого опубликованы в журналах «Мир Севера», «Юность», «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Наука и религия», альманахах «Истоки», «Муза», «Академия поэзии», в еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета», в ежемесячной газете «День литературы», в книжном приложении «Независимой газеты», в других печатных изданиях.

Член Союза писателей Азербайджана с 1999 года, член Союза писателей России с 2003 года. С 1977 года живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, почетный гражданин города Пыть-Яха, заслуженный деятель культуры Югры, лауреат Всероссийских и Международных литературных премий, писатель-билингв, пишущий на азербайджанском и русском языках. Переводчик российской поэзии, в частности стихов Дмитрия Мизгулина, Валерия Дударева, Владимира Берязева, прозы Еремея Айпина, Сергея Козлова, Леонида Соколова, Валентины Ерофеевой и многих других. Автор книг «Были в саду абрикосы» и «Наука доброты».

«КАК БУДТО ВОЗВРАТИВ ГОДА...»

Муталип Беппаев – народный поэт Кабардино-Балкарской Республики. Он родился в 1949 году в Джамбуле. В 1971 году по рекомендации Кайсына Кулиева поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. После института, в 1975 году, вернулся в Нальчик, где работал в Балкарском госдрамтеатре... В 1978 году вышла его первая книга на балкарском языке – «Проснувшиеся скалы». Потом было еще пять сборников стихов. Какое-то время Беппаев работал заместителем редактора детского журнала «Нюр», журнала «Минги-Тау» и газеты «Заман». Он и сейчас не поживает на лаврах, а сохраняет наследие предшественников, переводя их на русский язык. Способствует открытию для русского читателя новых имен.

Названием новой книги переводов – «Меты поиска» – послужили слова Кайсына Кулиева. В предисловии к ней написано: «Не секрет, что духовной связи, пониманию, сближению между народами во многом способствуют литература и искусство. И этим сближением народов мы обяза-

ны, в частности, и русскому языку. Общение на одном языке – это основа для осуществления выбора будущих поколений в пользу мира. А литература всегда выступала в роли нравственного цензора, не позволяющего миру погрузиться в пучину бездуховности».

Муталип не работает с готовыми подстрочниками, а знает язык источника, погружается в него, чувствует и передает музыку и мудрость оригинального текста и точно отражает смысл исходных идиом и метафор, щедро делится с читателями авторскими находками и неповторимым национальным колоритом. А с какой любовью пишет он перед тем, как представить российскому читателю строки того или иного поэта, о нем, о его жизни и творчестве! Такие слова может найти только по-настоящему неравнодушный к судьбам национальной литературы и поистине добрый человек... О Кязиме Мечиеве пишет он: «У основоположника балкарской литературы не было ни лица, ни Литературного института, ни Академии наук, но он стал величайшим мыслителем, философом, нашим первым учителем добра, справедливости, мужества и стойкости. Страшно даже на минуту предположить, подумать, что случилось бы с нашей, ныне великой балкарской литературой, если бы мы оказались без ярчайшего ее светила?!» Подобным же образом охарактеризовал он и Исмаила Семенова: «Я очень хотел передать чеканность и лепоту – русскому читателю, ибо он, как это ни парадоксально, до сей поры, как нужно, должным образом, не переведен на русский язык. Этому, думается, была помехой наша депортация в Среднюю Азию и Казахстан, а после возвращения на родину – гонения, которые преследовали самого талантливого певца Карачая, Исмаила Семенова, до самой его кончины».

Такие разные поэты... Строки Мечиева покоряют любовью к родному дому: «Из Турции, Аравии вернулся, / Горам я Безенги вновь улыбнулся: / Дороже сердцу, чем дворец изящный, / Аула запах – сладостный, кизячный!» У Семенова совершенно другой ритм и иное дыхание. Вот строки об Эльбрусе: «Ты, неба самого касаясь, / Гор Кавказа – исполин! / С неба самого бросаясь, / Солнце слепнет – в свете льдин!» В стихотворении «Вопросы» есть строфа: «Во всей вселенной человек – один совсем, / Который с думами, с пророчьим словом – всем!.. / Кто повелел ему – безмерно так страдать: / Маясь в мечтах – быть бессмертным – умирать?!»

Следующий герой книги – Керим Отаров, фронтовик, самобытный поэт, родившийся у самого подножия Эльбруса. Не это ли счастливое рождение напитало его творчество божественной энергией народных легенд и сказаний? Новаторская по своей сути, его лирика вместе с тем уходит корнями в карачаево-балкарский фольклор: «Я горю. А если б не горел, / Как бы я в твои глаза смотрел? / Если б трусом мчался от огня, / Разве ты любила бы меня? / Если б я с неправдою дружил, / Если б я солгал своей строкой, / Был бы нужен людям я такой? / Мужество, поэзия, страна – / К ним любовь в крови моей одна!»

Муталип Беппаев. Меты поиска. Новая книга переводов. – Нальчик: Издательство Виктора и Марии Котляровых

этов, писателей, рассказывать сутками об увиденном, прочувствованном, услышанном в столице... В книге представлена любовная лирика поэта: «Снежинки первые идут, / Вновь белая пришла зима: / Вновь думы старые придут – / Как ты свела меня с ума!.. / Деревья снова, как тогда, / Белеют нежно, мы ж – вдвоем... / Как будто возвратив года – / Назад: вновь к счастью – побредем!...»

Далее следует Ахмет Неждет – турецкий поэт, переводивший в свое время Кулиева. О нем Беппаев сказал следующее: «Поэзия Ахмета Неждета – это сплав строго канонизированной средневековой поэзии и современного, начатого Назымом Хикметом, нового литературного процесса с чеканностью форм и приемов. Соединяя классический стих с красками сегодняшнего дня, поэт очень современен и актуален». Его некоторые стихи напоминают по форме рубаи: «Дождик и листок: / Так друг другу преданы / И луне – чуток...»

Завершают книгу уже переводы на карачаево-балкарский язык классиков различных литератур, а также любимых стихов Беппаева. Это Федор Тютчев и Габдулла Тукай, Гомер и Архилох, Пушкин и Лермонтов, Федерико Гарсиа Лорка и Франсуа Вийон, Гийом Аполлинер и Поль Элюар, Расул Гамзатов и Магомед Ахмедов, Шейит-Ханум Алишев и Супиянат Мамаева, Али Шогенцуков и Алим Кешоков, Исхак Машбаш и Зубер Тхагазитов, Кашиф Эльгаров и Молл Панах Вагиф, Муса Джалиль и Ренат Харис, Рафис Курбанов и Равиль Валеев, Мустай Карим и Равиль Бикбаев, Назым Хикмет и Атаол Бехрамоглу, Давид Кугультинов и Эрдни Эльдышев, Диман Белекова и Олжас Сулейменов, Валерий Тургай и Геннадий Иванов... Вот тут грани воистину стираются и происходит настоящее чудо – поэты говорят на одном языке.

Пыть-Ях, Югра

В номере:

Хасан Шаваев. Земной ад. Главы из романа	2
Анатолий Лагулаа. Сольвейг. Крылья счастья... Рассказы	40
Амир Макоев. Возвращенное небо. Повесть	70
Бурхан Берберов. Стихи.....	111
Константин Елевтеров. Стихи	114
Наш семинар. Стихи и проза участников литературного объединения журнала «ЛКБ».....	119
Кайсын Кулиев. Заботливо воспитывать молодых литераторов. О стихах начинающих поэтов. Статьи. Стихи.....	139
Азиза Махиева. Кайсын Кулиев в памяти кыргызского народа. Статья	153
Тахир Толгуров. Специфика образных представлений К. Кулиева. Статья	157
Аскер Додуев. Золотая плеяда. Статья	172
Зухра Кучукова. Художественное мастерство Амира Макоева. Статья	177
Гочаг Княз. «Как будто возвратив года...». Рецензия	184

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 21.03.2021. Подписано к печати 04.04.2021.
Выход в свет 29.04.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 916 экз. Заказ №721. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Жизнь испытывала Юрия Мухамедовича Тхагазитова во многих видах деятельности и в разных режимах давления – видимо, в соответствии с высотой и многообразием дарованных ему способностей. Он был, быть может, не самым дисциплинированным студентом, но одним из немногих, удостоенных ещё в годы учёбы стабильным обращением «коллега» со стороны профессуры. Как журналисту ему были открыты любые направления и перспективы. Его качества университетского преподавателя можно было охарактеризовать одним ёмким словом – «блестящий». Уйдя в академическую науку, Тхагазитов сразу же зарекомендовал себя неординарным и глубоким исследователем, открывшим новый формат научного мышления – комбинированного, междисциплинарного и эффективного. Де факто, именно его нетривиальные подходы к адыгскому литературному контексту сформировали новые концептуальные интерпретации национальной литературы и культуры – интерпретации, и сегодня являющиеся неоспоримым авангардом научной гуманитарной мысли республиканского, общеадыгского, северокавказского и общероссийского уровня. Тхагазитов-управленец – это, прежде всего, удивительное сочетание необыкновенной интеллигентности и мягкости в общении с людьми и категорической, непримиримой жёсткости в реализации принятых им решений, – идеальный набор для трудных лет его деятельности в госструктурах.

И, главное, Юрий Мухамедович Тхагазитов – счастливый человек, хотя сам он, вполне вероятно, так не считает: слишком высока планка его требований к содержанию и результатам собственной работы. И, тем не менее, та степень полнокровности жизни, в которой он пребывает на сегодняшний день, как раз и называется счастьем. Сколько подобных юбилейных поздравлений замыкается в скудных рамках прошедшего времени? Но к Тхагазитову это не имеет никакого отношения.

Он не «был», он есть – великолепный учёный, самобытный исследователь, постановщик научных проблем и создатель новых концепций. Он есть – сильный администратор и организатор, с появлением которого, наконец-то, появилась реальная надежда на возрождение полноценного литературного процесса в КБР. Юрий Мухамедович Тхагазитов и сегодня, в канун своего юбилея, остаётся эмоциональным и жадным до жизни человеком. Это – счастье. Настоящее счастье, и мы, от чистого сердца и распахнутой души – а с ним по-другому нельзя! – желаем, чтобы оно длилось и длилось... очень много лет!

